
STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ I–IV

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1902

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Крестьянинъ Австрійской Крайны и его постройки.

Племенную, довольно точную, границу въ Австро-Венгерской имперіи составляетъ одинъ изъ правыхъ притоковъ Дуная—рѣка Драва. На сѣверъ отъ нея: въ Венгріи живутъ почти исключительно мадьяры, а въ Австріи—нѣмцы. На югѣ же, какъ въ Венгріи, такъ и въ Австріи, живутъ славяне: въ первой—хорваты, во второй—словинцы (словенцы, словѣнцы). Этнографическія области, разграничиваемыя Дравой, настолько опредѣлены, что примѣси къ господствующему въ нихъ населенію являются какъ бы исключеніемъ.

Приблизительно 4.000 лѣтъ тому назадъ, та часть современной Австріи, которая лежитъ между Дравою и Адріатическимъ моремъ, была населена народомъ, ни имя, ни происхожденіе котораго неизвѣстны. Онъ оставилъ по себѣ слѣды въ свайныхъ постройкахъ. Народъ этотъ не зналъ металловъ и выдѣлывалъ свои орудія изъ кости, а кремнѣвое оружіе получалъ путемъ торговли. За 1.000—1.200 лѣтъ до Рождества Христова народъ этотъ былъ либо вытѣсненъ, либо порабощенъ племенами, извѣстными подъ наименованіемъ иллирійскихъ. Появленіе иллировъ знаменуетъ новую эпоху. Въ странѣ появляются желѣзныя издѣлія, далеко распространяющіяся за предѣлы богатой рудами современной Крайны, обитаемой въ то время яподами. Народность эта низкаго, повидимому, роста, вооруженная короткими, болѣе похожими на кинжалы, мечами подвергается съ V в. до Р. X. нападенію вооруженныхъ громадными мечами кельтовъ. Осѣли ли кельты прочно въ Крайнѣ или нѣтъ, но вліяніе ихъ культуры на яподовъ не подлежитъ сомнѣнію. Со II вѣка до Р. X. наступаетъ новая эра—появляются римляне. Окончательное покореніе яподовъ происходитъ между 15 годомъ до Р. X. и 9 годомъ послѣ Р. X. Съ этого времени современная Крайна входитъ въ составъ частью провинціи Норикумъ, частью Пяноніи. Послѣ паденія Рима, въ VI в. по Р. X., Крайну занимаютъ остготы; въ томъ же вѣкѣ смѣняютъ ихъ лонгобарды. Съ уходомъ послѣднихъ, въ

568 г., появляются славяне, но не одни, а въ единеніи съ аварами, образовавшими могущественное хотя и не долговѣчное государство. Подвигаясь на западъ вверхъ по теченію Дравы и Савы, славяне сталкиваются съ баварцами, которые преграждають имъ дальнѣйшій путь (595 г.). Затѣмъ, цѣлыхъ два столѣтія страна проводитъ почти внѣ свѣта историческихъ источниковъ. Въ VIII вѣкѣ становится извѣстнымъ, что славянскій князь Борушъ призывалъ противъ аваровъ своихъ сосѣдей баварцевъ. Этимъ кладется начало введенію христіанства; одновременно появляется германское вліяніе во всей такъ называемой Хорутаніи, т. е. странѣ, ограниченной съ юга-запада р. По и тянувшейся вдоль Адріатики черезъ современное Приморье, Крайну, Каринтію, Штирію, почти до предѣловъ Вѣны. Въ томъ же VIII вѣкѣ рушится передъ франками власть баварцевъ. Предводитель франковъ Карлъ Великій, не ограничиваясь германскими предѣлами, со всею силою нападаетъ на аваровъ и уничтожаетъ ихъ власть на всегда (788—799 г.г.). Славяне Хорутаніи поддерживаютъ, въ лицѣ своего князя Бониміра, Карла Великаго, но не пріобрѣтаютъ этимъ полной свободы. Напротивъ того, Хорутанія подвергается усиленной колонизаціи баварцевъ, франковъ и саксовъ, а послѣ возстанія славянскаго князя Людевита (въ началѣ IX в.) мѣстные вожди замѣняются германскими ставленниками. Съ этого времени исторія хорутанскихъ славянъ и въ частности крайнцевъ такъ или иначе тѣсно связана съ исторіею Римско-Германской, а потомъ и Австрійской имперіи. Фактически съ IX в. Крайною владѣютъ герцоги Фріульскіе; съ XII до первой трети XIII вѣка надъ ней стоятъ маркграфы съ резиденціею въ Кранѣ, называемомъ нѣмцами Крайнбургъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, часть земли принадлежитъ Фрейзингенскимъ и Бриксенскимъ епископамъ, нѣкоторая же доля—герцогамъ Каринтійскимъ. Въ 1246 г. большая часть Крайны причисляется къ Каринтіи, меньшая же—къ графству Тирольскому. Съ 1374 г. устанавливаются приблизительно современныя границы Крайны, ограниченныя съ сѣвера Каринтіею (Хорутаніею) и Штиріею, съ востока—Хорватіею, а съ запада и юга—Приморьемъ.

Такимъ образомъ, всѣ средніе вѣка, какъ и новое время, мѣстная славянская народность находится подъ управленіемъ германскихъ государей и ихъ единоплеменныхъ уполномоченныхъ. Отсутствіе самостоятельности не могло не отразиться на національныхъ силахъ славянскаго народа. Съ теченіемъ столѣтій онъ уменьшился численностью и потерялъ территоріально. Въ настоящее время потомки древнихъ славянъ-хорутанъ, словинцы, занимаютъ приблизительно треть того пространства, которымъ владѣли ихъ предки. Почти все, что жило сѣвернѣе р. Дравы, перешло въ составъ—германскаго, а все, что жило западнѣе р. Сочи или Изонцо, въ составъ романскаго

племени. Теперь словинцы, численностью въ 1,200.000 душъ, занимаютъ южную треть Штиріи и южную четверть Каринтіи. Зато вся Крайна сохранила свою словинскую народность. Она уцѣлѣла и въ Приморьѣ, гдѣ примыкаетъ къ народности хорватской.

Исторія Крайны, какъ одной изъ провинцій сначала Римско - Германской, потомъ Австрійской имперіи, не блистала, да и не могла блистать выдающимися политическими событіями. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ теченіи всего XV вѣка и отчасти XVI столѣтія Крайна подвергается турецкимъ набѣгамъ. Турки не задавались цѣлью завоевать страну; они ограничивались разбойническими нашествіями, изнурявшими Крайну и препятствовавшими ея развитію.

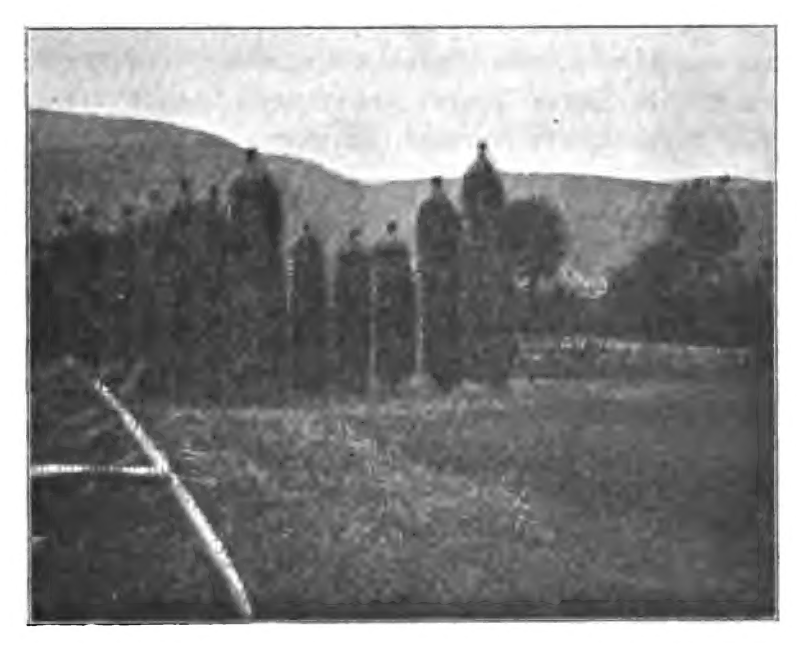

Рис. 1. Остойца (Внутренняя Крайна).

Но сельское населеніе, болѣе всего страдавшее отъ турецкихъ набѣговъ, кромѣ того притѣснялось еще и мѣстными правителями страны, взымавшими съ него непомѣрныя подати. Порабощеніе и угнетеніе приводятъ къ возстаніямъ и бунтамъ, которыми богаты XVI и XVII вѣка. Тогда же, т. е. въ XVI в., въ Крайну проникаетъ и распространяется въ ней протестантское ученіе. На почвѣ Крайны новая вѣра пріобрѣтаетъ національное значеніе и двигаетъ саморазвитіе народа. Библія, до того извѣстная лишь на латинскомъ языкѣ, переводится на словинскій; богослуженіе происходитъ, равнымъ образомъ, на родномъ языкѣ. Но это движеніе, вызвавшее нарожденіе національной литературы и имѣвшее важное значеніе для самобытнаго развитія народа, подавляется силою.

Въ новѣйшій періодъ исторіи Крайны слѣдуетъ отмѣтить кратковременную, но очень важную для нея эпоху образованія Наполеономъ I Иллирійской провинціи, въ составъ которой вошла и Крайна. Европейская коалиція 1813 г. уничтожила эту провинцію, а съ 1816 г. Австрія вступила во владѣніе Иллиріею. Въ 1822 г. отдѣленная отъ нея Хорватія была отдана Венгріи, а въ 1849 г. были разъединены Каринтія, Крайна и Приморье.

Крайна—центръ современнаго словинскаго міра. Въ географическомъ отношеніи она раздѣляется на три части: Верхнюю, занимающую сѣверъ страны, Нижнюю—на юго-востокѣ и Внутреннюю—на югѣ и юго-западѣ. Эти три области рѣзко отличаются другъ отъ друга. Верхняя Крайна всецѣло занята высокими горными цѣпями и представляетъ типичную альпійскую мѣстность. Въ Нижней Крайнѣ романтическій горный ландшафтъ замѣняется идиллическимъ, холмистымъ. Внутренняя же Крайна принадлежитъ къ области кража или карста, т. е. тѣхъ нагорій, которыя, благодаря своеобразнымъ особенностямъ слагающихъ ихъ известковыхъ породъ, образуютъ замкнутыя долины, трещины, провалы, пещеры и открываютъ человѣку обильный чудесами подземный міръ.

Въ этой, богатой разнообразными красотами природы, странѣ по преимуществу шелъ ростъ словинскаго народа, ростъ матеріальный, умственный и нравственный. Въ Крайнѣ главнымъ образомъ крѣпъ его національный духъ и зрѣли элементы для политической борьбы, увѣнчавшейся въ настоящее время значительнымъ успѣхомъ. Теперь Крайна почти совершенно словинская земля и населеніе ея лишь на 5,7% нѣмецкое, сосредоточивающееся преимущественно въ юго-восточной части Крайны, въ общинѣ Кочевье или Готче. Національные словинскіе элементы черпали свои силы въ землеобрабатывающемъ классѣ, въ мѣстномъ крестьянствѣ. Крайнскій крестьянинъ далъ своему народу и торговый классъ, и высшіе слои свѣтской интеллигенціи, и образованныхъ священниковъ. Привязанность къ землѣ и терпѣливая тщательная обработка ея подняли экономически словинца-крестьянина и сдѣлали изъ него надежную опору для племени. Между тѣмъ и климатъ и почва не особенно благопріятствуютъ земледѣлію. Частые, сѣверные, суровые вѣтра быстро понижаютъ температуру. Изобиліе осадковъ развиваетъ чрезмѣрную и при томъ неправильно распредѣляющуюся влагу. Почва во многихъ мѣстностяхъ требуетъ удобренія и весьма старательной обработки. Крайнскій крестьянинъ былъ всегда вынужденъ бороться съ природой. Эта борьба выработала въ немъ настойчивость при достиженіи своей цѣли и упорство въ трудѣ. Лишь немногія долины, защищенныя горами отъ стужи и покрытыя

плодоноснымъ слоемъ земли, съ избыткомъ вознаграждаютъ работу земледѣльца.

Крайна вообще представляетъ громадное разнообразіе. На ея пространствѣ, не достигающемъ по своимъ размѣрамъ (915.500 дес.) величины даже нашей Кѣлецкой губерніи, встрѣчаешь на разстояніи немногихъ часовъ ѣзды какъ высоколежащіе альпійскіе луга, покрытые низкорослыми цвѣтами, такъ и глубокія долины, своею флорою напоминающія теплыя средиземноморскія страны. Дѣвственные буковые и еловые лѣса чередуются съ лугами и полями, альпійскія высоты—съ суровыми скалами кража (карста). Въ этой странѣ человѣку приходилось, приспособливаясь къ разнороднымъ условіямъ природы, изощрять всѣ свои способности на ея изученіе и подчиненіе себѣ. Многовѣковой трудъ на этомъ поприщѣ увѣнчался полнымъ

Рис. 2. Стогъ (или козолецъ) въ Верхней Крайнѣ.

успѣхомъ. Послѣдній въ значительной степени стоялъ въ зависимости отъ того, что крестьянинъ—словинецъ былъ дѣйствительнымъ хозяиномъ своей земли. Онъ не арендаторъ, какимъ является крестьянинъ во многихъ мѣстностяхъ Западной Европы, а неограниченный собственникъ земли. Изъ всего пространства 80% находятся въ его владѣніи. Крупная земельная собственность мало развита. Исключеніе составляютъ земли нѣсколькихъ помѣщиковъ, сосредоточившихъ въ своемъ владѣніи весьма значительныя имѣнія. Большинство же помѣстій не превышаютъ 250—500 десятинъ и представляются экономически слабыми.

Главное богатство Крайнскаго крестьянина заключается въ громадныхъ лѣсныхъ пространствахъ. Къ сожалѣнію, они еще до сихъ поръ недостаточно ра-

ціонально эксплоатируются, въ старину же лѣса подвергались хищническому истребленію, оголившему большія пространства южной Крайны. Тѣмъ не менѣе и по настоящее время лѣса занимаютъ 44% всей площади земли. Почти три четверти всѣхъ лѣсовъ находятся во владѣніи либо крестьянскихъ общинъ, либо отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ.

Земельное пространство, находящееся во владѣніи крестьянъ, распредѣлено между ними неравномѣрно. Есть хозяева, владѣющіе участками свыше 40 десятинъ, другіе, либо владѣютъ земельными клочками въ 3—4 десятины, либо вовсе не причастны къ землевладѣнію. Среднее нормальное хозяйство крестьянина можно считать въ 15—25 десятинъ. Владѣніе подворное, причемъ каждый „дворъ" не представляетъ участка въ одной межѣ, а состоитъ изъ ряда полосъ земли (числомъ до 20 и болѣе), раскинутыхъ на значительномъ пространствѣ.

При указанныхъ условіяхъ совершенно естественно, что Крайна издавна и до настоящаго времени была страною земледѣльческою. Правда, Крайна богата и рудами: добыча желѣза относится еще къ доисторическому періоду жизни страны, ртутныя копи открыли свое дѣйствіе въ XV вѣкѣ и достигли славы уже въ слѣдующемъ столѣтіи. Тѣмъ не менѣе, важнѣйшимъ фондомъ для благосостоянія края была не промышленность и не торговля, а земледѣліе. И по настоящее время изъ 500.000 душъ наличныхъ, населяющихъ Крайну, приблизительно 360.000 душъ причастны къ земледѣльческому труду.

Будучи по преимуществу страной крестьянскаго населенія и мелкаго землевладѣнія, Крайна черпаетъ свое благосостояніе одинаково какъ изъ обработки полей (15%), такъ и изъ разведенія садовъ (3%) и изъ скотоводства. Послѣднему содѣйствуютъ обширные альпійскіе луга, лѣсные выгоны, а равно разведеніе кормовыхъ травъ. Въ садахъ культивируются преимущественно вишни, сливы, яблоки и груши. Виноградъ, особенно во Внутренней и отчасти въ Нижней Крайнѣ, играетъ въ хозяйствѣ довольно значительную роль. Кромѣ того, разводятся огороды, главнымъ образомъ (за исключеніемъ капусты) для домашнихъ надобностей. Поля, обработанныя съ большою тщательностью, засѣваются преимущественно: овсомъ, кукурузой, просомъ, гречихой, ячменемъ, пшеницей, рожью, льномъ, картофелемъ, кормовыми травами, свекловицей и бобами. Послѣдніе, культивируемые въ большомъ количествѣ, славятся своими хорошими качествами. Куроводство играетъ немаловажную роль во многихъ хозяйствахъ. Пчеловодство, славящееся съ XVIII в., имѣетъ и по настоящее время большое значеніе (32.000 ульевъ). Развитію этой отрасли хозяйства въ значительной степени содѣйствуетъ засѣваемая въ большомъ количествѣ гречиха. Выростая къ концу лѣта, она находится въ полномъ цвѣту въ августѣ и даже сен-

тябрѣ, т. е. въ то время, когда отцвѣтающіе горные луга перестають доставлять достаточное питаніе пчеламъ и онѣ переносятся въ своихъ ульяхъ съ горъ въ долины.

Къ искуственнымъ удобрительнымъ тукамъ прибѣгаютъ рѣдко, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ достаточенъ навозъ отъ собственнаго скота, тѣмъ болѣе, что поля не всѣхъ мѣстностей требуютъ ежегоднаго удобренія; оно примѣняется нерѣдко каждые 2—3—4 года. Обычный сѣвообмѣнъ слѣдующій: картофель, озима, яровое, клеверъ; или же сѣмя идетъ въ такомъ порядкѣ, что въ первую очередь засѣвается озимая пшеница, во вторую — озимая рожь или горохъ, послѣ чего слѣдуетъ яровое, а затѣмъ кормовыя травы. Надо замѣтить, что гречиха, какъ и свекловица, сѣются послѣ снятія

Рис. 3. Пантеръ (Внутренняя Крайна).

перваго урожая и въ общій сѣвообмѣнъ не входятъ. Кукуруза нерѣдко воздѣлывается годами на одномъ и томъ же полѣ.

Скотъ держится отчасти какъ рабочая сила, отчасти какъ источникъ прямого дохода [1]). Выкармливаютъ телятъ и поросятъ на убой, выращиваютъ

[1]) Въ общемъ въ Крайнѣ нѣтъ большого количества скота и число его на каждое хозяйство, а ихъ приблизительно 55.500. опредѣляется такъ: 0.6 лошадей, 6,4 рогатаго скота. 2.1 свиней и 1,9 овецъ. Но такъ какъ количество скота распредѣлено неравномѣрно, то встрѣчаются крестьянскія хозяйства, опирающіяся главнымъ образомъ на скотоводство и, быть можетъ, именно потому болѣе состоятельныя, у которыхъ скотъ распредѣляется приблизительно слѣдующимъ образомъ: 2 лошади, 3 коровы, 3 теленка, 5 свиней и 18 поросятъ;

воловъ для продажи, держатъ коровъ ради молока, которое либо сбывается на ближайшихъ рынкахъ, либо перерабатывается въ сыръ. Послѣдній выдѣлывается преимущественно для личныхъ надобностей, но организованныя за послѣднее время сыроваренныя общества содѣйствуютъ развитію дѣла, такъ что сыръ уже въ настоящее время является продуктомъ продажи.

Въ Крайнѣ нерѣдко бо́льшая доля доходовъ почерпается изъ скотоводства, меньшая — отъ полей. Происходитъ это отъ того, что рабочія руки довольно дороги, а цѣны на скотъ сравнительно высокія. Посторонніе рабочіе, содержащіеся на хозяйскихъ харчахъ, получаютъ отъ 48 до 72 рублей въ годъ (пастухъ только 38—39 руб.), работница отъ 40 до 48 рублей ежегодно. Кромѣ того, въ горячую пору нанимаются поденщики и поденщицы, получающіе на хозяйскихъ харчахъ: первые отъ 32 до 48 коп., вторые отъ 24 до 32 коп. въ день, т. е. плату, которая въ крестьянскомъ быту не можетъ считаться малой. Въ нормальныхъ среднихъ хозяйствахъ крестьяне живутъ безбѣдно; многіе изъ нихъ покрываютъ свои расходы съ легкостью и сохраняютъ сверхъ того чистую прибыль. Впрочемъ, въ настоящее время крестьянское населеніе Крайны переживаетъ кризисъ. Сельско-хозяйственная культура, соотвѣтствовавшая еще сравнительно недавно мѣстнымъ потребностямъ, начинаетъ отставать отъ запросовъ времени. Чрезполосность владѣній, отсутствіе капиталовъ и недостаточность сельско-хозяйственнаго образованія— суть тормазы въ развитіи благосостоянія, ощущаемые въ Крайнѣ весьма значительно. За послѣднія 50 лѣтъ экономическія условія Крайны настолько измѣнились, что страна изъ богатой начинаетъ превращаться въ обѣднѣвающую. Причины такой перемѣны заключаются главнымъ образомъ въ измѣнившихся условіяхъ торговаго рынка, въ развитіи Балтійскихъ германскихъ портовъ, отвлекающихъ грузы отъ Адріатическаго моря, тарифная политика частныхъ желѣзныхъ дорогъ, непосильная для Крайны конкурренція со стороны богатыхъ сельско-хозяйственными продуктами Венгріи и Балканскихъ государствъ.

Уровень земледѣльческой культуры въ Крайнѣ теперь таковъ, что страна не въ состояніи пропитать себя мѣстными земледѣльческими продуктами. Скотоводство же, превышающее мѣстный спросъ, покрываетъ лишь часть дефицита земледѣльца. Рабочихъ рукъ не достаетъ. Прежнія сбереженія издержаны, земля сильно задолжена. Довольно крупные земельные участки требуютъ наемныхъ рабочихъ рукъ, между тѣмъ малая доходность земли вынуждаетъ самихъ

кромѣ того, 16 куръ и 3 утки; или—4 лошади, 16 коровъ, 4 теленка, 6 свиней; или же—4 быка, 4 бычонка, 4 коровы, 4 теленка, 6 свиней, 25 овецъ. Составъ скота зависитъ отъ того, на что собственно направлено скотоводство: на сбытъ-ли молока и переработку его продуктовъ, на выкормку свиней, телятъ и быковъ, или же на добычу шерсти и эксплоатацію живой силы при обработкѣ полей.

крестьянъ-собственниковъ искать заработокъ въ отхожемъ промыслѣ или вообще на сторонѣ внѣ сельско-хозяйственнаго труда. Изъ 55.500 самостоятельныхъ хозяевъ около 11.000 пополняютъ свои доходы изъ источниковъ, не связанныхъ собственно съ земледѣліемъ. Если не считать лѣса, который занимаетъ, особенно въ сѣверной части страны, большія пространства, то на 22 приблизительно десятины приходится одинъ наемный рабочій [1]). При такихъ

Рис. 4. Козолецъ (Нижняя Крайна).

условіяхъ неудивительно, что въ нѣкоторыхъ хозяйствахъ забрасывается часть пахотной земли и развивается скотоводство. Классъ мѣстныхъ батраковъ издавна былъ слабо развитъ въ Крайнѣ. Немногіе наличные арендовали клочки земли у крестьянъ-собственниковъ за поденную работу. Съ ухудшеніемъ благосостоянія, послѣдніе продавали мелкіе батрачьи участки, немного сами

[1]) Тѣмъ не менѣе, и теперь еще вовсе не рѣдкостью представляются хозяйства, въ которыхъ обороты примѣрно слѣдующіе. Хозяйство *А*: земли 27,5 дес.; изъ нихъ 14,5 подъ лугами, 6,5 подъ лѣсомъ и 5.5 подъ пашней; доходъ отъ сельскаго хозяйства 320 рублей, отъ скотоводства 520 рублей: доходъ этотъ покрываетъ расходъ безъ остатковъ. Хозяйство *Б*: земли 17,5 дес.; изъ нихъ 8 дес. подъ лѣсомъ, 7,5 подъ пашней; доходъ отъ урожая 168 рублей, отъ скотоводства 256 рублей, отъ другихъ поступленій 144 рубля, всего 568 рублей; расходъ 545 р. 80 к., въ томъ числѣ 40 рублей налоговъ; такъ какъ стоимость этого участка опредѣлена въ 6.400 рублей, то доходъ (содержаніе дома и чистая прибыль) равняется по крайней мѣрѣ 3—4%. Хозяйство *В*: земли 37,5 дес.; изъ нихъ 15,5 дес. луговъ, 9,5 дес. пашни, 6 дес. лѣса и 3 дес. выгона; доходъ 1.800 руб.; изъ нихъ 400 руб. отъ урожая, остальное отъ скотоводства; расходъ 1.348 руб. 80 к., въ томъ числѣ 136 руб. налоговъ; стоимость участка 19.200 руб., и доходъ, слѣдовательно, составляетъ отъ 5 до 6%.

отъ этого выигрывая и создавая малоземельный пролетаріатъ. Еще въ сравнительно недавнее время Крайна привлекала къ себѣ, благодаря важному торговому положенію, рабочія руки со стороны; теперь же, наоборотъ, нѣсколько десятковъ тысячъ крестьянскаго населенія оставляетъ въ поискахъ за заработками Крайну. Къ эмигрантамъ, доходящимъ въ поискахъ за обезпеченіемъ своего существованія до Америки, принадлежатъ весьма нерѣдко крестьяне-собственники. Быстро наступившій кризисъ засталъ крестьянъ неподготовленными. Пришлось закладывать земли. Плата за залогъ, значительные налоги, а равно малая доходность хозяйства вызываютъ то характерное явленіе, что, напримѣръ, участки въ 15—20—35 дес., оцѣненные въ 6—19.000 руб., даже при скромной жизни хозяевъ, не даютъ возможности дѣлать мало-мальски значительныя сбереженія. Общая сумма задолженности мелкаго землевладѣнія составляетъ въ настоящее время около 63 милліоновъ гульденовъ или $50^1/_2$ милліоновъ рублей. Иными словами на каждой десятинѣ (мелкое землевладѣніе составляетъ 739.000 десятинъ) лежитъ долгъ въ болѣе, чѣмъ 68 рублей. При этомъ долгъ, изъ года въ годъ прогрессивно возрастая, увеличивается, за послѣднее время приблизительно на $2^1/_2$ милліона рублей ежегодно.

Многіе участки словинскихъ крестьянъ находятся во владѣніи данныхъ семействъ въ теченіе долгаго времени. Многіе прочно осѣвъ на своихъ участкахъ уже издавна, ведя хозяйство раціонально и бережливо, выдѣлились изъ общей среды, накопивъ капиталъ. Капиталъ этотъ далъ подобнымъ лицамъ возможность положить основаніе къ фактическому выходу своей семьи изъ крестьянскаго званія. Нерѣдко сынъ зажиточнаго крестьянина, не разрывая, впрочемъ, связи съ землей, переходитъ на торговлю, а третье поколѣніе становится уже экономически крѣпкими купцами или же пополняетъ ряды духовенства и свѣтской интеллигенціи. Неблагопріятныя экономическія условія, а также предпріимчивый духъ словинца нерѣдко ведетъ за собой распаденіе семьи. Часто на участкѣ, способномъ, казалось бы, прокормить большую семью, живутъ одни старики, либо съ однимъ лишь сыномъ, обрабатывая землю при посредствѣ наемныхъ работниковъ, тогда какъ остальные члены семьи ищутъ себѣ заработокъ въ другомъ мѣстѣ, иногда внѣ предѣловъ своей родины. Словинецъ Крайны трудолюбивъ, трезвъ и находчивъ. Поэтому онъ желанный рабочій. Его не пугаютъ отдаленныя, чужія страны. Онъ заработокъ свой ищетъ даже въ Америкѣ съ тѣмъ, чтобы, скопивъ крупную сумму, вернуться въ любимую Крайну, которой онъ преданъ всей душой. Любя свой семейный очагъ, словинецъ Крайны преданъ и своей церкви. Свободный и поэтому гордый крайнскій словинецъ самолюбивъ и одинаково способенъ какъ къ сельскому хозяйству, такъ и къ промыслу и торговлѣ, а равно къ развитію умственному. Всѣ эти качества словинца дѣлаютъ изъ него жизнеспособнаго человѣка, сумѣвшаго не

только отстоять свою народность и ея самобытныя черты, но сдѣлаться хозяиномъ своей страны, взявъ въ свои руки какъ матеріальныя богатства, такъ и руководительство духовнаго и политическаго своего развитія.

Общими выразителями творческихъ началъ всякаго народа являются его постройки. Въ Крайнѣ онѣ разнообразны и сложны. Особенность хозяйства крайинскаго крестьянина, сѣющаго на мѣстѣ снятаго хлѣба подъ второй урожай гречиху и свекловицу, наложило печать на характеръ его хозяйственныхъ построекъ. Сжатый хлѣбъ невозможно, въ виду немедленной обработки поля

Рис. 5. Козолецъ (Внутренняя Крайна).

подъ новое зерно, оставлять на мѣстѣ. Его необходимо сушить внѣ мѣста урожая. Кромѣ того замкнутыя долины, лишенныя стоковъ, легко подвергаются наводненію, затрудняющему правильную просушку какъ зерна, такъ и кормовыхъ травъ. По той же причинѣ нецѣлесообразно было бы устраивать въ Крайнѣ гумна на подобіе нашихъ великорусскихъ.

Въ связи съ этими мѣстными особенностями, хозяйственныя постройки крайнскаго крестьянина очень развиты и служатъ преимущественно для сушки скошенныхъ хлѣбовъ и травъ, для вымолачиванія зерна и его сохраненія, а равно для сохраненія травъ и, наконецъ, для помѣщенія скота. Поэтому хозяйственныя постройки возможно раздѣлить на три основные типа: сушилка, гумно и сарай, конюшня и хлѣвъ. Другія хозяйственныя потребности вызываютъ лишь приспособленіе перечисленныхъ типовъ построекъ къ извѣстнымъ функціямъ.

Простѣйшій способъ сушенія заключается въ размѣщеніи сельско-хозяйственныхъ продуктовъ (кормовыхъ травъ, бобовъ и т. п.) на шестахъ. Шесты эти втыкаются вертикально въ землю. На нихъ наматывается и натыкается трава или бобы, удерживаемые полусрѣзанными сучьями шестовъ. Тамъ, гдѣ хозяйство менѣе сложно и поэтому болѣе примитивно, шесты (остойца) разставлены безъ какого либо порядка. Въ усовершенствованныхъ хозяйствахъ шесты расположены въ одинъ—два ряда; въ нѣкоторыхъ случаяхъ каждый шестъ прикрытъ соломенною круглою крышею, защищающею его отъ дождей (см. рис. 1). Для большей устойчивости шесты иногда соединяются между собой поперечными шестами, положенными накрестъ или инымъ образомъ. Такого рода усложненный типъ сушильныхъ шестовъ представляетъ переходную ступень къ своеобразному сооруженію — стогу [1]). Стогъ, распространенный

Рис. 6. Скедень (Внутренняя Крайна).

по всей Крайнѣ и придающій ея полямъ характерную физіономію, представляетъ слѣдующее сооруженіе. Нѣсколько (отъ 5 до 20) вертикальныхъ высотою сажени въ двѣ столбовъ соединены между собою горизонтальными шестами (10—12), прикрытыми какъ и столбы двускатной узкой крышей. На горизонтальные соединительные шесты навѣшиваются травы, кукуруза, рожь, пшеница и другіе продукты сельско-хозяйственнаго труда. Описаннаго рода „стогъ", извѣстный въ Крайнѣ уже въ XVII в., осложняется нерѣдко пристройкой навѣса (см. рис. 2). Этотъ навѣсъ служитъ для сохраненія телѣгъ въ нижней своей части и орудій — въ верхнемъ, такъ сказать, чердачномъ помѣщеніи. Онъ образуется путемъ удлиненія части крыши стога, упирающейся на параллельно главному стогу поставленный маленькій и болѣе низкій стогъ. Навѣсъ этотъ представляетъ переходную форму къ болѣе слож-

[1]) Также — козолецъ (выговаривается: козольцъ); словомъ «стогъ» называется и сарай вообще.

ному хозяйственному сооруженію, называемому пантеръ [1]) и встрѣчающемуся почти исключительно въ Нижней и Внутренней Крайнѣ (см. рис. 3).

Это сооруженіе представляетъ какъ бы переходную форму къ еще болѣе сложному—козольцу. Послѣдній въ его развитомъ видѣ (см. рис. 4 и 5) не что иное, какъ двойной пантеръ и несетъ троякую службу. Его стѣны, представляющія два параллельно другъ другу поставленные стога — предназначены для сушки сельско-хозяйственныхъ продуктовъ; нижняя половина, сквозная — является какъ бы первобытнымъ сараемъ для укрытія повозокъ, а верхняя приспособлена для сохраненія сѣна.

Рис. 7. Кочне (Верхняя Крайна).

Изъ подобнаго рода козольца [2]) развился, повидимому, другой типъ хозяйственной постройки—сарай-гумно, такъ называемый скеденъ (см. рис. 6). Прилагаемый рисунокъ не оставляетъ сомнѣнія, что крайнскій скеденъ есть сооруженіе весьма близкое къ козольцу, хотя и приспособленное къ спеціальнымъ функціямъ. Скеденъ раздѣляется на двѣ части: въ нижнюю ставятся телѣги, или же она служитъ конюшней и хлѣвомъ, а въ верхней своей части скеденъ есть крытое гумно и одновременно сарай для сохраненія сѣна и зерна. На прилагаемомъ рисункѣ видно, что въ верхнюю часть скеденя проникаютъ

[1]) Также — козолецъ самецъ.

[2]) Есть еще переходная ступень, а именно, среднее между козольцомъ и скеденемъ положеніе занимаетъ постройка, называющаяся колиба. Кромѣ того встрѣчается, хотя и рѣдко, еще одна хозяйственная постройка—кашча (кащa). Это высокое, узкое зданіе съ выступающей на одной сторонѣ двускатной крышей, образующей навѣсъ. Постройка эта, строющаяся въ Нижней Крайнѣ изъ камня, имѣетъ два входа подъ навѣсомъ: одинъ ведетъ въ нижній этажъ, а другой по лѣстницѣ—въ верхній. Кашча служитъ для сохраненія припасовъ. Тѣмъ-же словомъ называется чердачное помѣщеніе, а также сарай.

по приставленной лѣстницѣ. Этотъ простѣйшій и, вѣроятно, древнѣйшій способъ всхода по настоящее время весьма распространенъ въ плоскихъ мѣстахъ Нижней и Внутренней Крайны.

Тамъ, гдѣ мѣстность болѣе гориста, гдѣ горы стоятъ тѣсно другъ къ другу, тамъ природный рельефъ далъ крестьянину возможность, воспользовавшись неровностями почвы, ставить скедень такимъ образомъ, что какъ нижняя, такъ и верхняя части его одинаково доступны, безъ особосложныхъ искуственныхъ приспособленій, а именно, первая имѣетъ выходъ у подошвы, вторая же — на вершинѣ откоса.

Всходъ въ верхнее помѣщеніе нерѣдко дѣлается искуственно изъ каменной кладки, покрытой землей. Такой всходъ достаточной ширины даетъ возможность въѣзжать въ сарай-гумно лошадямъ съ возами сѣна, сноповъ и т. п. Всходы эти весьма часто характеризуются своеобразнымъ сооруженіемъ, исторія возникновенія и цѣли котораго мало понятны. Именно, та часть всхода, которая примыкаетъ къ скеденю, покоится не на сплошной кладкѣ, а на искуственномъ сводѣ. Сводъ либо открывается свободно на обѣ стороны и служитъ для сохраненія сельско-хозяйственныхъ орудій, либо задѣланъ досками, образуя помѣщеніе для свиней—свиньякъ (см. рис. 14).

Всѣ отмѣченныя хозяйственныя сооруженія, имѣвшія вѣроятно самостоятельную отъ домовъ исторію развитія, характеризуются легкостью постройки. Разсматривая нижнія, каменныя части скеденя какъ явленіе второго порядка, надо отмѣтить, что скедени въ ихъ деревянной части представляютъ бревенчатый остовъ, покрытый досками, расположенными въ вертикальномъ направленіи.

Но есть другой типъ хозяйственныхъ построекъ, приближающійся по способу сооруженія къ типу жилыхъ помѣщеній. Какъ простѣйшій видъ послѣдняго рода хозяйственныхъ построекъ слѣдуетъ отмѣтить кочне (см. рис. 7). Это четырехугольный срубъ, покрытый двускатной крышей. Кочне складываютъ изъ неотесанныхъ бревенъ, которыя на мѣстахъ скрещиванія торчатъ наружу совершенно такъ же какъ бревна, слагающія нашу обыкновенную великорусскую избу. Кочне раскинуты въ изобиліи на лѣсныхъ горныхъ полянахъ и служатъ для сохраненія сѣна, собраннаго въ данномъ мѣстѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ нижняя часть сруба кочне приспособливается для загона овецъ.

Весьма близкое къ кочне по способу постройки и внѣшнему виду сооруженіе —это кошта (рис. 8). Она такъ же, какъ кочне представляетъ срубъ, сложенный изъ неотесанныхъ бревенъ. Но балки, отдѣляющія чердачное помѣщеніе отъ нижняго, выдвинуты значительно впередъ, образуя кронштейны для держанія верхней (чердачной) части, нависающей надъ срубомъ. По-

слѣдній, имѣя входную дверь со стороны конька служитъ исключительно для сохранія овощей и сельско-хозяйственныхъ орудій. Верхняя часть, въ которую входятъ по приставной лѣстницѣ, служитъ для склада сѣна. Въ качествѣ жилого помѣщенія кошта является лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

Если сравнить кошту съ тѣми старинными домами крайнскаго крестьянина, которые въ настоящее время составляютъ уже рѣдкость, то нельзя не замѣтить между ними большого сходства. На рис. 9 изображенъ домъ бѣднаго крестьянина, владѣющаго такимъ участкомъ земли, который онъ обра-

Рис. 8. Кошта (Верхняя Крайна).

батываетъ самъ съ своей семьей и который едва хватаетъ для ея пропитанія. Домъ, по увѣренію его владѣльца, построенъ 200 лѣтъ тому назадъ. Подобныхъ домовъ въ Крайнѣ уже немного. Они выстроены исключительно изъ дерева и называются кайжа[1]), а крестьяне, обитающіе ихъ—кайжари. Кайжа, изображенная на рисункѣ, представляетъ срубъ, покрытый двускатной соломенной крышей. Слагающія домъ бревна заходятъ одно на другое, далеко выступая впередъ въ верхней части дома и образуя кронштейнъ для выдвигающагося навѣсомъ чердачнаго помѣщенія. Послѣднее полу-открыто. Внизу его расположены рядъ вертикально и правильно положенныхъ досокъ; верхъ отчасти задѣланъ подобными же досками. Кайжа эта имѣетъ входъ сбоку, съ фасада же помѣщаются два маленькихъ квадратной формы окна. Послѣднія задѣланы желѣзной рѣшеткой и снабжены одностворчатыми став-

[1]) Этимъ словомъ называется: хата, хижина, избушка въ нашемъ смыслѣ.

нями. Подобная кайжа напоминаетъ простую великорусскую избу, отъ которой она отличается: числомъ оконъ со стороны конька, выступающимъ навѣсомъ, поднятой крышей, отсутствіемъ крыльца и тѣмъ, что чердачное помѣщеніе закрыто не горизонтальными, какъ у насъ, а вертикальными досками.

Крайнская кайжа въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи даетъ весьма сложный и характерный домъ. Поэтому небезъинтересно остановиться на кайжахъ, представляющихъ переходныя ступени отъ простѣйшихъ къ усовершенствованнымъ формамъ. Отмѣченная только что кайжа служитъ исключительно въ качествѣ жилаго помѣщенія. Осложненный типъ даетъ та кайжа, къ которой придѣланъ скедень и которая увеличилась пристройкой дополнительной части изъ новаго матеріала—камня. Подобная кайжа изображена на рис. 10. Постройка этого дома также старинная, но по мѣрѣ увеличенія благосостоянія владѣльцевъ ея, она получила развитіе: пристроена каменная часть и скедень, маленькія окна передѣланы въ большія. Эта кайжа отличается отъ предыдущей еще тѣмъ, что чердачное помѣщеніе совершенно закрыто съ сохраненіемъ лишь окна, причемъ крыша, еще соломенная, получила дополненіе со стороны конька въ видѣ рудиментарной части, т. е. вальмы. Эти измѣненія придаютъ дому тѣ характерныя особенности, которыя рѣзко отличаютъ его, напримѣръ, отъ нашей избы.

Дальнѣйшая ступень, на которую подымается Крайнская кайжа, заключается въ томъ, что къ основной ея деревянной постройкѣ придѣлывается каменная, расширяющая собственно жилое помѣщеніе. При этомъ, бревна въ срубѣ заходятъ другъ на друга лишь въ самой нижней части для большей устойчивости на фундаментѣ и въ верхней, образующей кронштейнъ. Въ остальномъ основной типъ сохраняется. Подобная кайжа видна на рис. 11. Окна имѣютъ свою типичную почти квадратную форму, желѣзная рѣшетка не исчезаетъ, чердачное помѣщеніе задѣлано вертикальными досками и т. д. Кромѣ дополнительной каменной части главнѣйшее измѣненіе заключается въ поднятіи каменнаго фундамента, въ образованіи широкаго прорѣза (л и н а) въ чердачномъ помѣщеніи и въ покрытіи крыши деревомъ, вмѣсто соломы.

Не подлежитъ, повидимому, сомнѣнію, что первичные дома Крайны сооружались исключительно изъ дерева и что камень, какъ строительный матеріалъ, въ стародавнее время совсѣмъ не употреблялся. Это понятно. Хотя гористая Крайна и богата камнемъ, но обильные лѣса доставляли болѣе подходящій матеріалъ. Съ теченіемъ времени лѣса вырубались, дерево становилось болѣе цѣннымъ. Мѣстный житель переходилъ къ новому матеріалу—къ камню, гарантировавшему кстати и бóльшую прочность и безопасность отъ пожара. Это подтверждается съ одной стороны тѣми приведенными примѣрами пристройки каменныхъ частей къ первичному деревянному жилью, о

которыхъ было выше сказано, съ другой же стороны тѣмъ, что каменныя постройки распространены больше въ южныхъ частяхъ Крайны, менѣе богатыхъ лѣсомъ, чѣмъ сѣверная, Верхняя Крайна. Въ Нижней и Внутренней Крайнѣ, представляющей на значительномъ пространствѣ голый кражъ (карстъ), дерево употребляется преимущественно при сооруженіи хозяйственныхъ построекъ, хотя и у нихъ нерѣдко примѣняется каменный строительный матеріалъ. Въ раіонѣ собственно кража Внутренней Крайны, между прочимъ будь сказано, типъ мѣстной постройки въ значительной степени вытѣсненъ другимъ типомъ, который можно назвать итальянско-далматинскимъ или приадріатическимъ. Дома низкіе, сложенные изъ тяжелаго каменнаго матеріала,

Рис. 9. Простѣйшая кайжа (Верхняя Крайна).

образующаго мощныя стѣны. Послѣднія покрыты черепицей или каменными плитками. Окна съ навѣтренной стороны отсутствуютъ. Все зданіе приспособлено противостоять суровому кражевому климату. Въ Верхней Крайнѣ, покрытой почти сплошнымъ лѣсомъ, каменныя постройки развиты преимущественно лишь тамъ, гдѣ благосостояніе крестьянина позволило ему перейти вообще къ болѣе сложнымъ постройкамъ.

Новый матеріалъ долженъ былъ отразиться на монументальности постройки. И дѣйствительно, тамъ, гдѣ камень употребляется, какъ обычный строительный матеріалъ, крайнскіе дома являются двухэтажными. Основной типъ постройки, однако, сохраняется неизмѣнно, получая лишь одно существенное дополненіе—галлерею. Она, являясь какъ бы естественнымъ слѣдствіемъ раз-

витія стараго типа постройки, возникла, быть можетъ, подъ чужимъ вліяніемъ. Выше уже сказано, что верхняя часть крайнскаго дома, покоющаяся на кронштейнахъ, нависаетъ надъ нижней. Въ двухэтажныхъ домахъ наблюдается то же самое; при этомъ, строители пользуются навѣсомъ для устройства крытаго хода (см. рис. 12). Этотъ ходъ или галлерея является почти неизбѣжной принадлежностью двухэтажныхъ крайнскихъ домовъ посколько въ постройкѣ не сдѣлано существеннаго измѣненія, выражающагося между прочимъ въ приспособленіи верхняго этажа въ качествѣ развитого жилого помѣщенія. Въ послѣднемъ случаѣ домъ сильно утрачиваетъ свои

Рис. 10. Кайжа съ каменной пристройкой и скеденемъ. (Нижняя Крайна).

типичныя формы, но выдаетъ свое происхожденіе числомъ и формою оконъ. Обыкновенно второй этажъ соединенъ съ нижнимъ внутреннимъ ходомъ; иногда къ верхнему этажу приставляется и наружная лѣстница, ведущая въ галлерею черезъ люкъ, или же лѣстница упирается въ открытое крыльцо.

Въ Нижней и Внутренней Крайнѣ хозяйственныя постройки обыкновенно отдѣлены отъ домовъ, расположены даже нерѣдко на довольно значительномъ разстояніи отъ нихъ, въ Верхней же Крайнѣ хозяйственныя постройки часто либо примыкаютъ къ дому, либо, сливаясь съ нимъ, образуютъ одно цѣлое. Рисунки 13 и 14 представляютъ домъ изъ Верхней Крайны, соединенной со скеденемъ. Домъ этотъ, находясь въ горной деревнѣ (Вохиньска Бѣла), прислоненъ одной стороной къ откосу. Правая его сторона (рис. 13) занята жилымъ помѣщеніемъ, надъ которымъ выступаетъ болѣе обширная верхняя часть съ чердачнымъ простран-

ствомъ, окруженнымъ галлереею. Лѣвая сторона (рис. 14) состоитъ изъ сведеня, крайнимъ своимъ концомъ покоющимся на каменной кладкѣ, оканчивающейся искуственнымъ спускомъ. Въ послѣднемъ продѣланъ упомянутый выше сводъ, занятый свинушникомъ. Пространство подъ скеденемъ свободно и служитъ для сохраненія повозокъ и сельско-хозяйственныхъ орудій. Крыша надъ жилою частью покрыта деревомъ, надъ остальной—соломой. Галлерея частью закрыта съ оставленіемъ продолговатаго окна (л и н а, л и н ц а), частью, надъ жильемъ, открыта и служитъ между прочимъ для просушки бѣлья (см. рис. 13 и 14).

Слѣдуетъ отмѣтить, что крайнскіе дома послѣднеописаннаго типа, будучи въ архитектурномъ отношеніи своеобразны и декоративны, почти сов-

Рис. 11. Кайжа съ дополнительной каменной пристройкой, образующей к а м р у. (Верхняя Крайна).

сѣмъ лишены какихъ либо украшеній. Несмотря на то, что первичный домъ крайнскаго словинца выстраивался изъ дерева, что лѣсъ былъ и есть въ изобиліи, что деревянный домъ съ теченіемъ времени модифицировался, въ странѣ не развилась рѣзьба, которая такъ распространена у насъ. Какъ окна и двери, такъ равно и крыльцо, гдѣ оно существуетъ, не несутъ и слѣдовъ рѣзной работы, даже орнамента. Лишь галлерея, и то только въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, да часть досокъ, закрывающихъ чердачное помѣщеніе, несутъ слѣды рѣзца въ видѣ однообразныхъ, повторяющихся повсемѣстно, плоскихъ перилецъ. Одна изъ причинъ этого явленія заключается, быть можетъ, въ томъ, что состоятельные люди, т. е. имѣющіе досугъ и средства для

культивированія искуства, съ развитіемъ благосостоянія, переходили отъ деревяннаго къ каменному матеріалу, изощряя всѣ способности на разрѣшеніе вопросовъ о расширеніи помѣщенія и о примѣненіи новаго, трудно поддающагося рѣзцу, матеріала къ воспроизведенію старыхъ формъ [1]). Отказываясь отъ рѣзныхъ украшеній, крайнскій крестьянинъ старается выразить свои эстетическія чувства живописью (сравнительно рѣдко) и декорированіемъ дома зеленью [2]). Удобной для этой цѣли является виноградная лоза. Ея вьющіеся стебли и изящная листва драпируютъ многіе дома мѣстнаго крестьянина даже тамъ, гдѣ виноградъ вовсе не культивируется какъ полезное растеніе и слабо вызрѣваетъ. Далѣе, непремѣнной принадлежностью каждаго крайнскаго дома являются росмаринъ, герань и висячая гвоздика. Эти растенія, особенно яркіе цвѣты послѣднихъ двухъ, закрывая окна или покрывая части галлереи, выгодно выдѣляются на сѣромъ и бѣломъ фонѣ домовъ, придавая имъ живой и веселый характеръ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что окружающія Крайну страны, даже сама Крайна въ ея южной части, имѣютъ другіе типы домовъ. Правда, крайнскій типъ встрѣчается и въ южныхъ частяхъ Штиріи и Каринтіи, т. е. тамъ, гдѣ живутъ словинцы же, но далѣе на сѣверъ словинскія постройки замѣняются иными формами, происхожденія германскаго, а именно типами: алеманскимъ, франкскимъ, сакскимъ и тюрингскимъ.

Вѣроятно, крайнскій типъ съ теченіемъ времени модифицировался подъ вліяніемъ сосѣднихъ типовъ, тѣмъ не менѣе онъ все же представляется достаточно самобытнымъ. Какъ на результатъ вліянія [3]) возможно, повидимому, смотрѣть на рудименты крыши (вальмы) на сторонѣ конька. Самостоятельное происхожденіе этихъ рудиментовъ, защищающихъ полуоткрытое чердачное помѣщеніе отъ дождя и снѣга, не вытекаетъ изъ типа собственно словинскихъ построекъ, которыя въ первобытныхъ своихъ формахъ, насколько онѣ сохранились въ настоящее время, не знаютъ четырехскатныхъ крышъ. На заимствованіе, повидимому, указываетъ и сліяніе сарая съ домомъ въ одно

---

[1]) Впрочемъ слѣдуетъ отмѣтить, что дома и въ Босніи и у васоевичей въ Черногоріи, сооружаемые изъ дерева и имѣющіе очень живописный видъ, лишены какой либо рѣзьбы.

[2]) Живописью украшаются дома каменные, покрытые известью. Живопись религіознаго содержанія. Во Внутренней и отчасти Нижней Крайнѣ въ каменныхъ домахъ чердачное помѣщеніе нерѣдко отдѣляется отъ остального дома рядомъ заложенныхъ ромбическихъ кирпичей. Эти ромбы несутъ національно-словинскую окраску: бѣлую, синюю и красную.

[3]) Крайна когда-то была сильно колонизирована германскими элементами, слившимися впослѣдствіи со словинскимъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ настоящее время въ Крайнѣ церквей, посвященныхъ національному франкскому святому (св. Виту)—26, въ Штиріи ихъ 23, а въ Каринтіи—11.

цѣлое. Далѣе, за счетъ заимствованія, какъ кажется, слѣдуетъ отнести и галлерею. Правда, такія сооруженія часто встрѣчаются въ славянскихъ домахъ, напримѣръ, въ Босніи, Черногоріи, у насъ въ сѣверныхъ губерніяхъ, на Дону, въ Сибири и т. д., но форма крайнской галлереи, и именно ея закрытый характеръ, слишкомъ явно напоминаетъ алеманскій типъ [1]). Онъ, въ значительной степени вытесненный франкскимъ типомъ, сохранился въ видѣ крытой галлереи въ немногихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Форарльбергѣ. Германское происхожденіе крайнской галлереи подтверждается ея названіемъ (гангъ-Gang).

Рис. 12. Двухэтажный домъ съ галлереею. (Верхняя Крайна).

Если обратиться къ югу, то въ южной Крайнѣ, въ Приморьѣ, Истріи, въ приморской сѣверной Италіи, въ приморской Хорватіи, Далмаціи, Герцеговинѣ и Черногоріи дома по своему внѣшнему виду почти ничего не имѣютъ общаго съ крайнскимъ типомъ. Здѣсь дома построены изъ мощнаго камня, крыши каменныя или черепичныя, полуплоскія, двускатныя. Двери низкія и узкія, окна малой величины. Дома эти противостоятъ палящимъ лучамъ солнца, какъ и бурнымъ сѣвернымъ вѣтрамъ — „борѣ". Подъ домомъ

---

[1]) Кромѣ германскаго вліянія на крайнскихъ домахъ можно констатировать вліяніе и романское. Оно между прочимъ выражается въ сооруженіи дверей и воротъ, замыкающихся вверху характерною романскою аркой (рис. 11 и 12), а также въ пристройкѣ у двухэтажныхъ каменныхъ домовъ двухстороннихъ всходовъ, ведущихъ къ входной двери. Въ срединѣ этихъ всходовъ продѣлана дверь со спускомъ въ подвалъ.

часто помѣщается подвалъ [1]); въ жилое помѣщеніе входятъ по тяжелой каменной лѣстницѣ (басамаке, скале или скалине въ Черногоріи). Весь домъ имѣетъ сутулый, приземистый видъ.

Въ Босніи, въ свою очередь, иной типъ построекъ. Дома характеризуются тѣмъ, что фасадъ лишь на $^1/_3$ ýже длинной стороны. Внизу помѣщается сарай для запасовъ (ѝзба) [2]). Четырехскатная крыша высоко вытянута и превышаетъ иногда размѣры собственно дома. Чердачное помѣщеніе нерѣдко занято мезониномъ, выступающимъ изъ-за крыши. Дома обыкновенно деревянные и украшены характернымъ балкончикомъ (чардакъ). Хозяйственныя постройки отдѣлены отъ жилого помѣщенія. Передъ домомъ

Рис. 13. Двухэтажный домъ изъ Верхней Крайны: правая сторона—жилое помѣщеніе.

часто тераски (диванана, диванхана или тiемъ у васоевичей въ Черногоріи). Къ этимъ домамъ близокъ типъ домовъ у васоевичей въ Черногоріи [3]).

Хотя крайнскіе дома значительно отличаются по своему внѣшнему виду, по своему, такъ сказать, стилю отъ домовъ близъ лежащихъ мѣстъ,

---

[1]) Изба—въ Герцеговинѣ и Черногоріи; въ послѣдней также—конoба или подрумъ.

[2]) Домъ безъ избы въ Черногоріи называется поземушка, съ избою—именуется: «на избу» или «на подъ».

[3]) Васоевичи—племя, рѣзко отличающееся во всѣхъ проявленіяхъ быта отъ остального черногорскаго (сербскаго) населенія. У домовъ васоевичей справа и слѣва въ диванханѣ камерки (клiетъ, зграда) для припасовъ.

тѣмъ не менѣе эти дома имѣютъ по своему происхожденію нѣчто общее съ домами, напримѣръ, Далмаціи, Герцеговины, Босніи и Черногоріи и представляютъ вмѣстѣ съ ними интересный матеріалъ по исторіи развитія жилища. Останавливаясь на жилыхъ постройкахъ Крайны, Приморья, Далмаціи, Герцеговины, Босніи и Черногоріи, слѣдуетъ отмѣтить, что простѣйшій домъ, какъ обычное жилое помѣщеніе встрѣчается въ Герцеговинѣ и Черногоріи. Здѣсь домъ [1]) представляетъ однокамерную постройку, служащую какъ для помѣщенія очага (огнище, огниште), такъ и для жилья. Въ Черногоріи такая постройка обыкновенно безъ оконъ, или-же одно маленькое окно помѣщается иногда въ стѣнѣ, противоположной входу; иногда имѣется оконце и рядомъ съ дверью.

Рис. 14. Двухэтажный домъ изъ Верхней Крайны: лѣвая сторона—хозяйственная пристройка.

Въ Босніи обычнымъ типомъ встрѣчаемъ двух-и трехкамерные дома [2]). А именно домъ (куча, станъ, домъ) состоитъ изъ помѣщенія со входной дверью, въ которомъ находится очагъ (огниште) и называется оно кухинья или куча; къ нему примыкаетъ другое, собственно жилое (соба) помѣщеніе съ печкой. Второе жилое помѣщеніе строится иногда и съ противоположной стороны основной комнаты (кучи). При этомъ послѣдняя, т. е. собственно куча не

[1]) Куча или домъ, какъ постоянное жилище, и колиба, станъ или глада какъ временное (Черногорія).

[2]) Есть и однокамерные, но рѣже.

имѣетъ потолка и свободно открывается къ чердачному помѣщенію. Изъ этого основнаго типа въ Босніи выработались очень сложныя, своеобразныя и живописныя постройки, образующія особый архитектурный стиль. Въ Черногоріи однокамерная постройка тоже развивается въ двухкамерную. Въ этомъ случаѣ главная комната съ очагомъ, сохраняя свой темный характеръ, называется кутя; сосѣдняя же комната называется камара. У васоевичей комната рядомъ съ кутей именуется соба.

Обращаясь къ Крайнѣ, надо отмѣтить, что первичный однокамерный типъ въ ней не совсѣмъ исчезъ. Правда, очень рѣдко, тѣмъ не менѣе и здѣсь встрѣчаются домики (деревянные), состоящіе лишь изъ одной комнаты, помѣщающей очагъ и служащей одновременно для жилья. Подобный домъ называется коча [1]). Кромѣ того однокамерный типъ сохранился, повидимому, въ нѣсколько замаскированномъ видѣ. А именно, въ старыхъ двухэтажныхъ каменныхъ домахъ Верхней Крайны можно наблюдать слѣдующее. Подъ верхнимъ довольно обширнымъ этажомъ помѣщается однокамерный незначительныхъ размѣровъ нижній этажъ. Что это сооруженіе не есть (см. рис. 19) явленіе вторичнаго порядка доказывается, повидимому, тѣмъ, что въ немъ находится очагъ (огнисче).

Что касается двухкамерныхъ домовъ [2]), то и они встрѣчаются въ Крайнѣ довольно рѣдко. Первая изъ камеръ въ такомъ домѣ основная, со входною дверью, содержитъ очагъ и называется вѣжа [3]); вторая, собственно жилое помѣщеніе, хиша или йзба. Такая постройка характеризуется двумя окнами на фасадѣ (см. рис. 9) и тѣмъ же числомъ оконъ съ боковой стороны. Изъ этого типа вырабатывается весьма сложный домъ, повидимому, не безъ постороннихъ вліяній. Какъ кажется первая добавочная часть жилья есть та, которая отдѣляется стѣною отъ хиши (жилого помѣщенія); она обусловливаетъ расширеніе фасада и увеличеніе на немъ числа оконъ до трехъ (см. рис. 11). Это новое помѣщеніе называется камра. Повидимому, параллельно съ отмѣченнаго рода расширеніемъ жилья идетъ другое его развитіе. А именно: съ противоположной хишѣ (йзбѣ) стороны вѣжи пристраивается помѣщеніе (одно или два), называющееся чумната. Такимъ образомъ двухкамерная постройка превращается въ четырехкамерную. Въ такихъ домахъ очагъ помѣщается въ концѣ вѣжи, которая похожа болѣе на сѣни, чѣмъ на комнату [4]). Дальнѣй-

---

[1]) Подъ этимъ словомъ подразумѣвается вообще хижина, хата въ нашемъ смыслѣ этихъ словъ.

[2]) Домъ, жилье вообще, называется въ Крайнѣ куча или хиша; послѣднее слово въ переносномъ смыслѣ означаетъ очагъ; божья хиша—означаетъ храмъ.

[3]) Этимъ названіемъ обозначаютъ и сѣни; божья вѣжа—божій домъ, церковь, храмъ.

[4]) Комната вообще называется въ Крайнѣ — соба.

шее развитіе крайнскаго дома заключается въ томъ, что на заднемъ концѣ вѣжи появляется особое помѣщеніе, куда переносится очагъ—это кухня, называемая кухинья. Наконецъ жилое помѣщеніе можетъ увеличиться еще одной комнатой, а именно вмѣсто одной чумнаты могутъ быть двѣ, рядомъ лежащія.

Такой домъ, состоящій, слѣдовательно, изъ пяти-шести помѣщеній, является весьма обычнымъ въ Верхней Крайнѣ (см. рис. 15). На этомъ типѣ развитія дома однако не останавливаются. Напротивъ, домъ осложняется верхнимъ этажемъ, соединеннымъ съ нижнимъ внутреннею лѣстницею и покоющемся на вѣжѣ, хишѣ и чумнатѣ съ соотвѣтственными комнатами наверху. При этомъ.

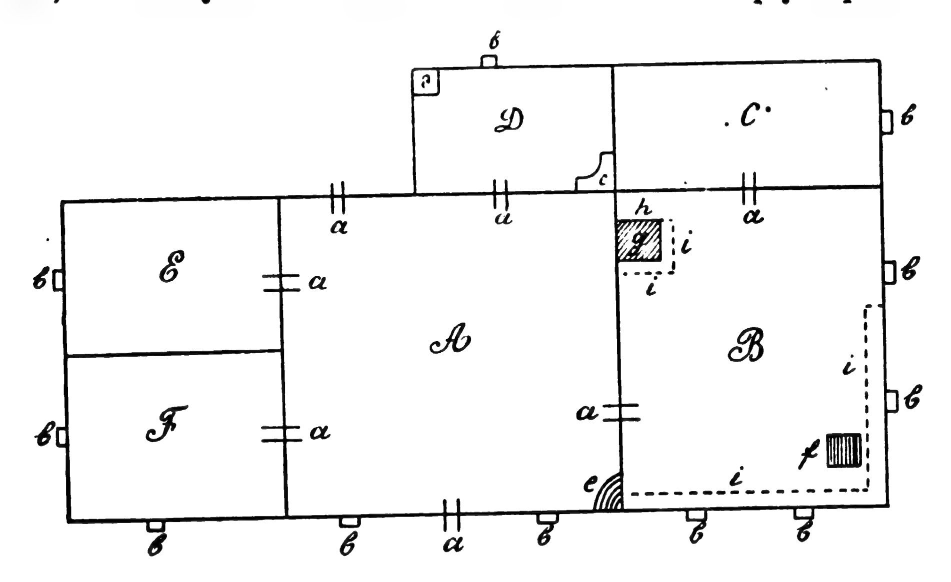

Рис. 15. Планъ Крайнскаго дома (деревня Бохиньска Бѣла въ Верхней Крайнѣ), изображеннаго на рис. 13 и 14: нижній этажъ. *A*—вѣжа, *B*—хиша или изба, *C*—камра или хиша—камра, *D*—кухинья, *E* и *F*—чумнаты, въ которыхъ живутъ (обыкновенно) дѣти или родители на покоѣ, или же одна изъ нихъ отводится подъ кладовую; *a*, *a*, *a*—двери, *b*, *b*, *b*—окна, *c*—очагъ, *d*—кубъ для варки корма скоту или парки бѣлья, *e*—лѣстница на верхъ, *f*—столъ, *g*—печка, *h*—пространство между печкою и стѣной (запечекъ), *i*, *i*, *i*—прикрѣпленныя скамейки (клопи).

верхъ [1]) особыхъ наименованій не имѣетъ, а называется: „на вѣжу", „на хишу". Если къ такому дому приставленъ скеденъ, подвалъ [2]) и галлерейка, то онъ этимъ достигаетъ своего высшаго развитія. Такой домъ указанъ на рис. 13 и 14. Чтобы пояснить расположеніе его надо сказать, что верхній этажъ доступенъ при посредствѣ внутренней лѣстницы, наружной лѣстницы—стопница (рис. 13 и 16) и всхода изъ каменной кладки (рис. 14 и 16).

[1]) Здѣсь можетъ помѣщаться второй очагъ.

[2]) Подвалъ въ Крайнѣ—клетъ; погребъ, а также кладовая—схрамба; ледникъ—ледница.

Внутренняя лѣстница подымается изъ вѣжи и ведетъ въ помѣщеніе, ей подобное; наружная лѣстница приводитъ въ крытую галлерею, сообщающуюся съ комнатами; всходъ приводитъ непосредственно въ скедень, который имѣетъ въ свою очередь ходъ на галлерею. Послѣдняя перегорожена на мѣстѣ соединенія скедени съ домомъ тонкой стѣной съ дверью. Собственно скедень раздѣленъ на два помѣщенія. Изъ нихъ ближнее къ спуску (подъ) представляетъ помѣщенія для сноповъ и сѣна, т. е. сѣноваль, отдѣленный стѣною отъ гумна, (тоже подъ)[1]). Наконецъ слѣдуетъ отмѣтить, что около наружной лѣстницы на галлерею въ ея полу продѣлано отверстіе, открывающееся въ четырехугольную деревянную трубу, служащую для ссыпки корма.

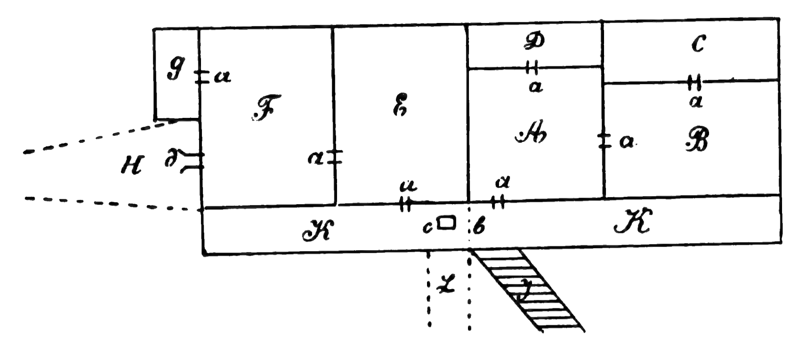

Рис. 16. Планъ всего верхняго этажа дома изъ деревни Бохиньска Бѣла въ Верхней Крайнѣ въ уменьшенномъ противъ плана на рис. 15-мъ размѣрѣ (см. рис. 13 и 14). *A, B, C* и *D*—отдѣльныя комнаты. Помѣщенія эти въ данномъ домѣ пусты, такъ какъ незначительный составъ семьи не имѣетъ въ нихъ необходимости. *E*—гумно, *подъ*; здѣсь находится помостъ—*петра*—для складыванія сноповъ; *F*—сѣноваль, *подъ*; *G*—маленькая пристройка, помѣщающая сухіе сучья и кормъ для скота; *H*—всходъ (въѣздъ) изъ каменной кладки для подвоза сѣна, сноповъ и т. п.; *I*—наружная лѣстница; *K*, *K*—галлерея; *L*—деревянная труба для ссыпки корма; *a*—двери; *b*—перегородка въ галлереѣ съ дверью; *c*—люкъ, ведущій въ деревянную трубу (*L*); *d*—ворота (врата) изъ всхода въ гумно.

Подобнаго рода домъ, декоративный и стильный во всемъ своемъ сооруженіи, какъ видно изъ изложеннаго, происходитъ при посредствѣ ряда ступеней изъ весьма простого, примитивнаго даже жилья. Поэтому, крайнскіе дома представляютъ большой интересъ для исторіи развитія славянскихъ построекъ, какъ типы, получившіе своеобразное развитіе подъ вліяніемъ причинъ топографическихъ, культурно-историческихъ и условій сельско-хозяйственнаго быта.

Не безъинтереснымъ представляется остановиться на домахъ, нѣсколько отличающихся отъ описаннаго. Такъ, на слѣдующемъ рисункѣ (рис. 17) изображенъ планъ двухэтажнаго дома богатаго крестьянина въ дер. Засыпъ

---

[1]) Отдѣльно стоящіе скедени имѣютъ часто особыя помѣщенія для лошадей, рогатаго скота, хозяйственныхъ орудій и телѣгъ.

(или Заспъ) въ Верхней Крайнѣ. Съ домомъ этимъ скедень не соединенъ, а стоитъ совершенно отдѣльно. Домъ выходитъ на улицу своей длинной стороной. Нижній этажъ по расположенію своему совершенно аналогиченъ таковому, изображенному на рис. 15-мъ дома. Верхній этажъ представляетъ свои особыя черты, выражающіяся въ пристройкѣ комнаты (D) и балкончика (C). Отдѣльно стоящій скедень со стороны улицы одноэтажный, съ противоположной стороны въ два этажа. Изъ нихъ въ нижнемъ помѣщаются: конюшня, хлѣвъ для рогатаго скота, (кравнякъ), сарай для сельско-хозяйственныхъ орудій и сарай для телѣгъ (кольница). Верхній этажъ, къ

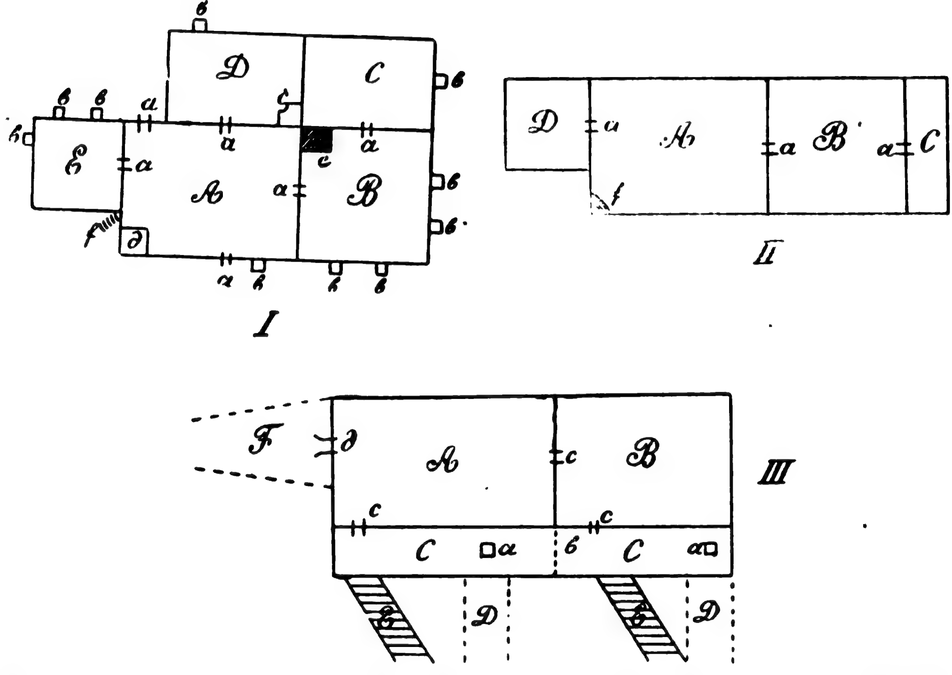

Рис. 17. Планъ дома богатаго крестьянина въ дер. Засыпъ (Заспъ) въ Верхней Крайнѣ Домъ расположенъ къ улицѣ длинной стороной. *I—нижній этажъ:* *A*—вѣжа; *B*—хиша *C*—камра; *D*—кухинья; *E*—чумната (служащая кладовой); *a*—двери; *b*—окна; *c*—очагъ *d*—выступъ стѣны со спускомъ въ подвалъ (кевдерцъ или клетъ); *e*-печка; *f*—лѣстница наверхъ. Подъ хишей, въ ея задней сторонѣ два помѣщенія: одно—для хозяйственныхъ принадлежностей, другое—погребъ. *II—верхній этажъ:* *A*, *B* и *C*—отдѣльныя комнаты *D*—комната для дочери хозяина; *a*—двери; *f*—лѣстница внизъ. *III—отдѣльно стоящій скедень*, одноэтажный съ улицы, двухэтажный со двора; нижній этажъ дѣлится на четыре помѣщенія: конюшню, хлѣвъ для рогатаго скота, помѣщеніе для сельско-хозяйственныхъ орудій и сарай для телѣгъ и т. п. Верхній этажъ: *A*—сѣновалъ; *B*—гумно; *C*—крытый ходъ (галлерея); *D*, *D*—трубы для ссыпки корма, открывающіяся въ галлереѣ люками (*a*, *a*); *E*, *E*—наружныя лѣстницы; *F*—всходъ (въѣздъ) изъ каменной кладки; *a*—люки *b*—стѣнка съ дверью въ галлереѣ; *c*—двери; *d*—ворота изъ всхода въ сѣновалъ.

которому ведетъ каменная широкая кладка (въѣздъ F) и двѣ наружныя лѣстницы (E) состоитъ изъ сѣновала (A), гумна (B) и крытой галлереи (C) съ люками (a), открывающимися въ деревянныя трубы (D).

Почти совершенно тождественное (хотя и въ малыхъ размѣрахъ) расположеніе съ только что описаннымъ богатымъ домомъ въ Засыпѣ представляетъ жилое помѣщеніе бѣднаго крестьянина въ той же деревнѣ. Изображенный на рисункѣ 18-мъ домъ тоже двухэтажный, но верхній этажъ занятъ сплошь чердакомъ, къ которому прислонена узкая галлерея. Въ нижнемъ этажѣ, состоящемъ изъ пяти небольшихъ комнатъ, надо отмѣтить, что очагъ (c) помѣщенъ у наружной задней стѣны, печка же имѣетъ отдѣльную топку на томъ мѣстѣ (g), гдѣ обыкновенно располагается очагъ. Въ отношеніи улицы домъ этотъ расположенъ такъ-же какъ и домъ, изображенный на рис. 17-мъ, т. е. длинной своей стороной.

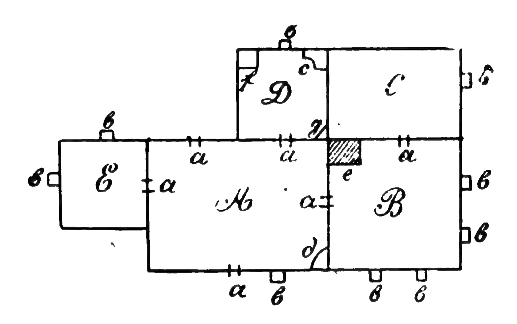

Рис. 18.—Планъ дома небогатаго крестьянина въ деревнѣ Засыпъ (Засп) въ Верхней Крайнѣ. Домъ расположенъ къ улицѣ длинной стороной. *A*—вѣжа; *B*—хиша; *C*—камра; *D*—кухинья; *E*—чумната, сдающаяся въ наемъ; *a*—двери; *b*—окна; *c*—очагъ; *d*—ниша подъ сводомъ съ дверью въ подвалъ; *e*—печка; *f*—котелъ для стирки бѣлья и варки корма для скота; *g*—топка печки (e).

Не безъинтереснымъ представляется остановиться на слѣдующемъ своеобразномъ домѣ, значеніе котораго обусловливается его стариной. Этотъ домъ (планъ его изображенъ на рис. 19, I и II) каменный, находится въ селѣ Блѣдѣ въ Верхней Крайнѣ и считается самымъ старымъ въ селѣ. По разсказамъ мѣстныхъ жителей дому нѣсколько сотъ лѣтъ.

Своеобразность его заключается въ томъ, что нижній этажъ дома представляетъ однокамерную постройку съ очагомъ. Объ этомъ помѣщеніи было сказано уже выше. Оно, какъ и весь домъ, прислонено къ горному откосу. Передъ домомъ проходитъ улица (E—F), съ которой ведетъ дверь (a) въ однокамерное сооруженіе. Оно полу-темное, такъ какъ свѣтъ проникаетъ лишь черезъ одно окно (в). Въ лѣвомъ заднемъ углу помѣщается очагъ (c). Въ правой стѣнѣ продѣлана дверь, ведущая въ пристройку. Кромѣ того имѣются еще двѣ двери, обѣ въ задней стѣнѣ: одна въ нишѣ (d) ведетъ въ подвалъ, другая (a)—наружу. Здѣсь справа ведетъ наружная каменная лѣстница въ верхній этажъ. Вся эта камера, отдѣльно взятая, болѣе всего напоминаетъ простую черногорскую к у ч у.

Что касается верхняго этажа, то онъ превышаетъ по своему объему нижній. Построить такого рода домъ, конечно, возможно только въ условіяхъ горной мѣстности, такъ какъ большая доля верхняго этажа покоится на откосѣ горы. Въ этомъ этажѣ (представляющемъ какъ бы совершенно самостоятельное отъ нижняго этажа сооруженіе) входъ по лѣстницѣ (e) черезъ дверь (a). Лѣвая наружная дверь (a) ведетъ въ пристройку. A_1 можно считать за основную

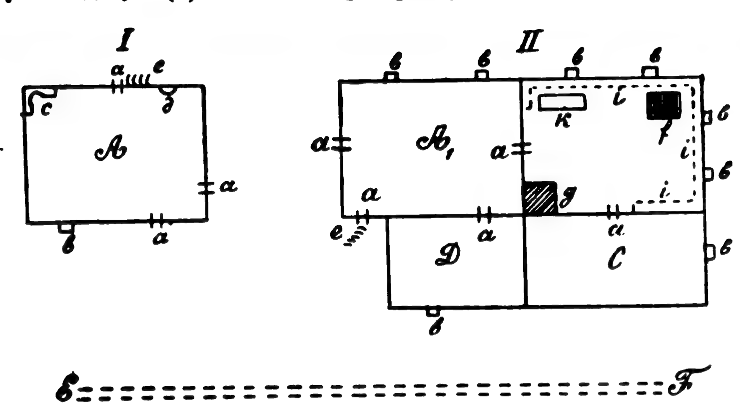

Рис. 19. Каменный домъ въ Блѣдѣ (Верхняя Крайна). I—Нижній этажъ: *A*—внутреннее помѣщеніе; *a*—двери; изъ нихъ передняя выходитъ на улицу, задняя—къ наружной лѣстницѣ, ведущей на верхній этажъ, а боковая- въ пристройку; *b*—окно; *c*—очагъ; *d*—ниша съ дверью въ подвалъ; *e*—наружная лѣстница. II—Верхній этажъ: A_1—помѣщеніе, соотвѣтствующее *вѣжѣ;* *B*—помѣщеніе, соотвѣтствующее *хишѣ;* *C*—помѣщеніе, соотвѣтствующее *камрѣ;* *D*—коптильня; *E—F*—улица; *a*—двери, изъ нихъ передняя (наружная) выходитъ на наружную лѣстницу (*e*), ведущую къ нижнему этажу, а боковая (наружная) — въ пристройку; *b*—окна; *e*—наружная лѣстница; *f*—столъ; *g*—печка; *i*—прикрѣпленныя скамейки; *k*—постель *).

комнату, т. е. за вѣжу; рядомъ съ ней направо собственно жилое помѣщеніе (B), т. е. хиша, въ которой столъ, печка и лавки расположены аналогично расположенію этихъ предметовъ въ хишѣ, изображенной на рисункѣ 15-мъ, но лишь въ обратномъ порядкѣ. Въ соотвѣтствіе съ этимъ пристроенная комната (C), т. е. камра находится не налѣво отъ входной въ хишу двери, а направо. Такъ же, соотвѣтственно общему расположенію, поставлена и комната (D), соотвѣтствующая кухнѣ. Въ нее проходитъ дымникъ изъ печки (g) и комната эта служитъ коптильней. Вообще говоря, весь верхній этажъ слѣдуетъ признать за сооруженіе совершенно обычнаго типа, съ тою только разницею, что своеобразное его положеніе вынудило строителей расположить комнаты въ обратномъ обычно принятому порядкѣ. Слѣ-

*) *Поправка.* Клише рисунка 19-го было уже изготовлено, когда была замѣчена въ немъ ошибка. Ошибка заключается въ томъ, что верхній этажъ (II) поставленъ на рисункѣ въ противоположномъ дѣйствительному направленіи—къ улицѣ (E—F). Слѣдовательно вѣжа (A_1) и хиша (B) выходятъ на улицу, тогда какъ камра (C), коптильня (D) и лѣстница (e) выходятъ на противоположную улицѣ сторону.

дуетъ отмѣтить, что число и расположеніе оконъ въ верхнемъ этажѣ совершенно соотвѣтствуетъ числу и расположенію оконъ домовъ общаго типа. Это съ достаточною наглядностью вытекаетъ при сравненіи рисунка 19-го, II съ рисункомъ 15-мъ, если изъ послѣдняго исключить чумнаты (E и F).

Выше сказано, что описываемый домъ расположенъ такъ, что главная дверь выходитъ на улицу, а также, что домъ этотъ каменный. Село Блѣдъ, въ которомъ онъ находится, поселеніе старое и богатое[1]). Въ немъ совсѣмъ не имѣется деревянныхъ домовъ. Село состоитъ изъ ряда неправильныхъ улицъ и переулковъ, въ свою очередь свидѣтельствующихъ о древности поселка. Можно поэтому предположить, что на мѣстѣ описываемаго дома нѣкогда находилась однокамерная постройка, впослѣдствіи развившаяся въ верхнемъ этажѣ, но сохранившая тѣмъ не менѣе свой основной характеръ, получивъ значеніе нижняго этажа. Вообще крайнскіе дома почти никогда не расположены особнякомъ, такъ какъ мѣстный крестьянинъ селится деревнями. Въ предѣлахъ этихъ деревень расположены отдѣльные дворы безъ видимаго порядка. Они прорѣзаны обыкновенно нѣсколькими улицами, въ отношеніи которыхъ дома расположены разно. Каждый дворъ обыкновенно состоитъ изъ жилого дома, къ которому въ Верхней Крайнѣ часто примыкаютъ всѣ хозяйственныя постройки, то сливаясь съ домами въ одно органическое цѣлое, то приставленныя къ нему подъ угломъ. Тутъ же находится небольшой фруктовый садъ. Однако, какъ въ Верхней, такъ и во Внутренней и Нижней Крайнѣ дома деревни нерѣдко расположены вдоль одной улицы такъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ нашихъ великорусскихъ деревняхъ. Типы деревень, особенно схожія съ великорусскими, находятся преимущественно въ сѣверо-западной Крайнѣ. Сходство это увеличивается благодаря тому, что именно здѣсь преимущественно сохранились деревянные дома, близкіе по сооруженію къ нашимъ избамъ. Поэтому можно предполагать, что въ подобныхъ деревняхъ сохранился простѣйшій типъ построекъ, и что именно онѣ изображаютъ наиболѣе древній способъ поселенія словинцевъ. Въ такихъ деревняхъ дома поставлены къ улицѣ своими узкими фасадами, причемъ длинная сторона выходитъ перпендикулярно къ дорогѣ, т. е. дома расположены совершенно такъ же, какъ въ великорусскихъ деревняхъ. Сходство расположенія увеличивается благодаря пристройкѣ къ дому забора и воротъ. Послѣднія (обыкновенно изъ зеленовато-сѣраго пещанника) образуютъ характерную дугу (см. рис. 11). Подобной же дугой характеризуются почти всѣ входныя двери каменныхъ крайнскихъ домовъ (см. рис. 12). Что въ свою очередь для

[1]) Его каменная церковь не позже XIV—XV в.в.

нихъ типично, такъ это толстыя, наружныя каменныя рамы оконъ, въ которыя вдѣланы желѣзныя рѣшетки.

Чтобы окончить описаніе крайнскаго дома слѣдуетъ отмѣтить еще слѣдующія не указанныя ранѣе названія отдѣльныхъ его частей, а равно утвари: весь верхъ называется—наверху; если онъ надъ хлѣвомъ, то—на хлѣву. Хлѣвъ можетъ быть: коньски хлѣвъ, овчьи хлѣвъ и т. д. Крыша называется стреха (въ Босніи—кровъ), въ переносномъ смыслѣ слово это означаетъ—пристанище; гребень крыши—качке, ея навѣсъ—однесъ (въ Босніи—стреха); верхняя комната иногда называется — камертца, а галлерея (гангъ)—ходникъ; подвалъ—кевдерцъ или клетъ; входныя двери—врата; пространство между печкой и стѣной—запечекъ; подпечье—подпечекъ; устье печи—истье; заслонъ печи—заслонъ, покровъ; дымовое отверстіе—димникъ; потолокъ—стропъ; балка, поддерживающая потолокъ — стропникъ, стропница, перечникъ, перечница; подоконникъ—полица; постель—постелья; дѣтская кровать—одерцъ; люлька—зибель; ларь для зерна—кашта, скринья, также схрамба; шкафъ—омари, омарци, лева; переносная скамья—столъ.

Въ заключеніе не лишнимъ представляется повторить общія названія, имѣющія одинаковое или разное значеніе въ Крайнѣ, Босніи, Черногоріи и у васоевичей [1]). 1) изба: въ Крайнѣ—жилое помѣщеніе, то же, что хиша, т. е. комната рядомъ съ помѣщеніемъ основнымъ (вѣжа); въ Босніи и Черногоріи—помѣщеніе подъ домомъ для хозяйственныхъ надобностей, нѣчто въ родѣ подвала или конюшня. 2) кліетъ: у васоевичей—кладовыя справа и слѣва передней тераски (диванханы); въ Крайнѣ (клетъ)—подвалъ. 3) куча: въ Босніи и Крайнѣ — домъ вообще, а также (въ Босніи) основная комната съ очагомъ; въ Черногоріи — домъ, какъ постоянная постройка или (кутя) — комната съ очагомъ въ двухкамерной постройкѣ; въ Крайнѣ (коча) — однокамерный домъ и (кочне) — хозяйственная постройка для склада сѣна на горныхъ лугахъ. 4) соба: въ Босніи и у васоевичей — жилое помѣщеніе въ двухкамерной постройкѣ; въ Крайнѣ — комната вообще.

---

[1]) Боснійскій домъ изслѣдованъ Мерингеромъ (см. Dr. R. Meringer—«Das volksthümliche Haus in Bosnien und der Hercegovina». Wiss. Mit. aus Bos. und d. Herc. Band VII. Wien. 1900) и описанъ Трухелкой (см. его статью «Volksleben» von Truhelka въ «Die Oesterreichisch-ungarische Monarchie in Wort und Bild.—Bosnien und Hercegovina». Wien, 1901). Подробное описаніе черногорскаго дома сдѣлано П. Ровинскимъ (см. «Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ», т. II, ч. 1, Спб., 1897 г.); краткое описаніе крайнскаго дома имѣется въ изданіи «Die Oester.-ungar. Mon. in Wort. u. Bild.—Kärnten und Krain». Wien, 1891 (см. статью I. Franke: «Burgen, Ortsanlagen und Typen von Bauernhäusern»); тамъ же краткое описаніе и карантійскаго дома (см. статью M. v. Moro: «Burgen, Ortsanlagen und Typen von Bauernhäusern»).

5) кухинья: въ Босніи — основная комната съ очагомъ, то же, что куча; въ Крайнѣ — кухня, содержащая очагъ. 6) камара: въ Черногоріи — жилое помѣщеніе въ двухкамерной постройкѣ; въ Крайнѣ (камра)—комната, пристроенная къ избѣ - хишѣ.

Ал. Харузинъ.

Сектантство въ Кіевской губерніи [1]).

Баптисты и Малёванцы.

«Слово Христово да вселяется въ васъ обильно со всякою премудростію; научайте и вразумляйте другъ друга псалмами, славословіемъ и духовными пѣснями, во благодати воспѣвая въ сердцахъ вашихъ Господу». Колос. 3, 16.

«Вы храмъ Бога Живаго». 2 Кор. 6, 16.

Съ перваго раза можетъ казаться чѣмъ-то невѣроятнымъ, что именно Кіевская губернія, эта колыбель православія, средоточіе святынь православныхъ, центръ скопленія богомольцевъ, могла стать очагомъ такихъ вѣроученій, какъ баптизмъ и Малёванщина, вѣроученій, отрицающихъ именно православную церковь со всѣми ея обрядами, таинствами и духовной іерархіей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это такъ; и стоитъ только. въ непосредственномъ общеніи, ознакомиться съ народной жизнью на мѣстѣ, чтобы убѣдиться, что она сплошь испещрена существованіемъ въ ней всевозможныхъ религіозныхъ толковъ, враждебныхъ православію.

Дѣло въ томъ, что страницы исторіи юго-западной Руси, начиная съ XVI вѣка, какъ извѣстно, переполнены картинами ожесточенной борьбы Украины съ Польшей, борьбы, въ которой гражданское дѣло такъ тѣсно было переплетено съ интересами вѣры, что разгорѣвшіяся страсти переходили границы, допускаемыя христіанской религіей. Но рядомъ съ этой борьбой, вносившей кровавый элементъ, шла другая борьба, тоже на почвѣ религіозной, но на чисто гуманитарныхъ, просвѣтительныхъ началахъ, захватывавшая лучшія интелигентныя силы, борьба, которая, конечно, хотя косвенно, но отразилась и на народѣ. Антитринитаріанство, унія, которая подрывала основы православія, социніанство, расшатывавшее католицизмъ, кальвинизмъ,— вотъ тѣ элементы, которые будоражили народное самосознаніе.

---

[1]) Настоящій докладъ былъ читанъ въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Географическаго Общества 17-го ноября 1900 г. и является результатомъ личныхъ изслѣдованій автора въ предѣлахъ Кіевской губ.

Извѣстный южно-русскій проповѣдникъ конца XVI и начала XVII в., Іоаннъ Вышенскій, въ одномъ изъ писемъ такъ характеризовалъ это состояніе народнаго духа: „Поеритичѣли вси обитальницы Малой Россіи и отъ Бога далече устранишася, къ невѣрію и зложитію припрагше, егда на латинскую и мірскую мудрость полакомили. Овь бо зовется папежникъ, овь засъ нынѣ зъ евангелія вылѣзъ—евангелиста, овь засъ новокрещенный, овь засъ субботникъ". „Широкой волной прошло по южной Руси, говоритъ г. Левицкій, реформаціонное движеніе и надолго оставило въ немъ слѣды, въ видѣ порожденнаго религіознаго вольномыслія и всякаго разновѣрія [1]).

Казалось бы, что въ силу историческаго прошлаго, положившаго такую рѣзкую грань между католиками и православными, невозможно было бы и думать о единеніи, о братаніи этихъ двухъ такъ долго враждовавшихъ элементовъ. Но однородныя историческія условія породили и однородныя явленія. Народъ вѣдь не злобливъ, да и время взяло свое. Зажили раны, созданныя кровавыми событіями, и отношенія видоизмѣнились. Нашлись пути къ объединенію, и кровавый элементъ въ дѣлѣ защиты вѣры, разъ поутихли страсти и проникли въ сердца людей начала истинной христіанской религіи, исчезъ самъ собой.

Первымъ очагомъ развитія баптизма на югѣ Россіи, какъ извѣстно, была Херсонская губернія, усѣянная нѣмецкими колоніями, населенными лютеранами, меннонитами и баптистами. Найдя здѣсь богатую почву среди мѣстнаго элемента и среди пришлаго, коимъ изобилуетъ Херсонская губернія, баптизмъ широкимъ потокомъ разлился какъ по Херсонской, такъ и по сопредѣльной съ ней Кіевской губерніи, и первыми прозелитами изъ кіевлянъ и піонерами въ дѣлѣ насажденія протестанскихъ началъ въ Кіевской губерніи, быть можетъ, въ силу случайности, были лица, если по вѣроисповѣданію и не католики, то по происхожденію поляки. Ив. Лясоцкій, Осипъ Тышкевичъ, Козловскій, Захаръ Богдашевскій, Игнатій Флоринскій, Цыбульскій и др.,— вотъ тѣ лица, къ которымъ примкнуло какъ католическое, такъ и православное населеніе. Броженіе началось въ концѣ 60-хъ годовъ, но положительныя данныя о новомъ религіозномъ движеніи проникаютъ впервые въ 1872 году на страницы „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей" [2]), гдѣ говорится о братствѣ людей божіихъ или штундистовъ въ селѣ Плосскомъ, Таращанскаго уѣзда. Свѣдѣнія эти заимствованы были изъ письма викарія Кіевской епархіи, преосвященнаго Порфирія. Въ тонѣ этого повѣствованія не слышно ни гнѣва, ни озлобленія противъ новоявленныхъ сектантовъ. Напротивъ,

[1]) Социніанство въ Польшѣ и Юго-Западной Руси въ XVI и XVII в., стр. 28. Кіевъ 1882 г.

[2]) Кіев. Епарх. Вѣдом. 1872 г., № 7, стр. 150.

характеризуя новое религіозное движеніе, авторъ письма говоритъ: „добрая нравственность ихъ замѣчательна; замѣчательно и богослуженіе русскихъ штундистовъ“.

Вслѣдъ за извѣстіемъ изъ села Плосскаго появилось извѣстіе о занесеніи баптизма въ село Чаплынку изъ Херсонской губерніи Герасимомъ Балабаномъ, но въ это время уже картина взаимоотношеній между духовенствомъ, православными и сектантами значительно видоизмѣняется. Раздаются сначала протесты противъ сектантовъ на страницахъ духовнаго журнала, а вслѣдъ за тѣмъ протесты эти переходятъ и въ самую жизнь. Начинается рядъ столкновеній между духовенствомъ и баптистами, между баптистами и православнымъ населеніемъ. Лишенный свободы дѣйствій, Герасимъ Балабанъ, которому, по требованію священника, полиція не давала паспорта для отлучекъ, обѣщаетъ мѣстному священнику, какъ сообщаютъ „Кіевскія Епархіальные Вѣдомости“ [1]), „зажечь въ его приходѣ такой пожаръ, котораго ничѣмъ нельзя будетъ потушить“. И дѣйствительно, искра, брошенная нафанатизированнымъ человѣкомъ, сдѣлала свое дѣло: откликнулся не одинъ десятокъ, а цѣлыя деревни; въ другихъ уѣздахъ одновременно шла подобная же пропаганда, и вскорѣ новое движеніе разлилось широкимъ потокомъ по всей Кіевской губерніи, создавая то въ одномъ, то въ другомъ уѣздѣ крупные религіозные центры. Было предъ чѣмъ призадуматься и духовенству и властямъ. Въ семидесятыхъ годахъ, когда и духовенство и гражданская власть встревожились, не зная, что предпринять для пресѣченія новаго религіознаго движенія, проектировались всевозможныя мѣропріятія, какъ-то: лишеніе свободы, административная ссылка, запрещеніе свободныхъ передвиженій и сношеній сектантовъ съ православными, лишеніе правъ гражданскихъ, какъ-то: права покупки земли, арендованія и т. д. Всѣ эти мѣропріятія, получившія въ широкомъ размѣрѣ примѣненіе на практикѣ, разсматривались, какъ радикальныя орудія борьбы, причемъ, однако, никто не давалъ себѣ серьезнаго труда разрѣшить вопросъ: гдѣ же кроется корень этого явленія и каковы его духовныя и соціальныя причины? Вмѣсто вдумчиваго разсмотрѣнія этого вопроса, съ легкимъ сердцемъ объявляли, что все зло исходитъ отъ нѣмцевъ. Затѣмъ мы являемся свидѣтелями цѣлаго ряда судебныхъ процессовъ. Въ борьбѣ баптисты фанатизируются, проявляютъ сначала протестъ въ формѣ словопреній, а затѣмъ отношенія сильно обостряются и принимаютъ характеръ демонстративный.

Дѣлая историческій обзоръ движенія, я опиралась на разныя литературныя пособія, изъ которыхъ первое мѣсто занимаютъ изслѣдованія А. Ушинскаго [2]) и свящ. А. Рождественскаго [3]), который пользовался выводами

[1]) Кіевск. Епарх. Вѣд., 1875 г., № 13, стр. 445.
[2]) А. Ушинскій. Вѣроученіе малорусскихъ штундистовъ. Кіевъ, 1886 г.
[3]) Свящ. А. Рождественскій. Южнорусскій штундизмъ. Спб. 1889 г.

Ушинскаго; оба изслѣдователя указываютъ на баптизмъ, какъ на болѣе позднѣйшее явленіе, и утверждаютъ, что въ предѣлахъ Кіевской губерніи впервые появилась почти исключительно штунда съ разными отклоненіями, штунда, признающая, напримѣръ, нѣкоторые обряды и таинства,—заблужденіе, которое впослѣдствіи дало предлогъ оффиціальнымъ блюстителямъ сектанства создать и провести законодательнымъ порядкомъ новое вѣроученіе „штундо-баптизмъ“. Такъ какъ Малёванщина слишкомъ тѣсно связана въ своей первоначальной фазѣ развитія съ баптизмомъ, то вопросъ о времени появленія этого вѣроученія имѣлъ для меня большое значеніе, и, занявшись этимъ вопросомъ, я пришла, на основаніи накопившихся у меня данныхъ и противорѣчій, встрѣченныхъ мною у того и другого автора, къ заключенію, что лишь баптизмъ, какъ признанное вѣроученіе, появился въ самомъ началѣ въ Кіевской губерніи; но, въ виду отсутствія наставниковъ, трудности совершенія обряда крещенія, вслѣдствіе начавшихся гоненій, баптистамъ приходилось сначала или вовсе игнорировать обрядности, или ограничиваться лишь совершеніемъ нѣкоторыхъ обрядовъ и таинствъ; и только въ серединѣ семидесятыхъ годовъ баптизмъ пускаетъ болѣе глубокіе корни, завоевываетъ себѣ вполнѣ прочное положеніе. Баптизмъ явился съ самаго начала кореннымъ сектантскимъ элементомъ въ Кіевской губерніи, о чемъ можно судить какъ по первоначальнымъ источникамъ, такъ и по пережиткамъ этого движенія, которое въ настоящее время лишь возрасло и окрѣпло, имѣя правильную генетическую связь съ тѣми піонерами, которые взбудоражили послѣ освобожденія крестьянъ проснувшееся народное самосознаніе. Здравствуетъ и доселѣ баптистъ Богдашевскій, здравствуетъ и Морозъ, и еще многіе другіе, которые нынѣ являются живыми свидѣтелями минувшаго прошлаго.

Стоя на чисто научной почвѣ, я подошла къ вопросу со своими выводами совершенно безпристрастно, и если-бы данныя, добытыя изъ первоисточниковъ, поколебали мои личныя предположенія о дѣйствительномъ существованіи баптизма именно съ момента возникновенія этого вѣроученія въ Кіевской губерніи, то я не усомнилась бы рѣшительно стать на сторону первоисточниковъ. Однако, этого не случилось. Меня только удивило, что съ извѣстнаго періода,—такъ приблизительно, съ половины девятидесятыхъ годовъ,—на страницахъ духовныхъ журналовъ сначала промелькнуло, а затѣмъ и установилось категорическое наименованіе баптистовъ, заимствовавшихъ вѣроученіе отъ нѣмцевъ и подчиненныхъ, слѣдовательно, въ числѣ прочихъ сектъ дѣйствію закона 1883 года, штундо-баптистами, и происхожденіе приписывалось русской самобытности... У насъ такъ широко практикуется вольная терминологія въ отношеніи сектантовъ и наименованіемъ штундизма квалифицируются вѣроученія, ничего общаго со штундой не имѣющія, о чемъ

я имѣла уже случай говорить въ печати [1]), что сначала я не придала серьезнаго значенія этому факту, и, не найдя твердыхъ основаній считаться съ этимъ явленіемъ, обошла его. Въ дальнѣйшемъ же оказалось, что стремленія журналовъ духовнаго вѣдомства искусственно создать новое религіозное движеніе подъ наименованіемъ штундо-баптизма обусловливалось, безъ наличности для того фактическихъ данныхъ, необходимостью подвести русскихъ баптистовъ, держащихся вѣроученія нѣмецкаго происхожденія, безпрекословно отбывающихъ воинскую повинность, признающихъ и молящихся за Царя и властей, имѣющихъ обряды и іерархію, подъ букву закона, изданнаго въ іюлѣ 1894 г., карающаго „штундистовъ", какъ особенно вредную секту. Вотъ при какихъ условіяхъ выросъ у насъ штундо-баптизмъ на русской почвѣ, вотъ въ силу чего, въ виду новаго законоположенія съ 1895 года, пришлось создавать изъ русскихъ баптистовъ, подчиняющихся льготамъ закона 1883 г., штундобаптистовъ. Къ означенному вопросу я еще надѣюсь вернуться въ одной изъ своихъ ближайшихъ работъ.

Въ чемъ же заключается вѣроученіе баптистовъ? Какъ я сказала раньше, баптисты отрицаютъ православную церковь со всей ея іерархіей и обрядностями. Отрицаніе свое они основываютъ на уклоненіи православной церкви отъ апостольской и говорятъ, что прототипомъ ихъ церкви является церковь первыхъ вѣковъ христіанства, устроенная на тѣхъ же началахъ, на какихъ и они устраиваютъ свою церковь, когда самъ народъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ религіи, понимая церковь, какъ живой организмъ. Кромѣ Евангелія, говорятъ они, никакому ученію не слѣдуетъ подчиняться, ибо въ Евангеліи прямо сказано: „если бы даже мы, говоритъ апостолъ Павелъ, или Ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствовали вамъ, да будетъ анаѳема" (Гал. 1, 8). И это слово непоколебимо утверждаетъ ихъ въ необходимости подчиниться лишь словамъ и завѣтамъ Евангелія. Ссылаются же они болѣе всего на посланія Павла, любимѣйшаго изъ апостоловъ.

У баптистовъ существуетъ, хотя и не облеченная святостью, выборная духовная іерархія, такая-же, какъ и у ихъ учителей, баптистовъ нѣмцевъ; есть свой пресвитеръ-наставникъ, лицо, облеченное большими полномочіями, есть и діаконъ. При рожденіи ребенка, баптисты даютъ ему христіанское имя, безъ всякаго обряда, признавая таинство крещенія лишь въ зрѣломъ возрастѣ, „когда человѣкъ становится способнымъ понять и воспринять ученіе Іисуса Христа и произнести, какъ они говорятъ, доброе исповѣданіе своей вѣры предъ многочисленными свидѣтелями, которые составляютъ братство или живую церковь". Дѣлается это въ воспоминаніе крещенія Спасителя, и обряду

[1]) «Новое Слово», 1897, № 4.

этому, какъ завѣщанному Спасителемъ, баптисты придаютъ огромное значеніе. Крещеніе совершаютъ въ проточной водѣ послѣ строгаго испытанія крещаемаго въ вѣрѣ въ Бога предъ собраніемъ вѣрующихъ, съ погруженіемъ въ воду во имя Отца и Сына и Святого Духа. Крещеніе, какъ они говорятъ, есть знакъ вѣры, „обѣщаніе Богу доброй совѣсти“ (1 Петр. 3, 21), отраженіе главной сути христіанства, которое состоитъ въ вѣрѣ, надеждѣ и любви, и потому таинству крещенія они придаютъ высокое значеніе. Признаютъ баптисты и обрядъ преломленія и причастія, но не какъ простой обрядъ, безъ котораго можно обойтись, а какъ Богомъ установленное Таинство Церкви пріобщенія Тѣла и Крови Господней. Совершаютъ это Таинство такъ, какъ и баптисты-нѣмцы, на основаніи Св. Писанія, и преломленіе-причащеніе или „чаша“ происходитъ въ большинствѣ случаевъ въ первое воскресенье послѣ каждаго 1-го числа, хотя у многихъ повторяется и чаще. Хлѣбъ и вино служатъ внѣшнимъ знакомъ или напоминаніемъ Тѣла и Крови Христовой. Безъ всѣхъ этихъ таинствъ церковь Христова, по ихъ вѣроученію, существовать не можетъ. Признавая Библію и Евангеліе, они отвергаютъ преданіе, какъ продуктъ человѣческаго измышленія. „Намъ Господь заповѣдалъ, чтобы мы не походили на отцовъ нашихъ, Господь учитъ насъ не слѣдовать примѣру отцовъ нашихъ“ — говорятъ баптисты, ссылаясь на Мрк. 7, 13 и Матѳ. 16, 6, отвергаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ догматы, которые утверждаются на преданіи, какъ напримѣръ, почитаніе иконъ, замѣняя ихъ выписками изъ текста Св. Писанія, какъ это видно изъ прилагаемаго рисунка; отвергаютъ ученіе о заступничествѣ святыхъ, поминовеніе усопшихъ; вѣрятъ во второе пришествіе Спасителя, но не допускаютъ послѣ смерти возможности перехода отъ вѣчной муки къ вѣчному блаженству, такъ какъ послѣ смерти нѣтъ покаянія и спасенія—по смыслу притчи о богачѣ и Лазарѣ,—да и ходатайствовать некому, такъ какъ ходатайства святыхъ они не признаютъ, и потому нѣтъ у нихъ молитвы за умершихъ, а каждый увѣровавшій достигаетъ своею жизнью права по вѣрѣ на вѣчное блаженство. Въ основѣ же ихъ вѣроученія лежитъ догматъ оправданія лишь одною вѣрою, и они считаютъ всѣхъ увѣровавшихъ въ искупительное дѣйствіе страданій Христа спасенными сынами Божіими, ибо въ Св. Писаніи сказано: „вы сыны Божіи по вѣрѣ во Іисуса Христа“ (Гал. 3, 26). „Просвѣщеніе Христовымъ ученіемъ, говорятъ они, начинается не съ изученія Св. Писанія, а мы сначала вѣримъ, убѣждаемся въ силѣ Христовой, а затѣмъ уже подчиняемся Его руководству, которое приводитъ къ познанію и уразумѣнію Христовой истины, духа Христова“. Не признаютъ баптисты и крестнаго знаменія. Они отвергаютъ изображеніе креста, но идею креста, какъ страданія, они не отвергаютъ. „Крестъ для насъ, говорятъ баптисты, сила

Русскіе баптисты въ домашней обстановкѣ за чтеніемъ Св. Писанія.

Божія, но не знаменіе или внѣшній знакъ. Крестъ,—символъ страданія". Не признаютъ также божественныхъ достоинствъ и за Матерью Божіей. Бракъ признаютъ за таинство, но для вступленія въ бракъ достаточно благословенія родителей и старшаго брата, который въ собраніи читаетъ подходящія мѣста изъ Евангелія, а хоръ поетъ соотвѣтствующіе псалмы. Жена, по мнѣнію баптистовъ, другъ, помощникъ и совѣтчикъ, и въ сферѣ семейной жизни она равноправный членъ, но въ собраніи она не имѣетъ права на проповѣдь, хотя въ настоящее время многіе изъ баптистовъ словамъ апостола Павла: „жены ваши въ церквахъ да молчатъ" (1 Кор. 14, 34) придаютъ лишь историко-бытовой характеръ, примѣнительно къ нравамъ эпохи, въ которой дѣйствовалъ апостолъ Павелъ, такъ какъ женщины востока отличались чрезмѣрной болтливостью.

Сказать о баптистахъ, что они слѣпо идутъ за своими новаторами, нельзя, такъ какъ, пока новый прозелитъ, стремящійся сблизиться съ ними, не постигнетъ смысла Евангельскихъ требованій, не освоится съ догматами вѣроученія баптистовъ, не установитъ тѣсной связи между жизнью и религіей, пока самъ не найдетъ нравственной опоры въ религіи и своей жизнью этого не докажетъ, онъ не можетъ быть принятъ въ общину и крещенъ. Испытаніе прозелита продолжается нерѣдко очень долго. „Чтобы быть со Христомъ, говорятъ баптисты, т. е. чтобы понять и воспринять всю глубину ученія, преподаннаго Евангеліемъ, нужно сначала сбросить съ себя ветхаго человѣка, т. е. человѣка, который живетъ лишь внѣшней жизнью и служитъ лишь внѣшнимъ ея проявленіямъ". „Выступивъ изъ круга своихъ односельчанъ и однодеревенцовъ, говоритъ свящ. Рождественскій о сектантскихъ прозелитахъ, онъ прекращалъ съ ними общеніе, которое иногда могло обходиться ему недешево. Обязательныхъ пирушекъ, устраиваемыхъ по поводу крестинъ, свадебъ, престольнаго праздника, бьющихъ по карману, онъ, въ силу правилъ своей секты, не справлялъ. Воздержаніе отъ водки, прелюбодѣянія, усиленный трезвый трудъ, бережливость, матеріальная помощь отъ своихъ собратій въ видѣ денегъ или-же физическаго труда,—скоро поднимали его благосостояніе" [1]). Отъ вступившаго въ братство требуется самое строгое отношеніе къ жизни. Эта тѣсно сплоченная община, основанная на взаимномъ довѣріи, поддерживаетъ всегда добрыя взаимныя отношенія, что является хорошимъ примѣромъ и для добрыхъ семейныхъ отношеній, гдѣ болѣе энергичные не покидаютъ дома, чтобы искать на сторонѣ заработка, а стараются сохранить свои силы для нуждъ общины и для домашняго очага. Какъ извѣстно, контроль надъ личностью въ крестьянской средѣ ограничи-

[1]) Свящ. А. Рождественскій. стр. 51.

вается въ большинствѣ случаевъ въ предѣлахъ выполненія ею общественныхъ функцій; въ семейную жизнь общество вмѣшивается лишь тогда, когда необходимо принять карательныя мѣры. Въ сектантской же средѣ нравственный обликъ ея членовъ создается изъ совокупной работы всей общины, такъ какъ принадлежность къ общинѣ дѣлаетъ ея участниковъ органической, неразрывной частью цѣлаго.

Не ограничиваясь сферой лишь домашняго обихода, новый порядокъ жизни постепенно выходитъ за предѣлы очага въ сферу общественности, внося и здѣсь измѣненія въ самыхъ устояхъ народной жизни. Самосудъ народный, который такъ часто прибѣгаетъ въ своихъ приговорахъ къ насилію надъ личностью человѣка: къ розгамъ, къ выселенію и пр., здѣсь замѣняется самосудомъ религіозной общины, которая прибѣгаетъ только къ нравственному воздѣйствію, выговорамъ, лишенію права присутствовать въ совѣщательныхъ собраніяхъ, а также во время преломленія, и, наконецъ, къ самому сильному изъ наказаній—выключенію изъ общины. Но къ послѣдней мѣрѣ они прибѣгаютъ въ очень рѣдкихъ, крайнихъ случаяхъ, такъ какъ раскаявшагося въ поступкѣ прощаютъ, слѣдую завѣту Спасителя, который завѣщалъ согрѣшающимъ прощать „до седмижды семидесяти разъ". (Мате. 18, 22 и Кол. 3, 12).

Къ своимъ единомышленникамъ баптисты относятся крайне сердечно и отзывчиво:

Возлюбите вы другъ друга,—поется въ одной псальмѣ,—
Какъ Христосъ васъ возлюбилъ,
Отдалъ тѣло на страданье,
Кровь свою за васъ пролилъ.

Но въ общемъ баптисты довольно замкнуты и къ людямъ иныхъ съ ними религіозныхъ воззрѣній относятся, правда, довольно нетерпимо, пожалуй даже нѣсколько высокомѣрно; эта нетерпимость вытекаетъ, однако, вовсе не изъ принципа человѣконенавистничества или желанія оскорбить ближняго, а изъ буквальнаго пониманія словъ того же Евангелія: „не преклоняйтесь подъ чужое ярмо съ невѣрными. Какое соучастіе вѣрнаго съ невѣрнымъ? И потому выйдите изъ среды ихъ и отдѣлитесь, говоритъ Господь, и не прикасайтесь къ нечистому, и Я пріиму васъ" (2 Кор. 6, 15 и 17).

Стойкость и умѣнье отстоять свои религіозныя положенія невольно вызываетъ въ народѣ по отношенію ихъ чувство удивленія. „Оці штунды, як почнуть про те, про старе, як світъ зачинався,—говорила мнѣ одна старуха изъ города Василькова—тай батюшки помовкнутъ". Въ словахъ старухи слышалось, пожалуй, и негодованіе по адресу „штундистовъ", но также и обида за своихъ „батюшокъ", которые пасуютъ въ спорахъ съ сектантами. Сек-

танты же, касаясь религіозной неустойчивости своихъ православныхъ односельчанъ, такъ мнѣ ее охарактеризовали: „у нихъ одинъ каже: „світай Боже“, другий каже: „не дай Боже“, а третій: „а міні однаково, шо у день, шо у ночі“.

Покойный преосвященный Никаноръ, говоря въ одномъ изъ своихъ поученій о происхожденіи, развитіи и процвѣтаніи раскола и сектанства путемъ сопоставленія требованій, предъявляемыхъ разными исповѣданіями къ своимъ исповѣдникамъ, доходитъ до крайне печальнаго вывода. „Вотъ они— говоритъ онъ о „штундистахъ“,—всѣ повально учатся грамотѣ, всѣ повально и въ одиночку и всенародно читаютъ Евангеліе, толкуютъ и проповѣдуютъ. Всякій римскій католикъ обязуется изучить и знать свою вѣру; около 15 лѣтняго возраста онъ испытывается и, если окажется несвѣдущъ, не удостоивается конфирмаціи и таинства мгропомазанія. Тоже требуется и отъ протестантовъ“. Перечисляя далѣе всѣхъ иновѣрцевъ въ ихъ стремленіи познать свою вѣру, преосвященный такъ заключаетъ свои выводы: „Взять нашъ русскій расколъ,—и тамъ учатъ грамотѣ чаще и вѣрѣ крѣпче, чѣмъ у русскихъ православныхъ. Взять вотъ теперь и штунду,—и та теперь повально взялась за ученье грамотѣ, да за чтеніе Новаго Завѣта, да за ререлигіозныя собесѣдованія. Въ какой же вѣрѣ и въ какой церкви вѣрующій можетъ родиться, жить и умереть, вовсе не изучая и не зная вѣры? Единственно у насъ! Горько, позорно, но истинно“,—заключаетъ преосвященный Никаноръ свои сопоставленія [1]).

Грамотность баптисты ставятъ чрезвычайно высоко и употребляютъ всѣ усилія, чтобы содѣйствовать грамотности и вообще просвѣщенію своихъ единомышленниковъ, но изъ жизненнаго обихода исключаются всякія развлеченія, танцы и вообще все то, что можетъ плохо дѣйствовать на нравственный міръ человѣка. Допускается лишь духовное пѣніе, которое, надо отдать справедливость, разработано у нихъ въ совершенствѣ. Постовъ баптисты не соблюдаютъ, такъ какъ „пища не приближаетъ насъ къ Богу“ (1 Кор. 8, 8). „Нужно воздерживаться, говорятъ они, не отъ пищи, а отъ дурныхъ дѣлъ и помысловъ“. Погребеніе умершихъ не носитъ у нихъ церковнаго характера. На смерть они смотрятъ не со страхомъ, а съ упованіемъ, что съ концомъ земнаго существованія для нихъ, принявшихъ съ полной вѣрой и внесшихъ въ свою жизнь ученіе Христа, начнется обѣщанная блаженная вѣчная жизнь, ибо сказано: „вѣрующій въ Меня имѣетъ жизнь вѣчную“, а потому и къ смерти относятся спокойно, лишь какъ къ необходимой ступени для перехода въ вѣчную жизнь.

[1]) Кіевск. Епарх. Вѣд., 1885 г., № 21 (заимствовано изъ «Херсонскихъ Еп. Вѣд.»).

Около покойника не воскуривается фиміамовъ, не возжигается свѣчей, но, пока онъ въ домѣ, члены общины собираются, читаютъ Евангеліе и поютъ подходящіе къ случаю псальмы,—не для покойника, но для живыхъ. На кладбище тѣло усопшаго сопровождаетъ обыкновенно вся община съ пѣніемъ псальмъ, что придаетъ ихъ похоронамъ чрезвычайную торжественность. Но этимъ актомъ и кончается видимая связь живыхъ съ умершимъ. По погребеніи, никакихъ почестей памяти покойнаго не воздается, ибо послѣ смерти нѣтъ покаянія и спасенія. По мнѣнію баптистовъ, въ воскресенье мертвыхъ умершіе возстанутъ съ тѣлами нетлѣнными, такъ какъ сказано въ Свящ. Писаніи, что „сѣется тѣло душевное, возстаетъ тѣло духовное" (1 Кор. 15, 44).

По словамъ одного духовнаго слѣдователя—священника, послѣ похоронъ ребенка по обряду баптистовъ, за что послѣдніе привлечены были къ отвѣтственности, свидѣтели православные такъ о нихъ говорили: „Щобъ ще цехъ бувъ у штундівъ", подразумѣвая подъ словомъ „цехъ" хоругви: „то зовсимъ було-бъ доладу; гарно ховаютъ: неначе краще, якъ у насъ" [1]). Такъ откровенно отвѣчали они духовному слѣдователю на вопросъ о впечатлѣніи, какое произвело на нихъ погребеніе по обряду баптистовъ. Приведенное показаніе слѣдователя духовныхъ дѣлъ относительно погребенія по обряду баптистовъ не должно удивлять насъ, такъ какъ всѣмъ, знакомымъ съ народной жизнью, извѣстно, какъ происходятъ похороны въ деревняхъ, особенно далеко отстоящихъ отъ прихода, да еще у бѣдняковъ, гдѣ похороны не только не сопровождаются торжественнымъ пѣніемъ, но и рѣдко сопутствуются священникомъ, а ужъ о дѣтяхъ и говорить нечего. Дѣтей сплошь хоронятъ безъ батюшекъ, а мертворожденныхъ и прямо закапываютъ у порога въ избѣ или подъ скрыней (сундукомъ), и батюшка только изрѣдка наѣзжаетъ, чтобы за разъ припечатать могилы, что и замѣняетъ для бѣдняковъ обрядъ погребенія. Отъ баптистовъ же требовалось, при погребеніи, непремѣнное участіе священника. Изъ-за погребенія умершихъ баптистовъ, безъ участія духовенства, бывало вначалѣ особенно много столкновеній, доходившихъ до рукопашной расправы между православными и сектантами, до отнятія праха отъ родныхъ, что въ сильной степени фанатизировало сектантовъ и увеличивало количество столкновеній. Но отношенія видоизмѣнились къ лучшему послѣ похоронъ 3-хъ лѣтней дѣвочки, Натальи Бузынной, по обряду баптистовъ, съ разрѣшенія пристава, который выступилъ въ защиту правъ баптистовъ, и отношеніемъ отъ 27 мая 1880 г. за № 2606 къ священнику села Керданъ, Таращанскаго уѣзда, оффиціально разъяснилъ, что „ни одна статья закона не обязываетъ никого изъ отступившихъ отъ православія непремѣнно приглашать священника для погребенія. Приглашать

---

[1]) Кіевск. Епарх. Вѣд. 1885 г. стр. 717.

его зависитъ отъ доброй воли, и нѣтъ права заставлять“ [1]). Въ этомъ же періодѣ и нѣсколько раньше возникъ цѣлый рядъ недоразумѣній между гражданскими судьями и духовными: мировой судья 2-го участка Таращанскаго уѣзда еще въ 1874 г. отказался, за отсутствіемъ данныхъ для обвиненія, отъ разбирательства дѣла о сектантахъ, вступивъ въ пререканія съ консисторіей. Вслѣдъ за этимъ, въ 1876 г. кіевскій губернскій прокуроръ, несмотря на требованіе консисторіи, отказался отъ возбужденія преслѣдованія, не усматривая въ дѣяніяхъ „штундиста“ Коваля и еще одного его единомышленника преступленія. Изъ Петербурга также не послѣдовало неблагопріятныхъ для баптистовъ распоряженій. Мѣстная духовная власть распорядилась, однако, вожаковъ и женщинъ разослать по монастырямъ; но монастыри, повидимому, тяготились непосильнымъ бременемъ. Такъ, іеромонахъ кіевскаго Михайловскаго монастыря, по поводу увѣщеванія Коваля, рапортовалъ епархіальному начальству слѣдующее: „Яковъ Коваль несговорчивъ, назойливъ, какъ оса и на языкъ острый, какъ коса, дикій, какъ звѣрь, и стоекъ въ своихъ убѣжденіяхъ, какъ діаволъ во злѣ“ [2]).

Итакъ, какъ я уже сказала выше, раздались голоса въ защиту сектантовъ, и столкновенія значительно поутихли, уступивъ мѣсто столкновеніямъ иного характера, столкновеніямъ на почвѣ своихъ собственныхъ внутреннихъ распорядковъ. Баптизмъ къ этому времени завоевалъ себѣ уже прочное положеніе, но чрезмѣрная строгость къ себѣ и другимъ наложила печать силы, увѣренности и нравственной мощи на болѣе сильныхъ, сплотивъ ихъ въ неразрывный союзъ, подчинившійся безпрекословно этой строгой дисциплинѣ; другимъ же, болѣе слабымъ и экзальтированнымъ, пришлась не по силамъ. Въ первые моменты появленія баптизма въ Кіевской губерніи, когда и эти слабые въ роли піонеровъ стали во главѣ еще не окрѣпшаго религіознаго броженія, роль новаторовъ пришлась имъ по сердцу; затѣмъ начались гоненія, которыя еще сильнѣе сплотили всѣхъ, но уже на иной почвѣ. Когда же миновалъ періодъ строгостей, и баптизмъ во всеоруженіи развернулся и вступилъ въ свои права, тогда часть, болѣе слабая и экзальтированная, стала тяготиться этой дисциплиной, и, сбрасывая съ себя постепенно иго формализма, давящаго іерархіей, обрядностями и частыми регламентированными молитвенными собраніями, создала новое, совсѣмъ свободное отъ обрядностей общество. Этотъ-то новый элементъ и явился далѣе уже готовой почвой для Малёванщины; и сюда первоначально отхлынули преимущественно католики, которые и въ настоящее время занимаютъ не послѣднее мѣсто въ этомъ движеніи, какъ люди, по своей натурѣ склонные

[1]) Труды Кіевск. Дух. Акад. 1884 г., № 4, стр. 589.
[2]) Свящ. А. Рождественскій, стр. 121.

болѣе къ мистицизму. Послѣдователи Малёванаго изъ католиковъ говорили мнѣ, что всѣ они, разрывая съ баптизмомъ, пережили періодъ разочарованія, и указывали на этотъ періодъ, какъ на моментъ исканія чего то новаго, что въ концѣ концовъ и привело ихъ къ иной, болѣе заманчивой, свободной отъ дисциплины формѣ вѣроученія.

Такое незначительное и даже на первый взглядъ заманчивое явленіе, какъ требованіе отдавать воскресный день исключительно отдыху и молитвѣ. чтобы не нарушать молитвеннаго, созерцательнаго настроенія, требованіе даже пищу всю заготовлять въ субботу, породило во многихъ послѣдовательницахъ недовольство и недоразумѣнія, особенно среди малороссіянокъ. „Мій достатокъ не позволявъ міні отдыхать у неділю“ (т. е. въ воскресенье),—говорила мнѣ бывшая баптистка. Дѣйствительно, изнуренная тяжелой полевой работой, сектантка поздно вечеромъ возвращалась домой, гдѣ ея прихода ждали маленькія дѣти, которыхъ нужно было накормить, гдѣ нужно было и подоить корову, убрать къ празднику хату,—а кто бывалъ въ Малороссіи, тотъ знаетъ, какую чистоту соблюдаютъ малороссіянки въ своихъ хатахъ. Усталая сектантка нерѣдко не успѣвала заготовить ѣду для слѣдующаго дня (и картофель трудно въ субботу въ сумерки копать и воду носить); а начнетъ съ хозяйствомъ возиться въ воскресенье утромъ, опоздаетъ на молитвенное собраніе, а тамъ уже и замѣчанія и укоры въ нерадѣніи. Отмѣчу здѣсь кстати, какъ характерное явленіе, что въ послѣдніе годы и среди кіевскихъ баптистовъ появился было расколъ изъ-за празднованія субботы или воскресенья. Одни говорили, что нужно праздновать субботу, что воскресенье есть лишь папское измышленіе, другіе — что лишь воскресенье, а нѣкоторые пришли, на основаніи всего этого, къ заключенію, что нужно праздновать и посвящать всецѣло молитвѣ и субботу и воскресенье. Теперь всѣ эти дебаты отошли въ область преданій. Шелъ еще споръ между нѣкоторыми, что слѣдуетъ имъ называться не баптистами, такъ какъ въ Евангеліи такого наименованія нѣтъ, а Евангелистами, такъ какъ, совершая крещеніе взрослыхъ, преломленіе, причащеніе, они исполняютъ лишь завѣты евангельскіе; но и эти домашніе споры давно утратили свой острый характеръ и затихли, уступивъ мѣсто болѣе существеннымъ вопросамъ.

На молитвенныя собранія у баптистовъ собираются въ Воскресенье утромъ и затѣмъ въ заранѣе установленные дни и часы, когда обучаются пѣнію и посвящаютъ вечера исключительно на увѣщаніе, наставленіе и на объяснительное чтеніе Евангелія. Молитвенное же собраніе строго распредѣляется на чтеніе Евангелія, пѣніе псальмъ и на молитву—исповѣдь. Мы, говорятъ баптисты, исповѣдуемъ Христа, пришедшаго во плоти, и слѣдуемъ его завѣтамъ, а въ Евангеліи не сказано, исповѣдываться-ли передъ ксендзомъ или священникомъ, а указы-

Семья русскаго баптиста-евангелиста И. П. К-ва за работой.

а, чтобы вспо
ну, когда кт
з и нужно п
(вижу здѣс
нь, во врем
временно не
ка пришлас
ка ждешь о
енію пропа
. то всегд
ать и ещ
и молитвон
ни общины,
ють людей
Задолго е
ъ, т. е. до
рыхъ въ с
адцатупдисто
мй Малёван
въ Епархіал
ьнаго состоя
ннаго Писан
въ"—рѣши
ался, затос
у стало ка
ида работал
въ нихъ обр
ль о томъ
ный сюда,
ица (кирпи
ють возвы
несуть т
і машетъ
і метать
и каменн
бездыханн
бѣжали,
ныхъ,
) К

вается, чтобы исповѣдываться другъ другу. Какую же плату мы будемъ вносить и кому, когда въ Новомъ Завѣтѣ прямо говорится: „гдѣ прощеніе грѣховъ, тамъ не нужно приношеніе за нихъ“ (Евр. 10, 18).

Скажу здѣсь, кстати, нѣсколько словъ о вышеупомянутой молитвѣ. У баптистовъ, во время молитвы—исповѣди, строго соблюдается очередъ, и двое одновременно не могутъ громко произносить молитвы. Подобная постановка вопроса пришлась многимъ изъ неутвердившихся баптистовъ не по душѣ. „Пока ждешь очереди“,—говорили мнѣ бывшія баптистки—„и молитвенное настроеніе пропадаетъ, а если молишься Богу съ чувствомъ, каешься во грѣхахъ, то всегда мутитъ мысль, что стоишь точно на судбищѣ—всѣ тебя слушаютъ и еще до Божьяго произносятъ въ душѣ людской судъ“. По окончаніи молитвеннаго собранія, обсуждаются вопросы, касающіеся внутренней жизни общины, помощи бѣднымъ членамъ и пр. Все это сближаетъ, сплачиваетъ людей и даетъ возможность узнать каждаго въ отдѣльности.

Задолго еще до оффиціальныхъ свѣдѣній о появленіи секты Малёванцевъ, т. е. до начала девятидесятыхъ годовъ, среди отщепенцевъ баптизма, которыхъ въ свое время окрестили въ духовной литературѣ наименованіемъ младоштундистовъ, стали замѣчаться явленія, совершенно аналогичныя съ будущей Малёванщиной и притомъ отмѣченные такой же экзальтаціей. Въ „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ [1]) дано чрезвычайно живое изображеніе душевнаго состоянія сектанта Кривенко, который, основываясь на словахъ Священнаго Писанія—„когда Я вознесенъ буду отъ земли—всѣхъ привлеку къ Себѣ“—рѣшилъ, что именно съ него должно начаться это привлеченіе. „Задумался, затосковалъ Кривенко и, ожидая денно и нощно своего вознесенія, ему стало казаться въ одинъ прекрасный день, что на мѣстѣ, гдѣ онъ тогда работалъ, появились ангелы, привѣтствующіе его, какъ брата. Одинъ изъ нихъ обратился къ нему, какъ потомъ, послѣ своего выздоровленія, онъ самъ о томъ разсказывалъ, съ слѣдующими словами:—Пилыпъ, Пилыпъ! скакай сюда, визьму на небо!—Боюсь, страшно! я убьюсь, бачъ камінь, та цегла (кирпичъ),—шепчетъ Кривенко, стоя въ то время на какомъ то большомъ возвышеніи.—Братъ, а ты развѣ забылъ слова писанія: „На рукахъ понесутъ тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею“—говоритъ ангелъ и машетъ рукою. И вдругъ два ангела схватываютъ Кривенко подъ руки и летятъ съ нимъ. И Кривенко съ своего саженнаго возвышенія полетѣлъ на каменный полъ, едва успѣвъ слегка крикнуть. Его затѣмъ нашли почти бездыханнымъ, плавающимъ въ лужѣ крови....... Такой же случай, мнѣ сообщали, произошелъ въ 1895 г. и среди Малёванцевъ въ деревнѣ Яблоновкѣ, находящейся въ сосѣдствѣ съ Сорокотягами, населенной послѣдова-

[1]) Кіевск. Епарх. Вѣдом. 1884 г. № 9.

телями Малёваного. Здѣсь крестьянинъ изъ католиковъ, Янко Манцапура, тоже задумавшись о вознесеніи своемъ на небо, объявилъ, что у него растутъ крылья, и затѣмъ черезъ нѣкоторый промежутокъ времени собралъ народъ, и, объявивъ, что у него для вознесенія выросли уже крылья, взобрался на клуню, сдѣлалъ отчаянный прыжокъ и, конечно, полетѣлъ на землю, разбившись вдребезги. Такія крайнія проявленія составляютъ исключенія и являются результатомъ слишкомъ буквальнаго пониманія смысла евангельскихъ словъ.

Такова въ общихъ чертахъ исторія баптизма въ его распространеніи, развитіи и отклоненіяхъ въ предѣлахъ Кіевской губерніи до 1889—1890 годовъ. Съ 1891 года, и даже нѣсколько ранѣе, картина движенія рѣзко видоизмѣняется. Точно буря проносится надъ жизнью отколовшихся отъ баптизма, увлекая всѣхъ ихъ поголовно въ стремительный водоворотъ. Пронеслась молва, что Господь Богъ воздвигъ Первенца Спасителя здѣсь, въ Кіевской губерніи и въ лицѣ кого же? Избраннымъ явился именно одинъ изъ ревностнѣйшихъ единомышленниковъ, баптистъ, житель города Таращи, колесникъ Кондратій Малёваный.... Непоколебимые изъ баптистовъ ужаснулись небывалой дерзости, другіе-же, какъ это всегда случается въ народной массѣ, поддались обаянію охватившей ихъ иллюзіи, со всей страстностью своей чистой непосредственной натуры.

Кондратій Алексеевичъ Малёваный былъ сначала ярымъ послѣдователемъ баптизма, и въ концѣ 80-хъ годовъ былъ крещенъ, при большомъ стеченіи народа, въ присутствіи урядника и властей, въ прудѣ около села Кердань Таращанскаго уѣзда. Въ концѣ же 80-хъ годовъ, какъ мнѣ разсказывала жена Малёванаго, въ Таращанскую тюрьму были привезены нѣсколько сектантовъ-мистиковъ изъ села Скибина, отстоящаго въ верстахъ 30-ти отъ г. Таращи, и единомышленники этихъ заключенныхъ, наѣзжая для свиданія со своими братьями по вѣрѣ, останавливались всегда у Малёванаго и вмѣстѣ съ нимъ посѣщали тюрьму. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ глава этого движенія, Венедиктъ Душенковскій былъ сосланъ въ Елисаветпольскую губернію, а вскорѣ затѣмъ послѣдовала высылка и остальныхъ. Пріѣзжавшіе единомышленники вели религіозныя бесѣды съ Малёванымъ, и, хотя послѣ высылки заключенныхъ, не смотря на обѣщанія, они и не заглянули къ нему, но сѣмя было брошено, и Малёваный, будучи отъ природы склоненъ къ мистицизму, съ особеннымъ усердіемъ сталъ заниматься изученіемъ библейскихъ пророчествъ и откровеній. Выбравъ себѣ изъ своихъ единомышленниковъ — баптистовъ 4-хъ болѣе подходящихъ по настроенію собесѣдниковъ, онъ вмѣстѣ съ ними углубился въ изученіе Библіи и такъ увлекся новымъ толкованіемъ пророчествъ и откровеній, что дошелъ въ концѣ концовъ до крайнихъ выводовъ, признавъ, напримѣръ, что все содержаніе Новаго Завѣта есть не что иное, какъ

рядъ притчъ, что собственно жизнь Іисуса Христа, о которой говорится въ Евангеліи, еще впереди, и что библейскимъ пророчествамъ еще предстоитъ сбыться, что тотъ Іисусъ, о которомъ говорится въ Евангельскихъ притчахъ, есть лишь синонимъ правды и истины, и что Христосъ, т. е. правда, былъ и до Авраама и во времена Моисея, что подтверждается Евангеліемъ, въ которомъ Спаситель говоритъ: „истинно, истинно говорю вамъ: прежде нежели былъ Авраамъ, Я есмь“ (Іоан. 8, 58) и далѣе: „всѣ крестились въ Моисея..... ибо пили изъ духовнаго послѣдующаго камня, камень же былъ Христосъ“ (1 Кор. 10, 4). Затѣмъ говорилъ онъ, что въ 1 посл. къ Тим. въ 6-й главѣ сказано о Спасителѣ, что Его „никто изъ человѣкъ не видѣлъ и видѣть не можетъ“, слѣдовательно Христосъ, о которомъ говорится въ Евангеліи есть лишь притча о правдѣ, воспринятіемъ которой и должно подготовить себя къ принятію предсказаннаго Ветхимъ Завѣтомъ Спасителя. Все вновь воспринятое казалось имъ настолько непоколебимымъ и яснымъ, что отсюда уже возникъ въ ихъ разгоряченномъ мозгу вопросъ: не наступило ли уже теперь время пришествія на землю Сына Божія во плоти, а не аллегорически, такъ какъ люди все болѣе и болѣе стремятся къ Богу, постигаютъ истину, страдаютъ за нее и, не смотря на жестокія гоненія, число такихъ людей быстро увеличивается. Но кто же будетъ этимъ первымъ во плоти избранникомъ-провозвѣстникомъ истинъ Божіихъ?

Всѣ эти приподнятыя размышленія, толки и бесѣды съ единомышленниками въ конецъ расшатываютъ нервную систему Кондратія Малёванаго, и онъ доходитъ до галлюцинацій: то ему начинаетъ казаться, что онъ видитъ разверстое небо, слышитъ оттуда призывающій голосъ; то ему кажется, что онъ отдѣляется отъ земли, и окружащіе его, какъ мнѣ разсказывала жена Малёванаго, видятъ тоже самое; далѣе начался экстазъ со всевозможными его проявленіями, и этому экстазу поддается также вся окружающая среда: среди радостныхъ возгласовъ, слезъ отчаянія, раздается импровизированная молитва, въ видѣ проповѣди, возвѣщающая о наступленіи на землѣ Царствія Божія. Малёванаго признаютъ Первенцемъ—Спасителемъ, а ближайшіе его собесѣдники объявляются евангелистами новаго ученія, получающаго свое наименованіе—Малёванщина—отъ главы его. Въ домѣ Малёванаго создается фантастическая обстановка: самого Кондратія одѣваютъ въ бѣлыя одежды, стѣны и полъ жилища покрываютъ приносимыми сюда дарами: свѣтлыми плахтами, кусками холста и бархата. Потрясенный и взволнованный слухами о появленіи въ городѣ Таращѣ Божія Первенца, народъ начинаетъ массами сюда стекаться, послушать новоявленнаго проповѣдника и Спасителя..... Охваченные религіознымъ экстазомъ, вѣрующіе приближаются къ хатѣ своего Первенца сначала на колѣняхъ,—что, впрочемъ, неудивительно, такъ какъ значительная часть со-

стояла изъ католиковъ,—вознося свои молитвы къ Богу, а переступивъ порогъ, падаютъ къ ногамъ Малёванаго, горько проливая слезы, молитвенно воздѣвая руки и изливая ему свои сомнѣнія и горести.

Весь въ бѣломъ, съ глубокою скорбію во взорѣ, новоявленный пророкъ встрѣчаетъ всѣхъ привѣтливо и ласково; воздѣвая руки къ небу, онъ со страстью говоритъ о злѣ, царящемъ на землѣ и охватившемъ весь родъ людской, указываетъ на необходимость возродиться къ новой жизни путемъ самоусовершенствованія, любовью къ ближнему, добрыми дѣлами, стремленіемъ къ истинѣ, исканіемъ ея. Тутъ-же онъ, въ экстазѣ, провозглашаетъ себя Первенцемъ Божіимъ на землѣ. Но, говоря о наступленіи Царствія Божія, Малёваный вмѣстѣ съ этимъ предсказываетъ и о предстоящихъ своихъ страданіяхъ, симулируя библейскимъ предсказаніямъ о страданіяхъ Христа.

Полиціей было обращено вниманіе на недозволенныя собранія, и вскорѣ затѣмъ Кондратій Малёваный былъ арестованъ и препровожденъ въ Кіевъ, гдѣ его помѣстили въ психіатрическое отдѣленіе Кирилловской больницы. Послѣ ареста Малёваного обаяніе, завоеванное имъ среди массъ, приняло сразу колоссальные размѣры; имя его, какъ Спасителя, упрочилось. Народъ всюду разносилъ отзвуки новаго ученія о наступленіи на землѣ Царствія Божія. Вскорѣ его выпустили, но взрывъ энтузіазма его единомышленниковъ снова лишилъ Малёванаго возможности успокоиться въ благотворной семейной обстановкѣ, почему онъ вторично былъ взятъ и переведенъ въ психіатрическую больницу въ г. Казани.

Для характеристики Малёванаго и его способности увлекать своею горячею проповѣдью окружающихъ, не лишне здѣсь повѣдать слѣдующій эпизодъ изъ его жизни въ Казанской психіатрической больницѣ. За два мѣсяца до его водворенія въ лечебницу, туда же былъ доставленъ нѣкій Чекмаровъ, житель одной изъ сѣверо-восточныхъ губерній, считавшій себя тоже Первенцемъ Божіимъ, но еще не объявившимся для людей. Когда Малёваный и Чекмаровъ сошлись, то, разумѣется, между ними возникла бесѣда на занимающую ихъ обоихъ тему.

Послѣ того, какъ Кондратій Малёваный выслушалъ Чекмарова и его доводы, въ доказательство того, что онъ Первенецъ, онъ спокойно замѣтилъ ему: „Послушай ты теперь меня и, если найдешь, что я не правъ, то я охотно признаю тебя за того, кѣмъ ты себя объявляешь и послѣдую за тобою“. Затѣмъ онъ началъ страстно, долго и убѣдительно говорить на темы, которыя развивалъ съ такимъ успѣхомъ еще въ Таращѣ, и результатомъ этого было то, что Чекмаровъ отказался отъ принятаго на себя званія Первенца, призналъ за такового Малёванаго, а симъ послѣднимъ былъ объявленъ за Іо-

Чекмаревъ. К. А. Малёваный.

Семья К. А. Малёванаго.

анна Крестителя, явившагося въ міръ съ провозвѣстіемъ о появленіи Сына Божія на землѣ.

Необходимо также здѣсь отмѣтить, что Малёваный произвелъ глубокое впечатлѣніе вообще на всѣхъ въ Казанской психіатрической больницѣ, такъ что даже нѣкоторые члены миссіонерскаго съѣзда, бывшаго въ Казани, посѣтившіе Малёванаго, были положительно смущены бесѣдою съ нимъ: такъ была его рѣчь въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сильна, убѣдительна и полна глубокихъ и чистыхъ мыслей, переплетенныхъ поэтическими образами и облеченныхъ въ поэтическую форму.

И такъ, въ то время, когда въ городѣ Таращѣ оформливается переломъ въ религіозныхъ убѣжденіяхъ, среди небольшого кружка, во главѣ съ Кондратіемъ Малёванымъ, который единогласно признается Спасителемъ,—по деревнямъ Васильковскаго уѣзда: въ Снѣгуровкѣ, Яхнахъ, Соловвнкахъ, Малой Половецкой, въ селахъ и деревняхъ Сквирскаго уѣзда, въ Дидовщинѣ, Лучинѣ, Турбовкѣ, Голякахъ, Липкахъ и др. селахъ, въ Таращанскомъ и въ сосѣднемъ Богуславскомъ уѣздахъ, одновременно съ этимъ идетъ броженіе, вызванное разладомъ, о чемъ я уже говорила раньше. Вотъ какъ мнѣ описывала этимъ лѣтомъ свои пережитыя ощущенія одна изъ послѣдовательницъ Малёванаго, бывшая католичка, здоровая, вполнѣ нормальная женщина, хорошая мать семейства и заботливая жена.

— Еще задолго до появленія нашего Первенца (Малёванаго)—разсказывала она мнѣ,—отстали мы отъ баптистовъ, стали сами читать Писаніе; такъ тяжко было, не знали истинныхъ путей, и стали мнѣ сниться сны, да такіе, что покоя ни днемъ, ни ночью не давали. Бывало, какъ засну, все тотъ же сонъ продолжается. Вижу это я, что съ неба ко мнѣ спустилась труба и приросла къ моей головѣ: мнѣ и страшно, и диковинно... а кругомъ никого не видать, кругомъ этакій лѣсъ, тьма... Теперь-то я знаю, это означало, что Духъ Божій свой гласъ направлялъ на меня, открываться началъ, а я это среди тьмы одна, среди темныхъ людей, какъ въ лѣсу. И страшно мнѣ, и радостно. И въ другой разъ тоже самое снится. Спрячу, думаю, трубу. Свернула такъ ее на головѣ, да и покрыла платкомъ, а она не умѣщается. Думаю, нужно подѣлиться этимъ съ другими. Разсказала своимъ—полегчало. А тутъ уже всюду идетъ чутка (слухъ), что въ Таращѣ Первенецъ проявился; идутъ толки о томъ, что чрезъ первенца дано новое слово, что есть уже носители новаго слова, избранники, что никакихъ обрядовъ, какъ мы и сами стали думать, не нужно; что вмѣсто Іоаннова Крещенія, какимъ крестятся баптисты, нужно креститься духовно, возродиться, очистивъ себя отъ грѣха, а не погружаться въ воду, и что преломленія тоже не

нужно. Преломите себя, поборите своя страсти, вотъ это и будетъ чаша страданія, это и будетъ преломленіемъ во имя Господа.

Въ первое время,—о чемъ теперь можно судить лишь по сообщеніямъ профессора Сикорскаго [1]), который имѣлъ возможность наблюдать Малёванщину въ самые интенсивные моменты,—она производила болѣзненное впечатлѣніе; но профессоръ, разсматривая весь вопросъ лишь съ патологической точки зрѣнія, во многихъ своихъ выводахъ впадаетъ въ крайности, съ которыми никакъ нельзя согласиться. Проф. Сикорскій почему то не упоминаетъ о тѣхъ возмутительныхъ жестокостяхъ, которыя совершали невѣжественныя сельскія власти въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ (да отчасти продолжаютъ и теперь) надъ Малёванцами, а болѣе чѣмъ вѣроятно, что эта сторона общественной жизни именно способствовала усиленію и истеріи и экстаза.

Здѣсь, кстати, отмѣчу, что Малёванцемъ именуютъ и извѣстнаго по павловскому дѣлу Моисея Тодосіенко, который, однако, проживъ 12 лѣтъ среди Малёванцевъ, не находилъ почвы для своей проповѣди и своими эксцентричными выходками довелъ Малёванцевъ,—что въ сектанской средѣ является исключительнымъ случаемъ,—до жалобы на него мировому судьѣ за своевольное взятіе днемъ изъ пасѣки одного Малёванца улья съ медомъ для угощенія своихъ односельчанъ. Объ этомъ приговорѣ мирового судьи и упоминается въ обвинительномъ актѣ.—„Съ его „подвигами“ мы не соглашались,—говорили мнѣ Малёванцы,—такъ какъ онъ дѣлалъ все напротивъ. Онъ раззорялъ и покрывалъ все собраніе и—когда онъ въ собранія приходилъ, всѣ расходились“.

Вопросъ о назначеніи человѣка, вопросъ вѣчно юный, жгучій, присущъ всему человѣчеству внѣ времени и мѣста и независимъ отъ умственнаго развитія человѣка. Всякій стремится такъ или иначе его разрѣшить и, если въ борьбѣ съ житейскими невзгодами у человѣка не заглохнетъ пробудившееся самосознаніе, для него открывается широкое поле къ облагораживанію своего духа, къ построенію основъ нравственности, и вотъ тутъ-то среда, условія жизни и пр. играютъ огромную роль.

Ученіе Малёванцевъ, исходящее изъ вдохновенія, построенное въ значительной степени на иносказаніяхъ, трудно укладывается въ опредѣленныя рамки; но я постараюсь, въ предѣлахъ возможности, отчасти путемъ сравненія съ ученіемъ баптистовъ и прыгуновъ, формулировать это вѣроученіе, опираясь на болѣе или менѣе окрѣпшія положенія, которыя даютъ тонъ, входятъ въ основаніе вѣроученія и опредѣляютъ сущность его.

Выдѣляясь изъ баптизма, Малёванцы вынесли оттуда широкое знакомство

[1]) Проф. И. Сикорскій. Сборникъ научно-литературныхъ статей, кн. 5-я, стр. 44. Кіевъ.

со Священнымъ Писанiемъ и, отдавшись со страстью новому ученiю о богочеловѣчествѣ, они, незамѣтно для себя, строили новое зданiе на старомъ прочномъ фундаментѣ, что придало ихъ вѣроученiю своеобразный колоритъ, тотъ отпечатокъ, который, при однородности ученiя о богочеловѣчествѣ, почти отсутствуетъ у прыгуновъ, принимающихъ, вступая въ секту, готовыя формы съ утраченными уже этическими началами. Это различiе между прыгунами и Малёванцами сказывается и на складѣ жизни и даже и на самомъ характерѣ пѣснопѣнiя, которое у Малёванцевъ отличается глубиной и задушевностью; пѣснопѣнiе же прыгуновъ относится къ категорiи плясовыхъ пѣсенъ, и мотивъ далеко не гармонируетъ съ содержанiемъ и со смысломъ ихъ псальмъ.

Насколько у баптистовъ опредѣлена и оформлена до тонкости догматика и вообще всѣ пункты ихъ вѣроученiя, настолько у Малёванцевъ не существуетъ борьбы ни за обрядъ, ни за Евангельскiе догматы, ибо Евангелiе, по ихъ ученiю, не законодательный кодексъ, коему слѣдуетъ слѣпо подчиняться, а сводъ нравственныхъ правилъ, облеченный въ иносказательную форму, цѣлый рядъ аллегорiй и притчъ, причемъ даже событiя изъ жизни Спасителя, вплоть до его крестной смерти, понимаются многими духовно. Малёванцы утверждаютъ, что баптисты живутъ по буквѣ, между тѣмъ, какъ Св. Писанiе говоритъ, что „буква убиваетъ, а духъ животворитъ" (2 Кор. 3, 6), а они, Малёванцы, по духу, и что если жить по буквѣ, то можно впасть въ большiя ошибки, такъ какъ ни одно Писанiе, говорятъ они, не можетъ породить столько разногласiй, какъ Евангелiе, гдѣ сказано, что Богъ далъ намъ способность быть служителями Новаго Завѣта, не буквы, но духа (2 Кор. 3, 6); но вчитайтесь, говорятъ они, и вы увидите, что весь Ветхiй и особенно Новый Завѣтъ состоитъ изъ притчъ, которыя слѣдуетъ понимать духовно. Христосъ, по ихъ мнѣнiю,—добро, а разбойникъ—зло. Правду—Христа похоронили, а разбойника—зло освободили, и оно царитъ на землѣ. Но унесенное изъ баптизма понятiе о Христѣ слишкомъ сжилось съ ихъ существомъ, а потому, перейдя къ новой формѣ ученiя, они постоянно пользуются псальмами баптистовъ, подразумѣвая подъ Евангельскимъ Христомъ своего Христа. Псальмы баптистовъ издавались ранѣе съ надлежащаго разрѣшенiя, какъ напр. „Голосъ вѣры" или „Любимые стихи и пѣсни Сiона вѣрующихъ лютеранскаго вѣроисповѣданiя"; въ настоящее же время сборниковъ этихъ достать почти невозможно, такъ какъ при постоянныхъ обыскахъ у сектантовъ отбирается все печатное и рукописное, и сохранять эти дорогiе для нихъ памятники приходится путемъ переписки съ случайно уцѣлѣвшихъ экземпляровъ, куда заносятъ они псальмы собственнаго сочиненiя. Не только сборники псальмъ, но даже и самое Евангелiе, при всякомъ удобномъ случаѣ, отнимаютъ у сек-

тантовъ, что мотивируется тѣмъ, что сектанты слишкомъ много мудрствуютъ, а потому считаются недостойными имѣть эту книгу. Сами же Малёванцы о сравнительно недавномъ проникновеніи Евангелія въ народъ говорятъ, что книга эта долгое время была запретной книгой для народа, и вовсе не по волѣ земной власти, а самъ Богъ не допускалъ этого разрѣшенія, потому что, говорятъ они, истина должна, по Писанію, сквозь страданія пройти... „Не панамъ-же страдать,—говорила мнѣ одна послѣдовательница Малёванаго.—Панамъ трудно нести цей хрестъ, бо він дуже важкый (тяжелый); много нужно выстрадать за истину, доки (пока) истина возсіяетъ... а простый народъ... уготованный къ терпѣнію: він и бытый, він и січенный, ему легче нести хрестъ, він пробье шляхъ (дорогу) до истины, а тамъ и истина пробьеться до панівъ"....... „Страданье, искушенье и испытаніе—вотъ удѣлъ нынѣшняго христіанина, говорятъ сектанты. Самъ Господь предсказалъ страданія всѣмъ истинно вѣрующимъ: „И не страшитесь противниковъ", сказано въ Писаніи, „потому что вамъ дано ради Христа не только вѣровать въ Него, но и страдать за Него" (Фил. 1, 29), и затѣмъ сказано, что „всѣ, желающіе жить во Христѣ Іисусѣ, будутъ гонимы" (2 Тим., 3, 12) и „будутъ предавать на мученія и убивать васъ; и вы будете ненавидимы всѣми народами за имя Мое" (Мѳ. 24, 9); и „даже наступитъ время, когда всякій, убивающій васъ, будетъ думать", какъ сказано въ Писаніи, „что онъ тѣмъ служитъ Богу" (Іоан. 16, 2). Господь, говорятъ сектанты, испытываетъ насъ и переплавляетъ, какъ хозяинъ пшеницу: отойдетъ солома и полова и останется одно чистое зерно".

Баптисты придаютъ первенствующее значеніе Новому Завѣту, укладывая весь строй своей жизни, согласно его ученію. Малёванцы-же отдаютъ предпочтеніе Ветхому Завѣту, съ его красивыми картинами, которыя даютъ обильную пищу піитически настроенной фантазіи. Особенно же любятъ они библейскія пророчества съ ихъ заманчивыми обѣщаніями.

Не отвергая Ветхаго и Новаго Завѣта, какъ книгъ назидательныхъ, но для принявшихъ новое ученіе уже отжившихъ и сдѣлавшихъ свое дѣло, Малёванцы считаютъ эти книги за азбуку, необходимую лишь для несовершенныхъ, каковы, по ихъ мнѣнію, баптисты, отыскивающіе еще пути. Евангеліе, по ихъ понятіямъ, есть только путь съ адресомъ въ градъ спасенія, а если найдешь городъ и попадешь въ него, то адресъ можно бросить.

Они вѣрятъ, что имъ, Малёванцамъ, уже дано Богомъ чрезъ посредство Духа Святаго послѣднее, какъ бы новое слово—новѣйшій завѣтъ, который является пока достояніемъ однихъ лишь избранниковъ, помощниковъ Божіихъ; и записанъ, говорятъ они, этотъ новѣйшій завѣтъ Самимъ Богомъ лишь въ сердцахъ избранниковъ этихъ, ибо Христосъ утвердилъ вѣру и

Кіевскіе Малёванцы.

законъ „на плотяныхъ скрижаляхъ сердца“ человѣческаго, а не на бумагѣ, и этой живой книги не уничтожать никакіе человѣческіе законы, какъ бы они строги ни были. Книга эта раскрывается для людей Самимъ Богомъ, въ видѣ проповѣди помощниковъ Его. Человѣкъ, есть храмъ Бога живаго, учатъ Малёванцы, опираясь на Свящ. Писаніе, гдѣ сказано „не знаете-ли, что тѣла ваши суть храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа“ (1 Кор. гл. 6, ст. 19), ибо „вы храмъ Бога Живаго“ (2 Кор. 6, 16) и, „если кто разоритъ храмъ Божій, того покараетъ Богъ: ибо храмъ Божій святъ; а этотъ храмъ—вы“. (1 Кор. 3, 17). Духъ Божій, вселяясь въ человѣка, обитаетъ въ немъ и руководитъ имъ, пока онъ чистъ отъ грѣха; но разъ человѣкъ грѣшитъ, Духъ Божій покидаетъ его, ищетъ другого, болѣе достойнаго, который жаждетъ спасенія, и Духъ Святый избираетъ себѣ жилище въ сердцѣ такого человѣка, ибо храмъ Божій долженъ быть чистъ“. „Я Духъ любви и Богъ блаженства“,—говоритъ Господь въ одной псальмѣ Малёванцевъ, обращаясь къ избранному Своему—

„Съ тобой союзъ Я заключилъ,
Въ тѣлесномъ храмѣ человѣка
Любовію святой почилъ.
Очистилъ сей домъ молитвы,
Чтобы въ немъ Троицѣ пребывать,
Дабы спящихъ въ гробахъ мертвыхъ
На судъ Божій призывать“.

Такъ какъ мы приняли и сохранили Завѣты Евангелія, говорятъ Малёванцы, то мы живемъ, какъ сказано въ Писаніи, подъ руководствомъ Духа, ибо, если Господь придетъ и откроетъ свѣтъ разума человѣку, то этотъ человѣкъ начинаетъ постигать то, что раньше было недоступно его разумѣнію.

Воскресенья мертвыхъ, въ томъ видѣ, какъ понимаетъ это христіанство, они не признаютъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, люди живые ходятъ во гробахъ—грѣхахъ, а очистится человѣкъ отъ грѣха, расторгнутся узы смерти—грѣхъ, вотъ онъ и воскреснетъ. Ибо въ священномъ Писаніи Духъ Божій говоритъ церквамъ: „побѣждающій не потерпитъ вреда отъ второй смерти“ (откр. Св. Іоанна, 2, 11), а въ другомъ мѣстѣ такъ сказано: „жало смерти—грѣхъ, а сила грѣха—законъ“. По Писанію, говорятъ они, смерть не есть тлѣніе. Писаніе не называетъ смертію, когда духъ разстается съ тѣломъ; грѣхъ по Писанію называется смертью и Самъ Спаситель, на просьбу ученика остаться, чтобы похоронить отца своего, сказалъ ему: „Иди за Мной и предоставь мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ“. (Матѳ. 8, 21) и еще сказано: „встань спящій и воскресни изъ мертвыхъ и освѣтитъ

тебя Христосъ“ (Ефес. 5, 14); „кто соблюдетъ слово Мое тотъ, не увидитъ смерти во вѣкъ“ (Іоан. 9, 51).

Неужели же вы думаете,—говорилъ мнѣ одинъ изъ послѣдователей Малеваного,—что взаправду настанетъ время, когда вдругъ раскроются всѣ гробы и повыходятъ оттуда сгнившіе покойники, какъ вотъ ихъ на картинкахъ рисуютъ. Да нѣтъ же! Въ гробахъ люди живые, бродятъ эти люди, какъ звѣри, захваченные грѣхомъ, а спадетъ съ нихъ пелена, бросятъ беззаконія, раскроются ихъ гробы, и воскреснутъ они вотъ тутъ, на этой землѣ, да и теперь уже воскресаютъ,—увѣренно взглянувъ на меня, добавилъ мой собесѣдникъ,—воскреснутъ всѣ, познавъ истину, Бога въ Его любви, и станутъ люди любить другъ друга, а не терзать, какъ терзаютъ теперь, закончилъ онъ, опираясь на заманчивое обѣщаніе: „мы будемъ царствовать на землѣ“ (Отк. 5, 10).

Ставя такъ высоко Евангельскій завѣтъ любви и братства, Малёванцы поэтому самому глубоко преклоняются передъ личностью нынѣ царствующаго Государя, за призывъ къ общему миру. Но, увы, даже и эти добрыя чувства Малёванцевъ, какъ я имѣла случай въ томъ убѣдиться, ставятся мѣстной духовной властью имъ въ вину и служатъ даже источникомъ для многихъ горестей и обидъ.

Изъ высокаго чувства любви не только къ ближнему, но и ко всему живущему на землѣ, беретъ свое происхожденіе и то обстоятельство, что, хотя мясо Малёванцами и употребляется въ пищу, но сами они животныхъ не убиваютъ, а ѣдятъ лишь убитое другими. Кстати будетъ замѣтить, что и постовъ они, въ смыслѣ перемѣны пищи, не признаютъ, но допускаютъ постъ лишь какъ полное воздержаніе отъ пищи, независимо отъ времени.

Итакъ, по мнѣнію Малёванцевъ, весь циклъ человѣческой жизни, земной и загробной совершается здѣсь, на землѣ, что и является коренной разницей между ученіемъ Малёванцевъ и баптистовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, эта-же разница устраняетъ всякую возможность единенія между тѣми и другими. Баптисты ожидаютъ грядущаго второго пришествія Христа, а Малёванцы „свидѣтельствуютъ“, по ихъ выраженію, о пришествіи Христа, о наступленіи на землѣ Царствія Божія. Говоря о баптизмѣ, Малёванцы, свободные отъ всякой обрядности и дисциплины, характеризуютъ его сравненіемъ съ православіемъ такъ: „и то ярмо, и це ярмо, але православна стара вира, ще наши диды, та прадиды носылы, притерте вже ярмо, а у цихъ спереду бье начальство, а з заду не пускають свои“. Баптисты же очень не любятъ Малёванцевъ, говоря, что вѣра ихъ, какъ язва, которая, если поразитъ человѣка, то отъ нея трудно отвязаться.

Ожиданіе конца міра не связывается у Малёванцевъ съ появленіемъ антихриста со всѣми его грозными знаменіями, которыя, согласно предсказа-

ніямъ, должны наводнить грѣшную землю; нѣтъ, это вовсе не конецъ будетъ земной жизни человѣчества, а лишь повсемѣстная и безповоротная перемѣна къ добру въ условіяхъ существованія людей. И вотъ, когда зло ослабнетъ, говорятъ они, растворится, восторжествуетъ истина надъ зломъ, тогда настанетъ на землѣ Царствіе Божіе. Переломите себя, поборите свои недостатки, вотъ эта испитая чаша страданія и поведетъ къ вашему воскресенію. Это тѣ цѣпляются за небо, говорятъ они, кто не хочетъ постигнуть истины на землѣ.

— Ночь скоро пройдетъ, пояснялъ мнѣ одинъ изъ Малёванцевъ, и минуетъ и путь клонится къ свѣту.... розвиднѣется (разсвѣтаетъ) и для всѣхъ людей будетъ свѣтить солнце и всѣ будутъ ходить во свѣтѣ, увидятъ правду и неправду и всѣ поклонятся Христу Богу и все покорится Ему. Прежде пастухъ, потомъ мудрецы, потомъ и цари и вся власть покорится; тогда правда озарится, и любовь обновится, и всѣ будутъ во свѣтѣ, и тьма пройдетъ, и тогда будетъ одинъ Богъ, и весь народъ будетъ Сыномъ Божіимъ.

Истолковывая событія изъ Ветхаго Завѣта по своему, иносказательно, Малёванцы говорятъ такъ: „Когда не было заповѣдей, не было и грѣха, а разъ данныя заповѣди были нарушены, явился и грѣхъ. Нарушили люди законъ, впали во искушеніе, и Богъ поклялся во гнѣвѣ, что лишитъ людей царства, и допустилъ среди людей гнѣвъ и развратъ, и всѣ похоти и зависти—и потонулъ народъ божій во грѣхѣ и беззаконіи. Насталъ всемірный потопъ, какъ это и описано въ Священномъ Писаніи, но это не дождь былъ, а гнѣвъ Божій, который излился на людей, и люди потонули въ беззаконіи, и истина потонула вмѣстѣ съ ними. Но Богъ змилувався и нарушилъ свою клятву, и далъ погибающимъ людямъ Ноевъ Ковчегъ.. Ной—это первое новое слово, данное людямъ змилувавшимся Богомъ. Ноевъ Ковчегъ—это слово любви, которое, проникнувъ въ сердце человѣка, спасало его. Богъ далъ правду, а люди ее потопили, Богъ-же—истина вовсе не умиралъ, а лежалъ подъ тяжестью магнита, грѣха нашего; а когда отверзся камень, то есть беззаконеніе, отъ гроба, то воскресъ въ человѣкѣ Христосъ—правда, и Царство Божіе до тѣхъ поръ не наступитъ для всѣхъ, пока всѣ гробы не раскроются“.

Вопросъ терпимости и уваженія къ чужой личности и религіи поставленъ у Малёванцевъ очень широко, гораздо шире, чѣмъ у баптистовъ, и является исключительнымъ свойствомъ ученія, обусловленнымъ, конечно, ихъ міровоззрѣніемъ. Малёванцы отвергаютъ и православную церковь, и иконы, и обрядности вообще, но у нихъ очень своеобразное представленіе о чужой святынѣ; всякая, даже кажущаяся святыня, по ихъ мнѣнію, дана Богомъ

для неразумныхъ, чтобы ихъ чѣмъ нибудь удержать отъ зла, до ихъ духовнаго возрожденія, а потому и къ православной церкви, и къ костелу Малёванцы относятся вовсе не враждебно, признавая ихъ необходимость. „Самъ Богъ,—говорятъ они,—попустилъ земные законы, святыни, православную и разныя вѣры для людей, которые живутъ, какъ звѣри. Вотъ имъ и нужны земные законы и разныя вѣры, какъ звѣрямъ клѣтки. И пока люди не познаютъ Бога, они должны подчиняться только внѣшнему закону, который караетъ; а разъ человѣкъ познаетъ Бога, то законъ людской, внѣшній, замѣняется въ душѣ человѣка внутреннимъ, духовнымъ, который, о, какъ крѣпче, внѣшняго! Богу не нужны ни храмы, ни обряды. Богу нужно служеніе въ любви и истинѣ, и разъ человѣкъ постигъ истину, сбросилъ съ себя грѣхъ, обновился, такой человѣкъ уже „не подъ закономъ, какъ сказано въ Писаніи, а подъ благодатью Духа, и собственной волей не можетъ грѣшить“. И это сознаніе, что „избранникъ Божій“ руководимъ лишь Божьей волей, вмѣстѣ съ тѣмъ охлаждаетъ ихъ рвеніе къ просвѣщенію. „Мы обо всемъ освѣдомлены, намъ самъ Богъ все освѣтилъ“, говорятъ они.

Въ міровоззрѣніяхъ ихъ отводится широкое мѣсто сравненіямъ, уподобленіямъ и игрѣ словъ. Пользуясь, напримѣръ, игрой словъ, Малёванцы говорятъ, что „православная вѣра была только тѣнью Іисуса Христа, а теперь Христосъ не въ „тѣнѣ“, а въ „тѣлѣ“ человѣка“, что „бездна—это то же, что сосудъ безъ дна, т. е. человѣкъ, носящій въ себѣ бездну грѣховности“. „Человѣкъ, говорятъ они, долженъ найти въ самомъ себѣ „обѣтованную землю“, самъ долженъ отыскать, и когда онъ познаетъ обѣтованную землю, онъ все будетъ знать, онъ будетъ управлять своей плотью; это и есть его удѣлъ, участокъ обѣтованной земли, гдѣ онъ можетъ устраивать благоустройство, и тогда въ собраніи онъ дѣлится съ братьями словомъ, чтобы братья питались къ новой жизни“.

Въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ отъ женщины и мужчины, говорятъ они, взята только притча, но это были вовсе не женщины и не мужчины. Женщина беззаконная, распутная въ Ветхомъ Завѣтѣ—это слава, которая зазываетъ и губитъ человѣка, а по новѣйшему, записанному въ сердцахъ, завѣту, женщина является символомъ премудрости, какъ напр., и Богородица считается ими синонимомъ премудрости.

А что такое душа, и куда она дѣвается послѣ смерти человѣка? какъ то поинтересовалась я, и вотъ, что сказалъ мнѣ на это одинъ изъ послѣдователей Малёванаго: „Вы видите дерево: каждой вѣткѣ оно одинаково даетъ жизнь, питаетъ ее, украшаетъ листьями; оборвите листья, обломайте вѣтви, корни останутся...... выростутъ новыя вѣтви, покроются новыми листьями. Такъ и на землѣ съ людьми. Духъ Божій одинъ, и великая бла-

годать Его неизсякаемая. Если человѣку при жизни удалось просвѣтить, помочь возрожденію людей, то онъ не остается безплодной смоковницей и не пропадетъ безслѣдно. Такъ будетъ продолжаться, пока не раскроются всѣ гробы, и не настанетъ на землѣ Царствіе Божіе, пока зла останется такъ мало, что оно ослабнетъ совсѣмъ и безслѣдно пропадетъ, и прекратятся тогда языки и пророки, что вначалѣ поставлены были, чтобы прорубить дверь, а будетъ одна любовь. Вотъ тогда-то все иное будетъ; у всѣхъ будетъ одна душа, для всѣхъ будетъ свѣтить одна истина и правда; и тюрьмъ тогда не нужно будетъ, и разныхъ вѣръ тогда не нужно будетъ, такъ какъ всѣ будутъ служить одному Богу въ правдѣ и истинѣ; и тогда, какъ сказано въ Писаніи: „очи видящихъ не будутъ закрываемы и уши слышащихъ будутъ внимать. И дѣломъ правды будетъ миръ и плодомъ правосудія — спокойствіе и безопасность во вѣки“ (Исаія 32, 3 и 17).

Но что-же означаютъ слезы во время молитвенныхъ собраній? Почему-же они плачутъ, если Царство Божіе настало уже для избранныхъ? — любопытствовала я далѣе. И они мнѣ такъ объяснили: „въ молитвѣ Господней сказано: „Да пріидетъ Царствіе Твое, да будетъ воля Твоя“. Царство Божіе настало, а воли, что будетъ свобода славить Бога, еще нѣтъ; нынѣ только радость и безславіе, а славы еще нѣтъ. Еще много людей замкнуто въ гробахъ, вотъ мы и бродимъ среди соблазновъ, а сказано: претерпите до конца, а потому и скорбимъ, что люди не видятъ, что пришелъ Христосъ во славѣ“.

Закончивъ обзоръ вѣроученія Малёванцевъ, перейдемъ теперь къ весьма интереснымъ документамъ, во множествѣ циркулирующимъ среди Малёванцевъ, къ посланіямъ Кондратія Малёванаго, которыя имѣютъ большое вліяніе на нравственное состояніе его послѣдователей и которыя, будучи очень живо написаны, затрогиваютъ сущность всей жизни „обновленнаго“ человѣка, благодаря чему Малёванецъ всегда найдетъ въ нихъ совѣтъ и нравственную поддержку при всякой жизненной неудачѣ.

Глубокая вѣра въ присутствіе Св. Духа въ человѣкѣ дѣйствуетъ захватывающе на простолюдина, и если онъ свободно вѣритъ въ вѣдьмъ, домовыхъ, въ чудодѣйственную силу все возможныхъ бабскихъ нашептываній, изгоняющихъ злую силу изъ нутра человѣка, то нѣтъ ничего удивительнаго, если этотъ самый простолюдинъ, видя необыкновенную перемѣну въ духовной жизни своего собрата, слушая его искренное задушевное слово, подкрѣпленное текстами изъ Евангелія, о наступленіи царства правды на землѣ и проч., идетъ за своимъ учителемъ, глубоко вѣря въ божественное происхожденіе его словъ и дѣйствій. Такъ было съ Малёванымъ и его послѣдователями,

на которыхъ въ первое время, повторяю, происходили массовыя посѣщенія Св. Духа во всевозможныхъ проявленіяхъ и импровизаціяхъ.

Но не всѣ плоды вдохновенія и импровизаціи, въ видѣ проповѣди, чтутся Малёванцами одинаково и заносятся въ „книгу живую", т. е. запоминаются, иначе слишкомъ бы часто пришлось мѣнять и религіозный культъ, и этическія положенія. Явилась сама собой необходимость въ земномъ учителѣ и руководителѣ, естественнымъ слѣдствіемъ чего и было всеобщее признаніе за Кондратіемъ Алексѣевичемъ Малёванымъ званія Спасителя и Первенца. Пока Малёваный былъ на свободѣ, онъ поучалъ, и его слова послѣдователи разносили всюду; но когда онъ былъ арестованъ и признанъ душевно-больнымъ, потребность въ руководителѣ осталась, а время могло уничтожить изъ памяти или видоизмѣнить оставленныя основы ученія, да и самъ Кондратій Малёваный, повидимому, не хотѣлъ порывать связи со своей братіей. Отсюда и создался рядъ посланій, присылаемыхъ изъ Казани, которыя Малёваный, какъ неграмотный, диктовалъ своему единомышленнику Чекмарову, и эти посланія циркулировали въ большомъ количествѣ среди послѣдователей Малёванаго.

Не смотря на то, что во время частыхъ обысковъ посланія Малёванаго массами попадаютъ въ руки администраціи, количество ихъ тѣмъ не менѣе мало уменьшается, такъ какъ послѣдователи, дорожа текстомъ этихъ посланій, нерѣдко въ письмахъ, посылаемыхъ изъ одного пункта въ другой, на 3-хъ страницахъ цитируютъ какое нибудь мѣсто изъ посланій, а на четвертой уже сообщаютъ о своихъ дѣлахъ и нуждахъ.

Считая себя Первенцемъ—Спасителемъ, Малёваный въ тонѣ посланій даетъ это постоянно чувствовать. „Пишу мое благословеніе всѣмъ, какъ дорогому моему созданію, вообще дѣтямъ Божіимъ, всѣмъ сыновьямъ и дочерямъ Божіимъ—пишетъ онъ, напримѣръ, въ одномъ изъ своихъ посланій къ единовѣрцамъ,—и радуюсь объ томъ, что вы возлюбили братскую жизнь и посвятили себя своему Создателю, какъ вѣрные избранники Божіи и свидѣтели Христовы, и какъ-бы увидѣли невидимаго Искупителя и Судію праведнаго, который явился предъ нами внутренно и внѣшне" [1]) и засвидѣтельствовали всѣмъ народамъ окружающимъ васъ, что наступилъ день, конецъ грѣха и земного царства и наступаетъ Царство Христово.

Сіе свидѣтельство свидѣтельствовали небо, земля и всѣ хоры избранниковъ и пѣли хвалу святую:

Днесь Спаситель намъ рожденъ
Въ Виѳлеемѣ благодатномъ;

---

[1]) Здѣсь Малёваный намекаетъ, повидимому, на свое появленіе.

Онъ смиренно положенъ
Въ тѣсныхъ ясляхъ—необъятныхъ
Что съ небесъ въ юдоль скорбей
Привело тебя Спаситель?
Въ чудной благости Своей,
Ты пришелъ, какъ избавитель.
Грѣшниковъ спасти......
И отъ грѣховъ и сокрушенья;
Наша скорбь Тебя свела
Въ міръ для нашего спасенья.
Ты пришелъ спасти, взыскать (отыскать)
Всѣхъ заблудшихъ, сокрушенныхъ,
Помощь и отраду дать
Для сердецъ обремененныхъ!.......
Бѣдные, не лейте слезъ!
Онъ принесъ вамъ утѣшенье
Онъ вамъ братъ и Царь небесъ.
Вѣчное Ему хваленье!

Здѣсь вы должны понять, что Богъ Творецъ неба и земли не постыдился за васъ, дорогіе подвижники Христовы, сойти съ неба во плоть униженную и презрѣнную и въ самое послѣднее мѣсто явиться, гдѣ всѣ люди его презираютъ, даже и грѣшники и называютъ его позорнымъ мѣстомъ и хулятъ его всякой наглостью: одни называютъ его вертепомъ, а другіе домомъ умалишеннымъ и также разными непотребными словами, но Божія премудрость называетъ „во имя всѣхъ скорбящихъ“ [1]).

Приведенное посланіе Малёванаго должно быть отнесено къ категоріи слабѣйшихъ. Слѣдующее представляетъ собою уже большій интересъ, какъ для характеристики самого Малёванаго, такъ и для тѣхъ идей, которыя вложены сюда; вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ имѣется и одна характерная особенность, являющаяся доказательствомъ, что изъ народной поэзіи не совсѣмъ исчезли слѣды былиннаго эпоса, присутствіе котораго, между прочимъ, обнаруживается въ этомъ посланіи Малёванаго. „Мнѣ извѣстно объ васъ и объ вашемъ волненіи,—пишетъ онъ своимъ послѣдователямъ,—что у васъ происходитъ за любовь Христову и за правду и свободу, которую вы возлюбили, и страдаете отъ противника Божія, который старается поработить и лишить васъ свободы Христовой и любви братской, которою вы возлюбили своего Спасителя и другъ друга, то предлагаю не бойтесь его и

[1]) Очевидный намекъ на психіатрическое заведеніе, куда онъ заключенъ.

одѣньтесь въ броню правды и во всеоруженіе Божіе и встаньте противъ его казней, будьте мужественны и добры, какъ воины непобѣдимаго своего Христа и Спасителя міра, ибо Христосъ побѣдилъ его и свалилъ его, какъ бурный вѣтеръ растеніе и какъ соловья-разбойника изъ гнѣзда его свалилъ въ Кіевской пустынѣ, уже онъ не будетъ пѣть пѣсень своихъ соловьиныхъ и не будетъ обольщать родъ человѣческій и не будетъ убивать избранниковъ вѣрныхъ свидѣтелей Божіихъ, потому не бойтесь его; еще предлагаю вамъ, не бойтесь змія, обольщающаго вселенную своимъ обманомъ и философіею богословія, какъ мутной воды, которою отравляютъ своимъ ложнымъ писаніемъ всѣхъ книгъ и брошюръ и газетъ, которыми, какъ болѣзнью заражаютъ стариковъ и молодыхъ и юныхъ дѣтей и производятъ соблазнъ и развратъ жизни, производятъ въ своихъ училищахъ всякое заблужденіе и пляски и игры картежныя, растлѣваютъ оный родъ человѣческій и подготовляютъ ихъ къ разврату и непокорности родителямъ и старикамъ, дѣлаютъ ихъ дикарями худшими, чѣмъ назадъ тому тысячелѣтія, потому Христосъ призналъ всѣ ихнія училища и заведенія вертепами и развратными домами, гдѣ происходитъ всякая наглость и хищничество и безчеловѣчество; это кладбище мертвецовъ и звѣрей въ пустынѣ безчеловѣчной и полагаютъ, что Богъ забылъ меня, но я ни на что не взираю: Богъ мой великъ! Ему служатъ солнце и луна и безчисленныя звѣзды и силы безплотныя и во плоти милліоны избранниковъ и всѣ они защищаютъ меня, какъ вѣрнаго свидѣтеля словъ Божіихъ. Будьте и вы вѣрны до конца, возлюбленные друзья мои, братья и сестры, миръ и благодать Господа нашего Іисуса Христа и любовь вѣчная прибудетъ съ вами любящими своего Спасителя. Аминь. Знамя выше поднимите!“

Приведу еще одно посланіе, въ высшей степени интересное для полной обрисовки характерной личности автора:

„Помните, откуда Господь вызвалъ всѣхъ васъ и не забудьте дня горести и страданья ко всѣмъ вашимъ братьямъ и сестрамъ ближнимъ и дальнимъ, ибо вспомните, что одного произведенія весь родъ человѣческій, не только человѣчество, но и вся тварь, всякихъ животныхъ и всѣхъ пресмыкающихся и птицъ небесныхъ и насѣкомыхъ и всякаго растенія и всѣхъ существъ небесныхъ, помните, что Господь всему полнота и совершена (вѣроятно, совершенство) онъ есть законъ всей природы и повелитель всему свѣту видимаго и невидимаго. Такъ и вы будьте подобно, какъ и Онъ Господь сострадательный ко всему созданію и хочетъ сдѣлать однимъ стадомъ Христовымъ и явить себя благимъ пастыремъ, гдѣ никто не будетъ обижаемъ, но всѣ будутъ едино, какъ единъ Господь въ послѣдній день, когда явится передъ вами,

а пока вы стоите какъ путники въ темную ночь и сбиваетесь съ пути. Тогда Христосъ освѣщаетъ васъ, какъ молнія разсѣеваетъ сей ночной мракъ и вдохновляетъ свой свѣтъ внутренній и показываетъ вамъ свой путь и истину и опять скрываетъ. Это значитъ ваши испытанія, дабы вы утвердили сердца ваши на краеугольномъ камнѣ, никто не могъ соблазнить васъ прелестнымъ мірскимъ царствомъ, которое есть предъ Богомъ безпросвѣтный мракъ, ибо вы сами видите, какъ міръ обольщенъ земными страстями. Первые—преданные пожеланію быть богатыми: это первое начало зла; растлѣваютъ себя большимъ капиталомъ денежнымъ и требуютъ славы отъ своихъ бѣдныхъ братьевъ, которые порабощены ими, требуютъ отъ нихъ повиновенія и уваженія, чтобы ихъ славили; они ихъ и славятъ по своей бѣдности и трепещутъ предъ ними, какъ болѣзненное вещество. И они (т. е. богачи) радуются и растлѣваютъ ихъ всякимъ буйствомъ и пьянствомъ и кражею и всякими неподобными дѣлами, которыхъ не дѣлаютъ даже и животныя. Они одобряютъ ихъ и защищаютъ своими нечестивыми судами и оправдываютъ и строятъ для нихъ пріюты всякаго рода, больницы, умалишенные дома, и цирки, и театры, и публичныя мѣста, и всякаго рода питейныя заведенія, и показываютъ себя, что они владыки, но Господь называетъ ихъ грубыми разбойниками и грабителями своихъ бѣдныхъ деревенскихъ и городскихъ братьевъ; они грабятъ одной рукой тысячи, а другой рукой жертвуютъ сотни на учрежденія общественныя и прикрываютъ предъ людьми. Жертвуютъ десятки тысячъ, даже и сотни тысячъ на какую-то святыню, монастыри и церкви, и часовни, и памятники, и все это называетъ Слово предвѣчное Божіе мерзостью и запустѣніемъ. Все это называется древними шайками, разбойниками, которые въ древности собирались въ густыхъ лѣсахъ и убивали своихъ братьевъ и отнимали отъ нихъ жизнь, а теперича они сдѣлали (сь) искуснѣе, и собрались въ столичные города, и въ портовые, и въ губернскіе и даже въ села и мѣстечки и ограбили весь народъ, и сдѣлали изъ нихъ нищихъ и полумертвыхъ. Всѣ они называются звѣрями и чудовищами, это есть жидовщина, которые продали Христа за 30 сребренниковъ...... Все это есть братоубійцы, которые распяли своего Спасителя и убиваютъ избранниковъ до сего времени, и судятъ ихъ своими неправедными судами, отнимаютъ отъ нихъ жизнь семейную, разлучаютъ мужа съ женою и отца съ дѣтьми, и заключаютъ ихъ въ темницы и взыскиваютъ съ нихъ штрафами, и отнимаютъ отъ нихъ послѣднюю жизнь. Женъ дѣлаютъ вдовами, дѣтей сиротами, и обольщаютъ ихъ всякими страстями, наводятъ скорбь и ужасы и склоняютъ ихъ къ себѣ, чтобъ слѣдовали ихъ растлѣнію всякаго заблужденія, которымъ они сами запутались какъ въ цѣпь и упали въ смертный приговоръ ада, потому, что они осудили

праведника (здѣсь, очевидно, Малёваный говоритъ о себѣ) и всѣхъ послѣдующихъ ему, то значитъ судъ Божій справедливый, потому и сказано: какимъ судомъ судите, такимъ и сами осудитесь, ибо Господь видитъ праведника, что онъ чистъ, и укрѣпилъ его силою безсмертною и благодатію, и праведникъ говоритъ завѣтнымъ словомъ, что чистъ я отъ суда человѣческаго и стою вѣрнымъ свидѣтелемъ предъ небомъ и землею и предъ всѣми избранниками Божіими".

Обращаясь къ молитвеннымъ собраніямъ Малёванцевъ, необходимо отмѣтить, что опредѣленныхъ домовъ, гдѣ бы полагалось собираться для молитвы у нихъ нѣтъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, „человѣкъ есть храмъ Бога живого и молиться можно всегда и вездѣ". Ни воскресныхъ дней, ни праздниковъ Малёванцы не признаютъ. „У нас всегда воскресенье, мы воскресли" — весело улыбаясь, отвѣтила мнѣ одна изъ моихъ собесѣдницъ на мой вопросъ: почему они не празднуютъ Воскресенья? „А нужно отдохнуть отъ работы или восхвалить Господа, вотъ вамъ и праздникъ, будь это среди недѣли". Но по мѣрѣ возможности, чтобы не нарушать общаго теченія жизни и не вводить постороннихъ въ соблазнъ, они стараются согласовать свои молитвенныя собранія съ установленными православными праздниками.

Въ ихъ молитвенныхъ собраніяхъ нѣтъ того порядка, какой существуетъ у баптистовъ; Малёванцы говорятъ: „когда душа возгорится, то и молись". Соберутся какъ бы для бесѣды, потолкуютъ о дѣлахъ, а затѣмъ начинается пѣніе, молитва вслухъ, причемъ каждый входящій, кланяясь собранію, привѣтствуетъ его словами: „миръ Господу Іисусу Христу", на что собраніе отвѣчаетъ: „во вѣки вѣковъ", и затѣмъ пришедшій или пришедшая цѣлуютъ всѣхъ поочередно, какъ женщинъ, такъ и мужчинъ; а у баптистовъ на собраніяхъ женщины сидятъ отдѣльно отъ мужчинъ, и, при встрѣчѣ, мужчины цѣлуются съ мужчинами, а женщины съ женщинами.

Собраніе у Малёванцевъ начинается обыкновенно бесѣдой, которая прерывается пѣніемъ и молитвой. Во время пѣнія, у нихъ то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ хаты начинаютъ раздаваться то всхлипыванія, то возгласы, то рыданія; плачутъ одинаково и мужчины и женщины, и среди этого хаоса звуковъ, вдругъ вы слышите порывистую, нервную молитву: „Господи, Боже мой... душа моя... ты просышь... душе моя, вірная... дорогісенькая... душенька моя... Господи, Таточку мій рідный, спаси-жъ Ты мене... Ты-жъ велыкый... Ты-жъ мылосердный... а я..." молитва прерывается рыданіями; въ разныхъ концахъ хаты слышатся молитвенные возгласы, которые внезапно обрываются, если кто нибудь изъ присутствующихъ, доведенный до экзальтированнаго состоянія, начинаетъ раскачиваться и произноситъ отрывочныя непонятныя слова, что объясняется дѣйствіемъ Св. Духа, который вѣщаетъ въ данную минуту чрезъ

Молитвенное собраніе Малёванцевъ. Пѣніе псальмъ.

Молитвенное собраніе Малёванцевъ. Заключительная молитва.

человѣка на „иныхъ языкахъ". Явленіе это они поясняютъ словами Евангелія; „будутъ говорить новыми языками" (Мр. 16, 17) и вопросъ объ „иномъ незнакомомъ языкѣ", о которомъ такъ много говорится въ 14-й главѣ 1-го посл. къ Коринѳянамъ, далъ въ началѣ этого религіознаго движенія обильную пищу взбудораженной фантазіи; но въ настоящее время, когда первоначальное возбужденіе утратило свой острый характеръ, исчезаетъ и разговоръ на „иныхъ языкахъ", а также всякіе другіе спутники экзальтаціи.

Для образца пѣснопѣній Малёванцевъ, приведу три изъ ихъ псальмъ:

I. Когда Ты, Боже, прійдешь до насъ Самъ,
Разсудишь міръ по его диламъ;
Диловъ неправды есть у міра много,
А праведнаго—ни одного.
Я къ Тебѣ, Боже, повсегда взываю,
Только на Тебя всю надежду маю,
Никакой твари не поклоняюсь,
Всякой неправды не устрашаюсь.
Услышь мене, Боже, и мій тяжкій стонъ,
Удали видъ мене мій смертельный сонъ:
Бо я смертельнымъ сномъ завсегда дримаю,
Евангельскихъ словъ не понимаю.
Боже мій, Боже, будь мини до помочи,
Отверзи Ты мини духовныя очи:
Бо я плотскими глазами плачу,
Ясности духовной николы не бачу.
Явись мини, Боже, у сердци моемъ,
Дай мини наслаждаться у Слови Твоемъ,
Позволь мини въ Духѣ предъ Тобою молыться,
Правдою одѣться и на судъ явиться.

Эта псальма принадлежитъ, по словамъ послѣдователей, творчеству самого Кондратія Малёванаго.

Любовь къ иносказаніямъ, къ отождествленію природы съ человѣкомъ присуща всѣмъ сектантамъ и особенно мистикамъ. Слѣдующій цитируемый мною отрывокъ заимствованъ ими изъ сборника баптистскихъ псальмъ.

2. „Прійдите въ Мой садъ! Я зову, вы должны,
Вы кровью Моей отъ грѣха спасены!
Вы счастьемъ и радостью жизни своей
Обязаны лишь всѣ благодати Моей!
Для васъ на крестѣ распинаемъ Я былъ,
Въ позорѣ и мукахъ склонившу главу.

Спаситель вашъ Я, васъ на подвигъ зову!
Прійдите, кто хочетъ, Я всѣмъ буду радъ,
Идите, вкушайте, готовъ виноградъ!
Къ труду, къ труду!"

Или вотъ еще отрывокъ:

3. И если міръ насъ всѣхъ забудетъ,
Возненавидитъ, будетъ гнать,
Господь, заступникъ вѣрный, будетъ
Отрадой жизни, благодать.
И если насъ лишатъ имѣнья
Добра, свободы и семей,
Господь придетъ къ намъ съ утѣшеніемъ
И усладитъ намъ крестъ скорбей.

И дѣйствительно, разлученные съ семьями, разворенные въ конецъ, лишенные свободы, избитые нерѣдко, они и въ тюрьмахъ, и въ сумашедшихъ домахъ не ропщутъ, а выносятъ страданія стойко, называя эти страданія „подвигами" во имя Христа.

Сдѣлавшись адептами новаго ученія, Малёванцы положили въ основаніе своей жизни и новыя этическія начала: безкорыстіе, любовь къ ближнему и взаимопомощь.—„Прежде—говорилъ мнѣ одинъ сектантъ, бывшій подрядчикъ,—когда я для исполненія работъ собиралъ артель, то старался такъ устраиваться, чтобы взвалить на товарищей самую тяжелую работу, а съ ихъ заработка урвать себѣ большую часть, а сталъ жить въ новой вѣрѣ и не беру себѣ ничего лишняго: что имъ, то и мнѣ. Насъ вотъ упрекаютъ, что мы, будто, говоримъ, что не нужно заботиться о завтрашнемъ днѣ. Да какъ же такъ? Ужъ если я дѣлаю сапоги себѣ, то дѣлаю ихъ не только на завтра, а на цѣлый годъ. Какой же тутъ завтрашній день! Говорятъ, что нашъ достатокъ сталъ послѣдніе годы хуже. Да развѣ оттого, что мы не обираемъ ближняго! Трудно намъ жить, это вѣрно, да не отъ новой вѣры, а ужъ видно Богу такъ угодно, чтобы мы за имя Его Святое протерпѣли"...— заключилъ свое повѣствованіе мой собесѣдникъ.

Дѣйствительно, сектантамъ очень скверно живется, такъ какъ благосостояніе ихъ сильно подорвано, но не эпидеміями или неурожаями, а тѣмъ исключительнымъ положеніемъ, въ какое попадаютъ сектанты. Разъ сектантъ обособляется въ своихъ религіозно-соціальныхъ функціяхъ, положеніе его дѣлается до нельзя тяжелымъ, такъ какъ онъ становится внѣ дѣйствія закона, и тамъ, гдѣ должно опредѣлятся его гражданско-соціальное положеніе среди православнаго населенія, тамъ именно сектантъ является безправнѣйшимъ существомъ. Родится ли ребенокъ, умираетъ ли кто изъ членовъ семьи,

пріѣзжаетъ ли кто въ гости или даже по дѣлу,—все равно! въ каждомъ данномъ случаѣ дается широкій просторъ для произвола мелкой сельской власти надъ личностью сектанта. Вмѣстѣ съ тѣмъ есть и опредѣленно выраженное зло, которое причиняетъ немало, какъ матеріальнаго, такъ и нравственнаго ущерба сактантамъ: это—форма этапныхъ ихъ пересылокъ къ мѣсту жительства. Вѣдь сектанскія молитвенныя собранія караются закономъ и присутствіе на собраніи есть такое преступленіе, за которое, по приговору мирового судьи, провинившагося подвергаютъ тюремному заключенію по градаціямъ: за первый разъ посѣщенія—на 2 недѣли, за второй—на мѣсяцъ, за третій—на 3 мѣсяца тюремнаго заключенія. Это было бы, однако, сравнительно легко перенести, разъ человѣкъ знаетъ, на что идетъ, но представьте себѣ такого рода положеніе: мать семейства отправляется верстъ за 18 въ сосѣдній уѣздъ на молитвенное собраніе. Здѣсь кстати будетъ сказать, что положеніе женщины у Малёванцевъ лучше даже, чѣмъ у баптистовъ: она не только въ семьѣ равноправный членъ, но также и въ собраніи, гдѣ она пользуется равными со всѣми членами правами, причемъ ей не возбраняется даже быть и проповѣдницей. Бракъ у нихъ заключается лишь оглашеніемъ, въ присутствіи 6 членовъ изъ ихъ общины, и супруга называется у нихъ, на основаніи Ветхаго Завѣта (Быт. 2, 18), „помощницей", а не женою. И такъ, продолжаю: сектантка прибыла на собраніе, всѣ уже въ сборѣ, идетъ молитва, пѣніе псальмъ; но вдругъ кто-то изъ односельчанъ донесъ сельской власти о собраніи,—является старшина, понятые и начинается расправа. Мѣстныхъ жителей послѣ поименной переписи разгоняютъ, а пришлый элементъ забираютъ въ холодную, и вотъ для этихъ-то забранныхъ начинается рядъ жестокихъ испытаній, гдѣ не принимается въ расчетъ ни паспортъ, удостовѣряющій личность, ни оставленныя дома дѣти, ни время косовицы, рѣшительно ничто. Для забранныхъ начинается пересылка по этапамъ и, конечно, сидѣніе въ попутныхъ деревенскихъ этапныхъ пунктахъ, пока гонимая партія не дотянется до уѣздной тюрьмы. Прошу вообразить себѣ положеніе той женщины-сектантки, о которой сказано выше, прошу нарисовать себѣ тѣ душевныя муки, что она испытываетъ по поводу покинутыхъ дѣтей и положеніе послѣднихъ въ ихъ неизвѣстности объ изчезнувшей матери, когда даже съ большимъ или меньшимъ вѣроятіемъ нельзя опредѣлить времени ея возвращенія къ домашнему очагу...

Какъ тяжелы эти этапные порядки, всего лучше видѣть на слѣдующемъ топографическомъ примѣрѣ: Дидовщина—одинъ изъ первыхъ очаговъ Малёванщины, отстоитъ верстъ на 15 отъ станціи Фастова, Васильковскаго уѣзда, но сама Дидовщина Сквирскаго уѣзда, а Сквирь лежитъ въ верстахъ 70-ти отъ Дидовщины, въ глубинѣ уѣзда. И вотъ, заарестуютъ кого ни-
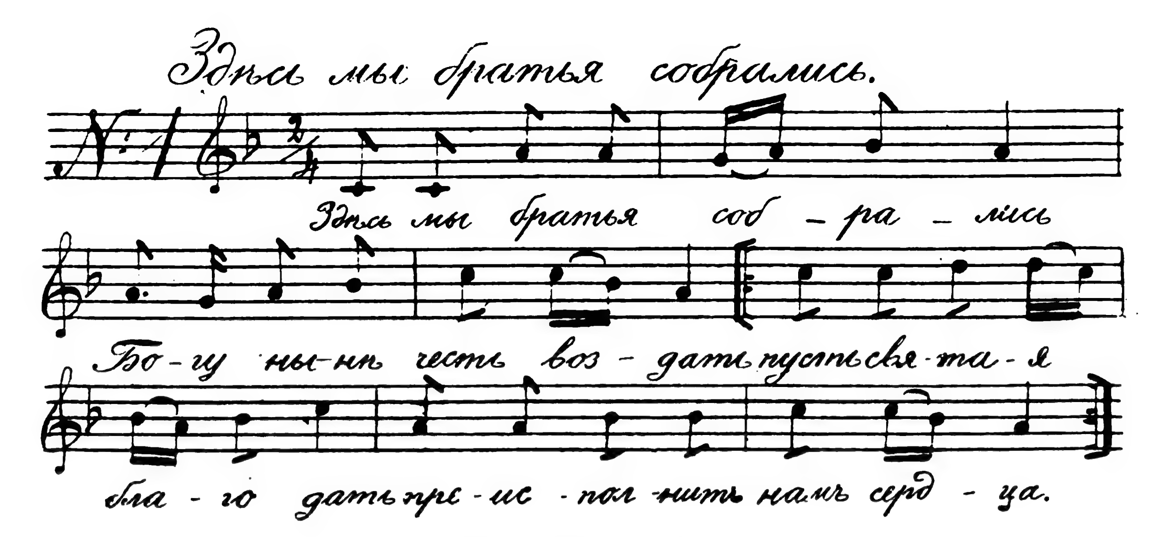
будь изъ сектантовъ, жителей Фастова, или другого селенія Васильковскаго уѣзда, заарестуютъ напр. на собраніи въ Дидовщинѣ; арестованнаго направляютъ не прямо въ свой уѣздъ, Васильковскій, а ведутъ сначала этапнымъ порядкомъ пѣшкомъ въ Сквирь, останавливаясь довольно продолжительно въ Ходорковѣ у пристава и на др. попутныхъ деревенскихъ этапахъ. Поводовъ для этихъ непроизводительныхъ остановокъ не мало: то не съ кѣмъ переслать, ибо рабочая пора, то урядникъ въ отсутствіи и т. д. Наконецъ, арестованный прибываетъ въ Сквирь—здѣсь начинается допросъ, на что опять уходитъ масса времени, а дома въ это время или посѣвъ, или косовица, да и дѣти голодныя дома сидятъ; далѣе начинается новое путешествіе — конечно, опять этапнымъ же порядкомъ — въ свой уѣздный городъ, въ Васильковъ, отстоящій отъ Сквири въ 80-ти верстахъ. Но здѣсь всѣмъ мытарствамъ еще не наступилъ конецъ—арестованнаго и допрошеннаго не просто отпускаютъ домой, а опять-таки тѣмъ же этапнымъ порядкомъ препровождаютъ въ свою волость, которая сплошь и рядомъ отстоитъ отъ уѣзднаго города верстъ на 25-ть и больше. Если бы этимъ „путешественникамъ по неволѣ“ не шла навстрѣчу братская помощь односельчанъ-единомышленниковъ, которые, въ ихъ отсутствіе, и дѣтей призрѣютъ, и за хозяйствомъ присмотрятъ, и хлѣбъ скосятъ, и подушное уплатятъ, то, право-же, не хватило бы силы, ни физической, ни нравственной, перенести всѣ эти невзгоды... Но не думайте, чтобы описанными мытарствами все исчерпалось: мировой-то судья еще впереди, какъ равно и отсиживанье въ тюрьмѣ по вышесказаннымъ градаціямъ, причемъ все передъ тѣмъ испытанное въ счетъ не принимается. Конечно, подобный ходъ дѣла—т. е. этапная пересылка, высидка и т. п.—явленія обычныя въ сельской юридической практикѣ, и я здѣсь отмѣчаю ихъ не въ качествѣ неправильнаго примѣненія закона къ сектантамъ, а какъ иллюстрацію къ той исключительности положенія, въ какое попадаютъ сектанты, благодаря этапамъ, систематически подрывающимъ ихъ благосостояніе.

Но, возвратившись домой, этотъ измученный энтузіастъ, утѣшая себя словами Евангелія, что „за Тебя умерщвляютъ насъ всякій день“, идетъ снова на собраніе, чтобы „помолиться за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ“ и поблагодарить Бога за перенесенныя во Имя Его страданія, ниспосланныя ему свыше и еще болѣе укрѣпившія его въ новой вѣрѣ и преданности Тому Учителю, который своимъ ученіемъ освѣтилъ для него смыслъ и значеніе его нерадостной въ остальныхъ отношеніяхъ жизни.

Опасаясь, что всего вышеизложеннаго будетъ недостаточно для полнаго изображенія картины духовной жизни Малёванцевъ, я рѣшила дополнить чтеніе доклада въ Императорскомъ Географическомъ Обществѣ хоровымъ исполненіемъ сектантскихъ псальмъ, мелодію которыхъ записалъ для меня на мѣстѣ нашъ извѣстный украинскій композиторъ, Николай Виталіевичъ Лысенко, имя котораго является полной гарантіей за правильность и точность записанныхъ мелодій. Мелодіи эти транспонированы были для хора молодымъ композиторомъ, М. П. Рѣчкуновымъ, который и управлялъ хоромъ во время его исполненія.

Исполненіе этихъ псальмъ несомнѣнно свидѣтельствовало лучше всякихъ моихъ словъ о значеніи пѣснопѣвій въ развитіи духовной жизни сектантовъ, для которыхъ пѣніе является лучшимъ выразителемъ ихъ душевнаго настроенія.

Мотивъ пѣснопѣній Малёванцевъ разнится отъ мотива пѣснопѣній баптистовъ, которые заимствуютъ мелодію изъ печатнаго источника, носящаго отпечатокъ лютеранскаго пѣснопѣнія, хотя слова псальмъ, какъ тѣ, такъ и другіе, берутъ изъ одного и того же разрѣшеннаго духовною цензурою „Сборника духовныхъ стихотвореній для христіанъ Ев. Лютеранскаго вѣроисповѣданія". У Малёванцевъ, впрочемъ, имѣются въ небольшомъ количествѣ свои собственныя духовныя пѣснопѣнія. Мелодію же къ своимъ псальмамъ они любятъ приспособлять заимствованную прямо изъ жизни. Любятъ они очень пѣніе слѣпцовъ-кобзарей и нерѣдко, какъ мнѣ говорили сами Малёванцы, нарочно платятъ имъ изъ своего скуднаго достатка, чтобы тѣ подольше пѣли; запоминаютъ эту мелодію и приспособляютъ ее къ псальмамъ, что выходитъ очень красиво и оригинально, какъ это можно, напримѣръ, видѣть по псальмѣ № 2.

2. Вознесемся-жъ духомъ ввысь,
Чтобы правду намъ узрѣть,
Чтобы Бога и Творца
Днесь достойно намъ воспѣть.

3. Мыслью насъ Своей Господь,
Духомъ Ты насъ осѣни;
Дай намъ, подавляя плоть,
Въ духѣ крѣпнуть во всѣ дни.

4. Пусть насъ братская любовь
Всѣхъ въ одно соединитъ;
Упованье—намъ покровъ,
Вѣра-же—намъ крѣпкій щитъ.
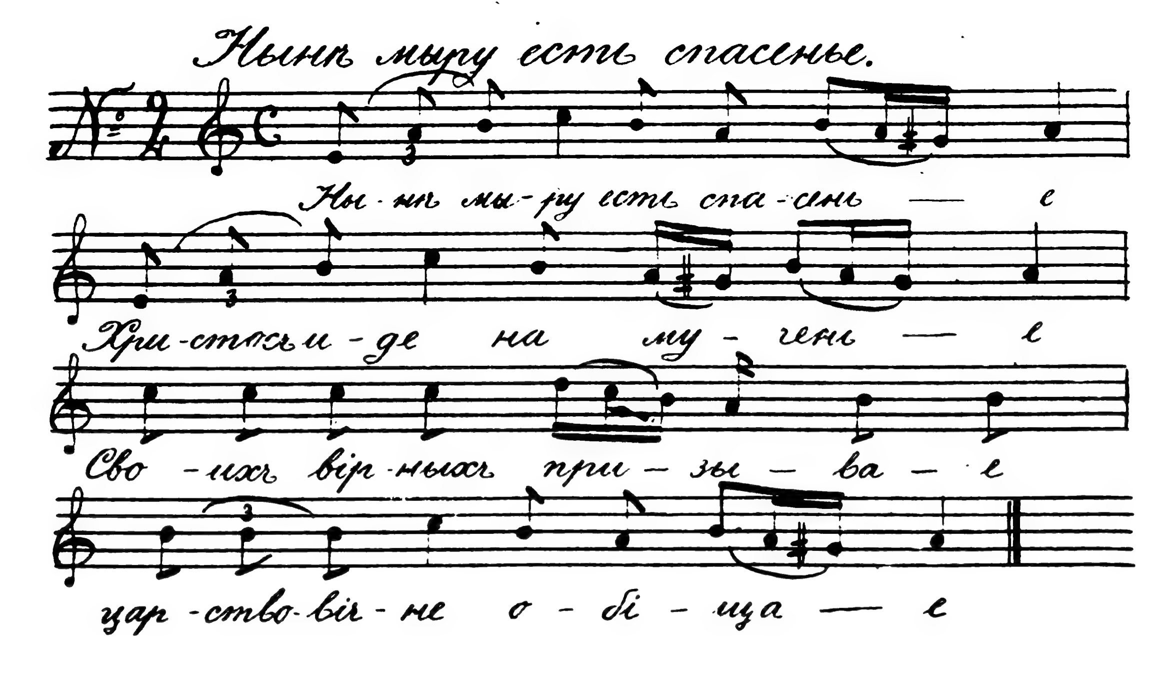
5. Такъ возрадуемся всѣ,
Іегову восхвалимъ;
Будемъ, братья во Христѣ,
Живы помысломъ однимъ!

6. Всѣмъ надежда намъ дана
Сочетаться со Христомъ
И всѣмъ свѣтитъ намъ она
Яркимъ счастія лучемъ.

7. Такъ, съ веселіемъ въ сердцахъ,
Обратимъ мы къ Богу взоръ;
Подъ крыломъ Его ни страхъ,
Ни укора, ни позоръ.

8. Вознесемся-жъ всей душой,
Чтобы правду намъ узрѣть,
Чтобы Бога и Творца
Днесь достойно намъ воспѣть.

Эта псальма заимствована Малёванцами изъ «Сборника духовныхъ стихотвореній для христіанъ Ев. Лютеранскаго вѣроисповѣданія» (№ 277).
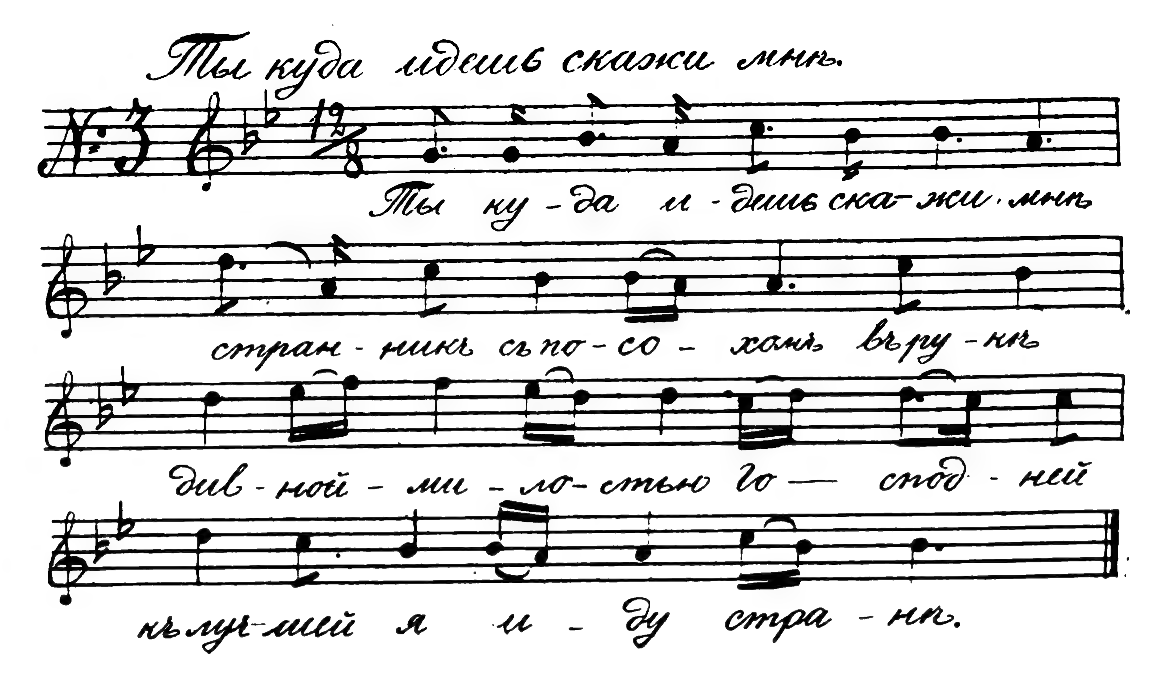

2. Ангеловъ пославъ трубыты,
Многыхъ мертвыхъ пробудыты:
Не спыть, вирны, уставайте,
Хрыста страсти подражайте.

3. Многы мертвы воскреснулы,
Страсти Хрыста подвигнулы,
Потъ и слезы пролываютъ,
Хрыста Бога ожыдаютъ.

4. И мы сердця прыклоняймо,
Бога Творця умоляймо:
Визьмы Ты насъ у свои рукы,
Вырвы, вырвы зъ вичнои мукы!

5. Змылуйся надъ намы, Боже,
Велыка власть твоя може,
Дай намъ Духа свыше маты,
Тебе вично прославляты.

2. «Черезъ горы и долины,
Черезъ степи и поля,
Чрезъ лѣса и чрезъ равнины
Я иду домой, друзья».

3. «Странникъ, въ чемъ твоя надежда
Во странѣ твоей родной?»
— Бѣлоснѣжная одежда
И вѣнецъ весь золотой;
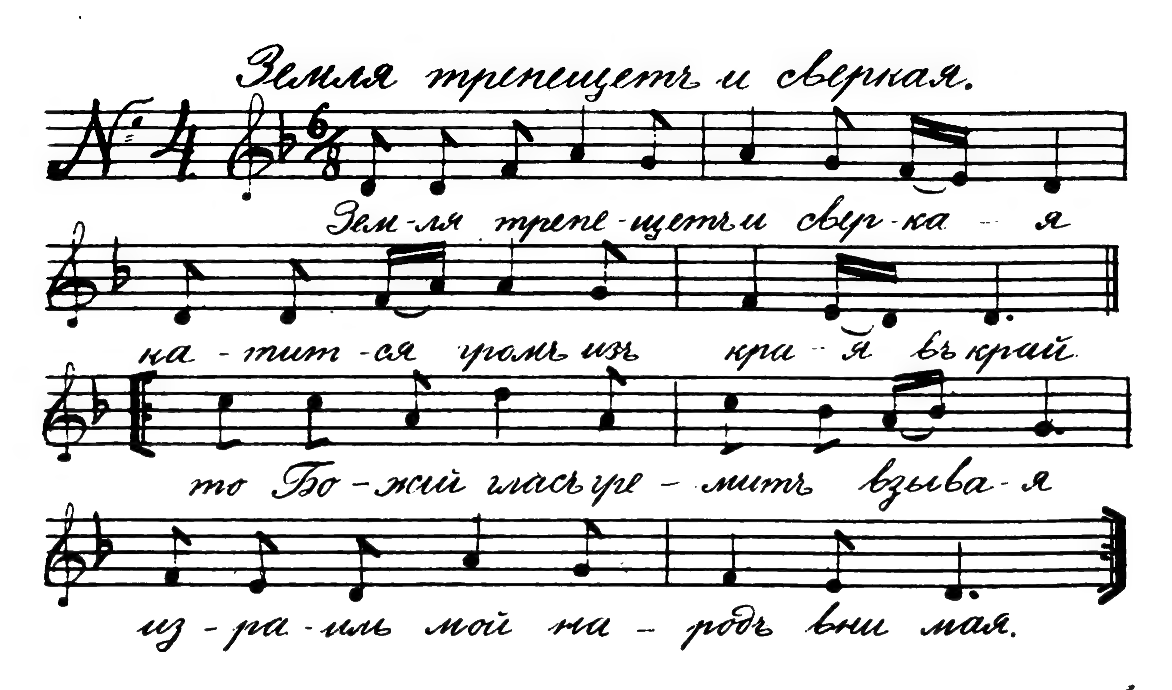
4. Тамъ источники живые
И небесные цвѣты,
Я иду за Іисусомъ
Черезъ жгучіе пески».

5. «Страхъ и ужасъ не знакомы
Развѣ на пути тебѣ?»
— Ахъ, Господни легіоны
Охранятъ меня вездѣ».

6. Іисусъ Христосъ со мною,
Онъ направитъ Самъ меня
Неуклонною тропою
Прямо, прямо въ небеса.

7. «Такъ возьми-жъ меня съ собою,
Гдѣ чудесная страна!
— «Да, мой другъ, пойдемъ со мною,
Вотъ тебѣ моя рука.

8. Недалеко ужъ родная
И желанная страна.
Вѣра чистая, живая
Насъ введетъ съ тобой туда».

«Израиль! Ты Мнѣ строишь храмы,
«И храмы золотомъ блестятъ,
«И въ нихъ курятся ѳиміамы,
«И день и ночь огни горятъ.

—

«Къ чему Мнѣ вашихъ храмовъ своды.
«Бездушный камень, прахъ земной?
«Я создалъ землю, создалъ воды,
«И небо очертилъ рукой.

—

«Къ чему Мнѣ злато? Въ глубь земную,
«Въ утробу вѣковѣчныхъ скалъ
«Я влилъ, какъ воду дождевую,
«Огнемъ расплавленный металлъ.

—

«Къ чему куренья? Предо Мною
«Земля, со всѣхъ своихъ концовъ
«Кадитъ дыханьемъ подъ росою.
«Благоухающихъ цвѣтовъ.

—

«Къ чему огни? Не Я-ль свѣтила
«Зажегъ надъ вашей головой?
«Не Я-ль, какъ искры изъ горнила,
«Бросаю звѣзды въ мракъ ночной?
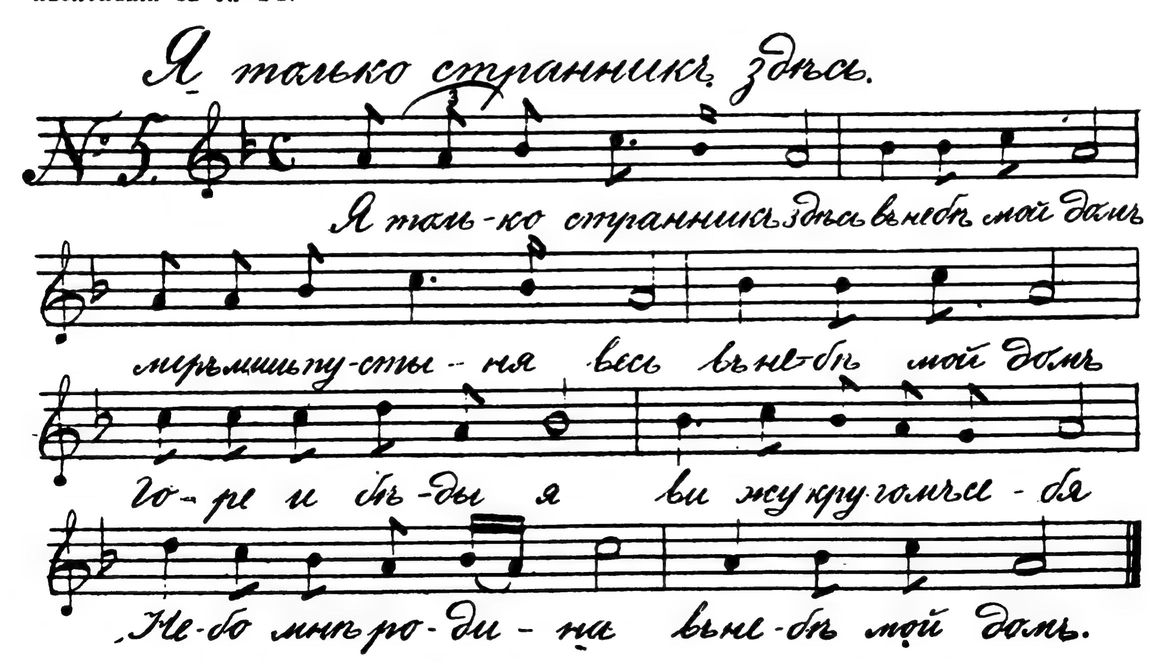
—

«Твой скуденъ даръ. Есть даръ безцѣнный,
«Даръ нужный Богу твоему;
«Ты съ нимъ явись и, примиренный,
«Я всѣ дары твои приму.

—

«Мнѣ нужно сердце, чище злата,
«И воля крѣпкая въ трудѣ;
«Мнѣ нуженъ братъ, любящій брата,
«И сердцемъ преданный лишь Мнѣ!..

Эта духовная пѣсня, принадлежащая перу А. С. Хомякова, отвѣчая вполнѣ міровоззрѣніямъ какъ Малёванцевъ, такъ и баптистовъ, сдѣлалась любимѣйшимъ достояніемъ духовной сектантской литературы и вошла въ вышеупомянутый Сборникъ ихъ духовныхъ пѣснопѣній за № 14.

2. Путь весь не длиненъ мой,
Въ небѣ мой домъ;
Хоть тяжекъ жизни бой,
Въ небѣ мой домъ.
Скоро пройдетъ, какъ сонъ,
Теченіе временъ;
Будь-же мой путь свершенъ—
Въ небѣ мой домъ.
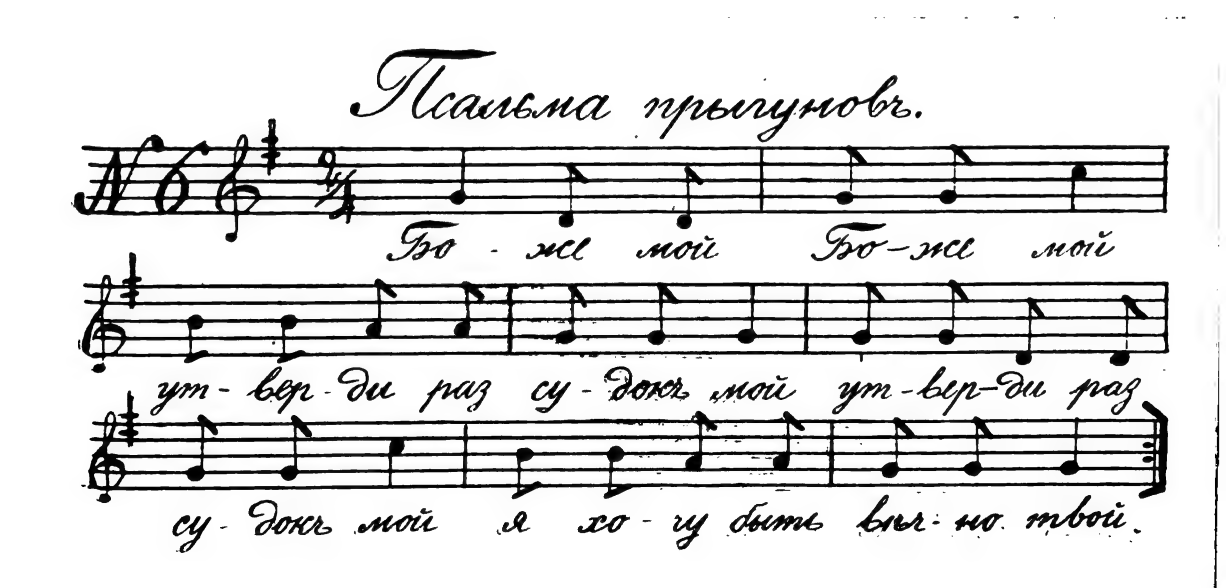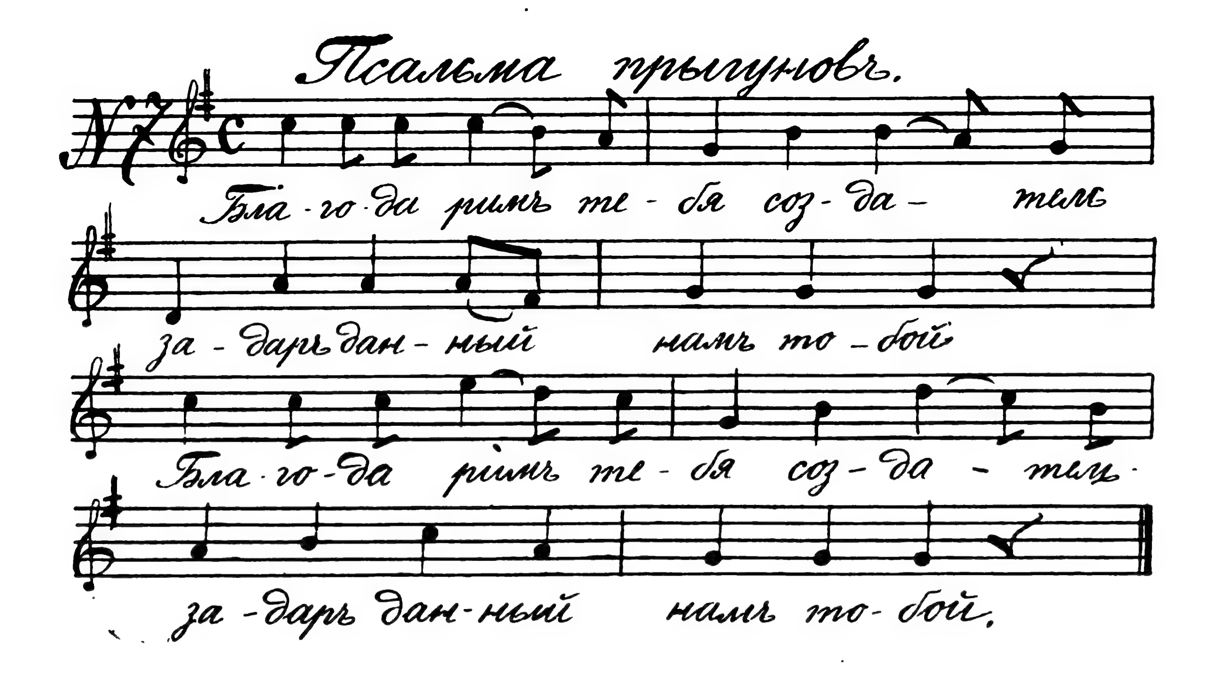
—

3. Тамъ у трона Христа
Въ небѣ мой домъ;
Буду прославленъ я,
Въ небѣ мой домъ.
Тамъ я въ семьѣ благой,
Для сердца дорогой,
Вѣчный мнѣ покой
Въ небѣ мой домъ.

—

4. Если-бъ пришлось страдать—
Въ небѣ мой домъ,
Все-жъ не могу роптать—
Въ небѣ мой домъ!.
Ибо ужъ скоро я
Стану у ногъ Творца,
Чтобъ славить безъ конца —
Въ небѣ мой домъ.

Приведу для сравненія еще двѣ псальмы прыгуновъ, которыя я записала нѣсколько лѣтъ тому назадъ во время моихъ изслѣдованій по сектантству въ Екатеринославской губерніи.

Эти два отрывка даютъ возможность читателямъ убѣдиться въ полномъ несоотвѣтствіи у прыгуновъ мелодіи съ содержаніемъ духовнаго стиха.

В. Ясевичъ-Бородаевская.

ОТДѢЛЪ II.

Матеріалы для характеристики малорусскихъ говоровъ Подольской губерніи.

Постигшая меня болѣзнь заставила провести около полутора года (весь 1897 и первую половину 1898 г.) въ деревнѣ, со строгимъ запрещеніемъ врачей не заниматься умственнымъ трудомъ. На первыхъ порахъ казалось, что выполнить это предписаніе будетъ довольно трудно; но такъ какъ съ этимъ запрещеніемъ соединялась необходимость развлеченій, состоящихъ преимущественно въ перемѣнѣ мѣста и частомъ обновленіи впечатлѣній бытія, то предписаніе врачей оказалось не только удобоисполнимымъ, но и было главнымъ образомъ причиною, вызвавшею появленіе печатаемыхъ ниже матеріаловъ.

Мѣстомъ, въ которомъ я имѣлъ болѣе или менѣе постоянное пребываніе, было село Деребчинъ, Ямпольскаго уѣзда, Подольской губерніи, лежащее въ сѣверной части уѣзда, недалеко отъ границы, раздѣляющей уѣзды Ямпольскій и Винницкій; поэтому значительная часть пѣсенъ записана мною въ Деребчинѣ. Эти пѣсни характеризуютъ не только говоръ Ямпольскаго уѣзда, но отчасти и Винницкаго, такъ какъ лежащій вблизи (въ 20—25 в.) поселокъ Жмеринка является важнымъ центромъ, собирающимъ въ большіе торговые дни жителей смежныхъ частей обоихъ уѣздовъ, и дифференціація діалектическихъ особенностей представляется не подлежащимъ сомнѣнію фактомъ еще и потому, что расположенный также недалеко м. Браиловъ *) Винницкаго уѣзда привлекаетъ къ себѣ не мало паломниковъ, въ числѣ которыхъ значительный контингентъ представляютъ деребчинцы. Не входя здѣсь въ подробное разсмотрѣніе особенностей, замѣчу только, что черты, общія говорамъ какъ Ямпольскаго, такъ и Винницкаго уѣздовъ, касаются не только лексической стороны, но и морфологической. Деребчинъ—большое многолюдное село (ок. 4 жителей) состоитъ изъ двухъ приходовъ; одинъ, въ районѣ котораго я жилъ, обнимаетъ собою территорію села, примыкающую къ владѣніямъ мѣстнаго землевладѣльца, бар. Маса, и заселенную по мѣстному преданію позже, называется по мѣстному «слободой»; другой, представляя собою территорію, заселенную раньше, считается кореннымъ. Село расположено въ здоровой и красивой мѣстности, по склонамъ двухъ лежащихъ одна противъ другой возвышенностей, при чемъ склоны эти тянутся версты на три. Въ долинѣ между этими двумя возвышенностями протекаетъ небольшой ручеекъ, представляющій по мѣстному преданію остатокъ глубокой и многоводной рѣки, выходившей изъ береговъ и затоплявшей даже окрестности, причиняя убытки жителямъ, что и заставило ихъ селиться выше; объ этихъ наводненіяхъ помнятъ даже старожилы. Наблюдая мѣстную жизнь, я имѣлъ возможность познакомиться съ однимъ довольно грустнымъ въ этнографическомъ отношеніи фактомъ. Кромѣ коренного Деребчина и слободы здѣсь же, но на землѣ, принадлежащей владѣльцу имѣнія, ютится деревушка (избъ 20) нѣмцевъ-колонистовъ, которые лѣтъ около

*) Здѣсь находится православный женскій монастырь съ чудотворной иконой Божіей Матери и католическій костелъ съ чудотворной статуей Іисуса Христа.

30-ти тому назадъ (ок. 1872 г.) были вызваны изъ Пруссіи барономъ Масомъ, въ виду дороговизны мѣстныхъ рабочихъ рукъ. Въ настоящее время для эксплоатаціи разныхъ отраслей образцово поставленнаго хозяйства этихъ рукъ недостаточно, а потому мѣстные крестьяне, заинтересованные хорошимъ и постояннымъ заработкомъ, охотно вступаютъ въ ряды «фабрикантовъ» [1]) бар. Маса, главное ядро которыхъ составляютъ нѣмцы-колонисты. Съ поступленіемъ мѣстныхъ крестьянъ въ число «фабрикантовъ» совершается важная въ этнографическомъ отношеніи метаморфоза. Національный костюмъ малоросса, вызывающій насмѣшки со стороны нѣмцевъ, изгоняется; попавшіе въ число «фабрикантовъ» сразу становятся похожими по внѣшнему виду на нѣмцевъ, и не нужно быть пророкомъ, чтобы съ увѣренностью сказать, что при существующемъ порядкѣ вещей національный малорусскій костюмъ лѣтъ черезъ 20 отойдетъ въ область такихъ же преданій, какія намъ приходилось слышать о существовавшей когда-то въ Деребчинѣ глубокой и многоводной рѣкѣ. Кромѣ того культивированная такимъ образомъ часть населенія, преимущественно молодежь, не обнаруживаетъ интереса и вниманія къ пѣснѣ въ ея лучшихъ образцахъ; носителями послѣдней является преимущественно старшая по возрасту часть населенія. Впрочемъ, изъ записанныхъ мною пѣсенъ въ средѣ молодежи нѣкоторою популярностью пользуются только пѣсни пасхальныя (особ. «А кривого танця»). Но надъ содержаніемъ, а равно надъ обычаями [2]), коими сопровождается исполненіе этихъ пѣсенъ, въ послѣднее время очень часто раздаются насмѣшки парней-«фабрикантовъ». Это говоритъ объ упадкѣ той популярности, которою заслуженно пользовалась пѣсня. Отмѣченный нами фактъ, разсматриваемый съ общей точки зрѣнія, былъ предметомъ реферата П. Н. Тиховскаго, читаннаго на Виленскомъ археологическомъ съѣздѣ и имѣвшаго въ виду выяснить вообще упадокъ малорусской пѣсни. Къ сожалѣнію этотъ рефератъ особеннаго оживленія не вызвалъ въ этомъ направленіи, между тѣмъ пѣсенный матеріалъ, быстро исчезающій подъ напоромъ разнообразныхъ вліяній, казалось бы, долженъ привлекать къ себѣ особенное вниманіе этнографовъ, какъ такой, который не ждетъ изслѣдователя и уничтожается такъ, что подчасъ не оставляетъ сколько-нибудь замѣтныхъ слѣдовъ. Въ с. Деребчинѣ мною записано 56 пѣсенъ; изъ другихъ селъ Ямпольскаго уѣзда одна пѣсня записана въ с. Сапѣжанкѣ; кромѣ того сдѣланы записи и въ Винницкомъ уѣздѣ: въ с. Василёвкѣ—три пѣсни и въ с. Будкахъ пять пѣсенъ; наконецъ 22 пѣсни записано въ с. Бырлинцахъ Могилевскаго уѣзда, гдѣ замѣтно сказывается вліяніе солдатчины. Этнографическій обликъ жителей этихъ селъ не обнаружилъ рѣзко тѣхъ грустныхъ явленій, какія мнѣ пришлось наблюдать въ с. Деребчинѣ; говорить же болѣе подробно объ этихъ селахъ не представляется возможнымъ, такъ какъ вслѣдствіе кратковременнаго пребыванія моего здѣсь полнаго знакомства быть не могло.

А. Пѣсни, записанныя въ с. Деребчинѣ, Ямпольскаго уѣзда, Подольской губерніи.

1.

Ой упавъ чумакъ,
Упавъ, тай лижитъ,
Нихтожъ ёго ни спитае,
Що ёго болитъ.
Ой прийшовъ до вёго
Атаманъ ёгб,
Тай взявъ ёго за рученьку—
Жалуе ёгб,
Атамани, батьку,
Ны жалуй менэ,
Продай слуги—воли,
Поховай мене.

---

[1]) Такъ называются здѣсь рабочіе, знающіе какое-нибудь мастерство (кузнечное главн. обр., столярное и др.) и получающіе изъ конторы бар. Маса опредѣленную мѣсячную или годовую плату, какъ постоянные служащіе, въ отличіе отъ поденныхъ.

[2]) Эти пѣсни исполняются хороводомъ дѣвушекъ, собирающимся или на церковномъ погостѣ или на деревенской площади, при чемъ хороводами руководятъ пожилыя женщины.

Попові волы,
Дякові вози,
Щобъ чумака хорошенько
До гробу везли.
А паламарѐві (пономарю)
Та синий жупа̀нъ,
Щобъ по мѐні довго дзвѐнивъ
Буде въ мені панъ.
Сірими волами
Чумака визутъ
А волики повклякали (т. е. стали на колѣни)
Силнѐнько ривутъ.
Вивизли чумака
Тай на могилу,
Выкопали грібъ глібокій
Тай ни на годину.

2.

Ой поки я чумака любила,
То поты я въ чобіткахъ ходила.
Сѐрци, чумачи, голубчи,
Чомъ ти ни робишъ, якъ луччи.
Перестала чумака любити,
Тай почала бѐса ходити.
Серци, чумачи, голубчи и т. д.
Ой вирнися, чумачи, вирнися,
Та за мною пирипросися
Серци и т. д.
А вжежъ чумакъ зачумаковався,
Пропивъ воли ще и очкуръ [1]) урвався
Серци, чумачи, и т. д.

3.

Ой чабани [2]), чабани,
Покѝнь вівці пасти.
Ни покину, доки згину,
Най навчуся красти.
Перши кравъ баранці,
А типеръ ягнѝці,
Перши любивъ дівчата,
Типеръ молодиці.
Біднажъ моя головка,
Щожъ я наробила:
Полюбила чабана
За грудочку сира.
Той сиръ солодѐнькій;
Подивлюся на чабана,
Чабанъ молоденькій.

4.

Ой колибъ я знала
Де мій милый ѐре,
Ой то бы пігнала
Сірії корови.
Ой, оре мій милый
За лісомъ зеленимъ,
Іднимъ воломъ чорнимъ,
А другимъ чирвонимъ.
Ой, оре вінъ, оре,
На шляхъ виганяе,
Молода дівчина
Жита дожидае.
Жни, дівчино, жито,
На шляхъ ни дивися,
Якъ доору нивки,
Тай буду жинитись.

—

Жинися, козачи,
Жинися, нибожи,
Та ни бири богатої дівки
Борони тя Божи.
Бо богацка дівка,
Ни хочи робити,
Начіпляе кара̀ликівъ
Тай буде ходити.
Начіпляе караликівъ
На білую шийку,
Сватай мине, Иваночку,
Або ты, Васильку.
Ой хоць сватай, хоць ни сватай,
Зъ людьми присыла̀йся,
Нихай сла̀ва ни пропади,
Що й ти заліцявся.

5.

Ой мавъжижъ я жінку,
Ой мавжижъ я любку,
Та післала мине въ лісъ,
Щобъ я іи дровъ принісъ.
Дала мині сокиру,
Дала мині тупую,
Щобы-мъ заборився,
Хутко ни вирнувся.
А мині то Богъ помігъ:
Я сокиру поломивъ
Таки-мъ ни барився,
Най борши [1]) вирнувся
Добрый вечіръ, жінко,
Добрий вечіръ, любко,
Таки буду вичерати
Съ тобою, голубко.

6.

Ой у полі кирниченька,
Тамъ холодна водиченька (2 раза).

---

[1]) Очкуръ—узкій ременный поясъ.
[2]) Чабанъ—человѣкъ, приставленный смотрѣть за овцами.

[1]) Очень скоро. Встрѣчается очень рѣдко; вѣроятно отъ «борзый».

Тамъ дівчина воду брала,
До козака размовляла (bis).
Ой, козачи, козаченьку,
Статай мине, молоденьку (bis).
Я бы-мъ тибе давно сватавъ,
Та боюся твого брата (bis).
Счаруй, дівко, брата свого,
Будешъ мати миленького (bis).
Ний, братику, цисе [1]) пиво,
Що я сама его пила (bis).
Взявъ братико, тай напився
На конику похилився (bis).
На конику вороному,
На сідельці золотому (bis).
Ой козачи, казаченьку,
Сватай мине молоденьку (bis).
Я бы-мъ тибе давно сватавъ,
Счарувалась свого брата (bis).
Счарувалась брата свого,
Счаруешь мине, молодого (bis).
Ой ні брата, ні козака!
Пішла дівка [2]) за жибрака (bis).
Жибракъ ходитъ, хліба проситъ,
Дівка ходитъ, тай голоситъ (bis).
Вона жъ ходить, тай голоситъ
За жибракомъ торби носитъ (bis).

7.

Була въ мени дівчина Маруся,
Була въ мени дівчина Маруся,
Тогді въ мени кучирі вилися,
Тогді въ мени кучері вилися.
А теперки дівчина Варвара,
А теперки дівчина Варвара,
Вона жъ мині кучирі вирвала,
Вона жъ мині кучирі вирвала.

8.

Ой ни спиця, ни лижиця,
Ни сонъ мине ни бире;
Пішовъ бы жъ я до дівчины,
Забувъ, забувъ, де жие.
Попрошу я товарища,
То вінъ мине завиде,
А товарищъ кращій мене,
Вінъ дівчину відобье.

9.

Широка вулиця—
До дівчини йти;
Чиризъ вороженьки
Ніякъ пирийти.

[1]) цее—это.
[2]) т. е. вышла замужъ.

Ныхай вони говорать,
Що самі хотять,
А насъ ни разлучатъ,
Най дідька йиздять.
Ой насъ ни разлучатъ.
Ні братъ, ні сестра,
Тілько насъ разлучить
Сирая земля.
Сирая земля—
То мати моя,
Любая дівчина—
То душа моя.
Чи ти, мила, спишъ,
Чи ти такъ лижитшъ,
Чомъ ти мого серця
Ни розвисилишъ.
Я, милый, ни сплю
И такъ ни лижу,
Чиризъ вороженьки
Ни розвисилю.

10.

Ой, Василю, Василеньку,
Ти, люба дитино;
Ой, якъ сядишъ на коника,
Дивитися мило.
Ой, кинь біжитъ—зимля движитъ,
Кінь дорогу чуе;
Ой, Богъ знае—Богъ відае,
Де Василь ночуе.
Ой ночуе Василенько
Въ лузі при долині,
Припнявъ [1]) коня вороного
Чирвоні калині.
Припнявъ коня вороного
Чирвоні калині,
А самъ пішовъ до дівчини,
На білі пирини.
Ой, Василю, Василеньку,
Прийди вечерати;
Якъ ни прийдешъ вечерати,
Прийди обідати;
Якъ не прийдешъ обідати,
Прийди відвідати;
Якъ ни прийдешь видвідати,
То гріхъ тобі буди.
Тунешъ, тунешъ, [2]) Василеньку,
Де води ни буде.
То тупувъ жи Василенько,
Йно шапочка сплила;
Біжитъ, біжитъ дівчинонька,
Якъ голубка сива.

[1]) Иначе: припкявъ, т. е. привязанъ.
[2]) Т. е. тонешь.

Ой нати вамъ, риболовці,
Рубля золотого:
Виратуйти Василенька,
Хоць і ниживого.
Витягнули Василенька—
Вода зъ нёго льлеця,
Молодая дівчинонька,
Якъ орлиця бьеця.

11.

Ой ни шуми, лужи,
Зилений байрачи,
Ни плачь, ни журися,
Молодий козачи.
Ни самъ жи я плачу,
Плачуть черні очі,
Що нима спокою,
А ні въ день, ні въ ночі.
Сосіди близькіи—
Ворогі тяжкіи
Ни кажуть ходити,
Дівчину любити.
Я дівчину люблю
И за себи возьму,
А якъ і не возьму,
То самъ скоро помру.
Ой якъ жи я умру,
А ти будишъ жила,
Помнятай дівчино,
Де моя могила.
А моя могила
Край синёго мора,
Тамъ буду лижати,
Любая розмово.
Якъ прийдешъ дівчино
Надь синие мори,
Ни стий надо мною,
Ни махай рукою.
Ни махай рукою,
Ни кидай землэю,
Ой сама жъ ти знаешь,
Якъ тяжко підъ нею.

12.

Ой по той бікъ Джурина[1])
Стоитъ липа зелена.
Ой на ті липі, на тіи зилені,
Тры пташеньки співали.
Ой, ни есть то пташенькй,
То—то брата рідненьки.
Ой, на ідную дівчину
Усі ти ся змовляли:
Іденъ кажи—то моя,
Другій кажи якъ Богъ дасть,
А третій кажи—молода дівчино,
Чого смутнесенько йдешъ.
Якъ жи міні, козачи,
Тай смутною ни бути,
Ой, коли хочи мине рідна мати
За старого віддати.

13.

Соловейку маленькій, (2 раза)
Голосъ въ тебп (у тебя) тоненькій;
Защибичи ти міні, (2)
Бо я въ чужі стороні.
Нима роду при міні, (2)
Ой, ни роду, ни родини,
Ни вірной дружини. (2)
Ой, я въ батька іденъ (одинъ) сынъ,
Ни до мисли жінку взявъ, (2)
Я изъ нею (съ ней) жить ни ставъ (не стану).
Піду въ вісько служити (2)
Я ни буду зъ нею жити.

14.

Соловейку, соловеёчку,
Ни щнбичи рано въ садочку
На гіршую на досадочку.
Бо я въ батька ідиниця була
Мине мати тай ни жалувала (не жалѣла):
За пьяницю мине віддала,
За пьяницю, за разбойника,
За першого (перваго) полюбовника.

15.

Ой у полю (въ полѣ) сніжокъ припавъ,
Ой тамъ козакъ съ коня упавъ.
Упавъ, упавъ тай забився,
Надъ нимъ коникъ засмутився.
Ни стий (стой), коню, надо мною,
Бо я бачу щирість твою.
Іди, коню, до батенька
Ни йди, коню, шляченьками[1]),
Бо здйблшся зъ ляшеньками.
А підъ тими воротами
Ударъ, коню, копитами.
Вийди мати води брати,
Буде тебе тай питати;
Ти ни кажи ін правди—
Що ляшенькі[2]) мине вбили,
Али кажи що вжинили (т. е. женили)
Висватали панёночку—
Въ чистимъ полю могилочку.

---

[1]) Мѣстечко Ямпольск. у. Под. губ.

[1]) Шляхъ—большая трактовая дорога.
[2]) Ляшеньки—ляхи, поляки.

16.

Ой на горі сосна,
На долині вода;
Плакала дівчина,
За козакомъ молода.
Плакала, плакала,
На личку (т. е. на лицѣ) змарніла,
Видко (видно) по дівчині—
Віночка жаліла.
Ни жаль міні вінка,
Ни жадної рѣчи (вещи);
Роспустила коси—
Застилила плечи.
Коси распустила,
Плечи застилила,
Пішла за нилюба,
Жалю наробила.
Ой приіхавъ нилюбъ (не любимый),
Засівъ усю лаву [1]).
А приіхавъ милий,
Тай нима де сісти;
Туга на серденьку,
Що ни можна знести.

17.

Ой на горі сосна
Тонка та высока,
Вітиръ повіває,
Сосною хитае.
Ни хилися, сосно,
Бо такъ міні тоскно (тоскливо),
Що я на чужині
Якъ на пожарині.
Зиленая сосна
Відъ вітру схилилась,
А я на чужину
Відъ роду відбилась.
Ни жаль міні роду
Йно (только) ріднеї [2]) мати,
Що нима на старість
Кому води дати.

18.

1. Жинитись ни штука,
Якъ кашу зварить,
Али посля мука
Серденько болитъ.
Припѣвъ: Лучше було жити
Въ світі козакомъ,
Въ Кримъ по силь ходити,
Зватись [3]) чумакомъ.

2. Піду на музики,
Хочу погуляти,
Дівчата шикають,
Кажуть, що жонатий.
Припѣвъ: Лучше було и т. д.
3. Піду на вісілля,
Просятъ разомъ сісти.
Гляну на погану,
Тай ни можу істи.
Припѣвъ: Лучше було и т. д.
4. Піду до церкови
Богу помолитись,
Гляну на погану,
Ни можу христытись
Припѣвъ: Лучше було жити козакомъ и т. д

[1]) Скамью.
[2]) Правильнѣе читать: рідьнеі.
[3]) По нѣкоторымъ варіантамъ—звацця.

19

Ой куми, куми (куме),
Нинькі субота,
Вже кінчилася
Наша робота.
Йй (эй) куми, куми,
Годі робити,
Підемъ до коршми [1])
Горівку [2]) пити.
Продамо, куми,
Сорочку білу,
Випиймо, куми,
Щей у неділю.
(Еще и у неділю).
Вмілисьмо, куми (умѣли, куме),
Добри робити,
Будемъ же вміти
Горівку пити. (Припѣвъ)
Продаймо, куми,
Якій опілокъ [3]),
Випиймо, куми,
Щей въ понеділокъ.
Вмілисьмо, куми,
Добри робити,
Підемъ до коршмы
Горівку пити.
Продаймо, куми,
Щей снопівъ сорокъ;
Випиймо, куми,
Щей у вівторокъ.
Вмілисьмо, куми, и т. д.
Продаймо, куми,
Нашу черѣду (стадо домашнихъ животныхъ)
Випиймо, куми,

[1]) По другимъ варіантамъ—корчми.
[2]) Горілку-водку произносятъ: горівку.
[3]) Когда распиливается на доски бревно, то доски боковыхъ частей бревна и составляютъ опилки.

Щей у середу.
Вмилисьмо, куми, и т. д.
Продаймо, куми,
Рижу телицю,
Випиймо, куми,
Щей у пьятницю.
Вмилисьмо, куми, и т. д.
Кінемо, куми,
Всеньку (всю) роботу,
Випиймо, куми,
Щей у суботу.
Вмилисьмо и т. д.
Продаймо, куми,
Миски та ложкі,
Випиймо, куми,
Горівкі трошкі.
Вмілисьмо и т. д.

20.

Ой ти, дівчино чарівниченько,
Причарувала мое серденько;
Причарувала щей мою душу,
Типерь (теперь) до теби ходити мушу (долженъ).
Богдай ты такъ знавъ зъ сіний до хати [1]),
Такъ я знаю чимъ чарувати.
А въ мени чари—очиньки кари,
Въ мени примови—чорнии брови.
Богдай [2]) ты такъ знавъ якъ въ світі жити,
Такъ якъ я знаю чари робити.
А въ мени чари—очиньки кари,
Въ мени принада [3])—сама молода.

21.

Памнятай, дівчино,
Щобись (чтобы) ни програла,
Щобись за сокола
Сови ни піймала,
Що кому до того,
Якъ сову піиму;
Рідний батько ни позволить,
А мати ни дасть.
Пиристань, дівчино,
На лёсъ (судьба) нападати,
Скажи лучче (лучше): ни хороший,
Ни можу кохати.
Хоць я (хотя я) ни хороший,
Въ мени милыхъ много;

[1]) Смыслъ: если бы ты такъ хорошо зналъ дорогу изъ сѣней въ хату...
[2]) Бодай—пусть, если-бы—въ Ямпольск. у., гдѣ записана эта пѣсня произносятъ: Богдай въ см. Богъ дастъ.
[3]) Приманка.

Будь здорова и счаслива
Вибачай, нибого.

22.

Ой ни разъ изъ журбою
Стоявъ козакъ підъ вербою.
Вийди, дівчино, вийди молода,
Поговоримо съ тобою.
Ой рада бъ я вийти
И зъ тобою говорити (и съ тобою).
Край мени (подлѣ меня) мати примостилась спати,
Тай боюся разбудити.
Ти, козаче, молодий,
Въ теби коникъ вороний,
Сідлай коня, тай ідь зъ двора,
Бо ти ни мій, я ни твоя.
Козакъ коника сідлавъ,
И въ коникомъ розмовлявъ:
«Ниси, коню ниси вороний,
Ажъ до тихого Дунаю».
Ой у полю, озерци
Тамъ плйва (плаваютъ) відерци;
Соснові клинкі
А дубови динце (дно),
Ни цурайся мини сердце.

23.

Ой кажуть люди: милый ни пье,
А вінъ що ранку (каждое утро) изъ коршми йде.
Ой що вечіра, щей що ранку,
Пропивъ коника и нагайку,
Пропивъ коника вороного,
Йде до стані по другого.
А я молода противъ нёго,
Винесла рубля золотого.
Ой, дівчинонько, люблю тебе,
Выкупи коня, возьму тебе.
Ой ни разъ, ни два выкупляла
Криштальнымъ [1]) вікномъ, утікала,
Въ вишневимъ саду ночувала,
Ружні (разные) голоса выслухала.
Зозулька (кукушка) кажи: куку куку,
За що молода тирплю муку.
Соловей кажи; тэхъ-тэхъ, тохъ-тохъ,
Котяця слёзы якъ той горохъ.
Горобець кажи: чири-чири,
Міні молоди нима віри.

24.

Зажурилася гора травою,
Такъ якъ мати дочкою.

[1]) Хрустальнымъ.

Виддала дочку на вкраінbчку,
Въ далеку стороночку.
Ой колибъ міні
Сива пташина
Що вміе щибитати [1]);
Післала бъ іі на вкраіночку,
До дочкі відвідати (провѣдать).
Ой прилитіла бъ
Сива пташина
Тай стала бъ щибитàти:
Ой, выйди, чужа дитино,
Поклонялася мати.
А вже третій вечірь
Якъ дівчину бачивъ.
Хожу коло хати,
Іі ни видàти.
Вийди, вийди, дівчино!
Потішъ мое серденько, рибчино!
Ни вийду козачи, ни вийду, соколю!,
Ни пускае мати гуляти съ тобою.
Ни пускае мине мати,
Сей день на вулицю гуляти.

26.

Ой тихая вуличенько тѝха,
Нима жъ мого милого жинѝха (2 раза).
Нихай вона тихенькая бу̀ди,
Якъ мій милый зъ дорогі прибу̀ди. (2)
Ни всиівъ (успѣлъ) козакъ коло стола сісти,
Дала ёму перепілку ісги. (2)
Ой йзивъ (съѣлъ) козакъ стигѝнце й рибѐрці,
Сперло ёго підъ груди і підъ сѐрци (2).
Козаченько по конику вьеця,
А дівчина съ кватири сміѐця [2]). (2)
Ой ни смійся, дівчино, ни смійся,
Бо я въ теби трутѝни наівся (2).

27.

Виноградъ садила, виномъ поливала,
Ни вродився міні.
Кого я любила, щей 'вірни кохала,
Ни судився міні.
До ѐнчої [3]) ходишъ,
Медъ горівку носишъ,
Всэ висэлий идешъ,
А до мени прийдешъ
Серцю жалю завдàешъ.
Посади, миленька,
Голубко сивенька,
У воротяхъ вѝрбу (вербу),
Якъ я буду йти
Відъ тòі милòі,
То й до тeби зàйду.
Богдай ти, милэнькій,
Голуби сивэнькій,
Богдай того ни диждавъ,
Щобысь мою вербу
Дрібну зилиненьку
У воротяхъ минивъ.
Постили, милѐнька,
Голубко сивѐнька,
Щей біленькій рушничокъ,
Щобы ни повàлявъ
Чобіжъ сафьяндвихъ,
Щей золотихъ підковокъ.
Богдай ти, миленькій,
Голуби сивенькій,
Богдай того ни диждавъ,
Ой щобись мій рушникъ
Тонкій та біленькій
Підъ ногами топтавъ.
Обсади, миленька,
Голубко сивенька,
Виноградомъ свій двіръ,
Щобы ни заносивъ
Та буйненькій вітеръ
Тоненькій голосъ твій.

28.

Ой нікому такъ ни гòри (горе),
Якъ ти (той) чайці-небозі, [1])
Що вивила чаенята
Въ степу̀ при дорозі.
Ой іхали чумаченькі
Зъ далекого краю,
Стару̀ чайку розирвали,
Чаенята забірали.
Богдай живамъ чумаченькі
Воли поздихàли,
Що вже мали чаенята
На вікі пропали.
Богдай жи вамъ чумаченькі
Воли похроміли,
Що вмежъ мoі чаенята
Въ горшку пекіпіли.

29.

Ой, ти, дуби кучиравий,
Листъ на тобі рàсний,
Ти, козачи чернобровий,

[1]) Это слово въ сѣверныхъ Подольскихъ говорахъ читается—щебетати.
[2]) Форточка въ окнѣ.
[3]) Въ другихъ говорахъ Малороссіи это читается «иншоі» и, даже «гиншоі» (Волынск. губ.) значитъ «другой».

[1]) Бѣдной, несчастной.

На словахъ прикрасний.
Слова твоі прикрасніи,
А чортова думка,
Доки тебе ни любила
Буламъ якъ голубка.
Якъ бымъ була голубкою
Политіла-бъ въ пôли (поле),
Та літіла-бъ говорила-бъ:
Ой гôри жъ міні, гори (горе).

30.

Свищи вітеръ буйный въ полі,
Всі билинкі гнуця,
Най вірніщи тибе люблю,
Ажъ люди сміюця.
Смійтесь люди, смійтесь люди,
Кони (когда) довелося,
Мы-жъ зъ тобою, серце мое,
Лучше кохаймося.
Сивій коникъ, сивий коникъ,
Ни гребе ногою,
Де поіду, чи де піду,
Жаль, жаль за тобою.
Сивий коникъ, сивий коникъ,
Ни весело скачи (скачетъ),
Ой вінъ чуе, що дівчина
За козакомъ плачи.
Чорний воронъ пролітае,
Свищи вітиръ въ полі,
А въ козака серце балитъ,
Що ни мае долі.
Чорна хмара наступае
Дàлі (дальше) дощикъ буде,
Плачи бідна дівчинонька,
Що сміюця люди.
Смійтесь люди, смійтесь люди,
Ми зъ васъ посміемся
Комусь буде тяжкій жаль, жаль,
Якъ ми побирêмся [1]).

31.

Молодий чумачи,
Чогô зажурився?
Чи воли пристали?
Чи зъ дорогі збився?
Воли ни пристали,
Зъ дороги ни збився,
Ино (только) я зажурився,
Що безъ пари вродився.
Безъ пари вродився,
Безъ долі лишився,
Піду въ чисти полі
Шукать собі долі.

[1]) Т. е. когда состоится наша свадьба.

Ни найшовъ я долі
Найшовъ бистру річку,
А въ тіи річеньці
Хлопці риболовці.

32.

Ой, коню жъ мій, коню,
Коню вороненькій!
Продамъ тибе коню
За Дунай бистренькій.
За Дунай бистренькій,
За биструю річку,
Молоді шинкарці
За медь, за горівку.
Ой, пани жъ мій, пани!
Ни продавай мене,
Погадай за мене,
Якъ ми утікали [1])
Битими шляхами,
Якъ за нами гнався
Турокъ и зъ ляхами.
Ой якъ жи я скочивъ,
Дунай пирискочивъ.
Дунай пирискочивъ,
Копита ни вмочивъ,
А ни копиточка,
А ни стриминочка (стремя),
Чобітка сафьянця,
Козака коханьця.
Поклонися, коню,
До отца--до матки,
До систри рідноі,
Жони проклятоі,
Якъ мня вражала,
Тяжко проклинала:
Богдай тибе, мужу,
Куля (пуля) ни минала,
Куля ни минала,
Шабля зарубала;
Я съ тобою мужу
Тай життя ни мала.

33.

Скакала жабка підъ гречкою
За нею Иванъ (или Васыль...) зъ вуздечкою.
Зачикай, жабко, загнуздаю,
Та поідимо до Дунаю,
До Дунаю води пити,
До Деребчина дівокъ любити.
Бо въ Дирибчині [2]) дивкі хорошіи:

[1]) Убѣгали.

[2]) При произношеніи этого слова можно наблюдать двѣ формы, показанныя здѣсь: разница обусловливается постановкой ударенія на 1-мъ отъ начала слогѣ и медленностью произношенія, при которой слышится: Ди-ри-бчинъ.

Даютъ рушничкі шовковіи,
А торочочкі золотіи.
А въ слободі [1]) дівкі погани:
Даютъ рушничкі зъ кропивочкі

А торочочкі зъ кагляночкі. (Смыслъ тотъ: кагла—печка, труба, которую иногда закрываютъ тряпкой или охапкой пеньки. Изъ этого матеріала, побывшаго въ трубѣ и потому грязного, приготовляютъ «торочочки»).

34.

Дубъ на дуба похілився,
Упавъ комаръ тай вабився.
Вилитіла муха зъ хати,
Комарика ратувати.
Комарику, рідний брати!
Ой, дежъ тибе поховати?
Ой, поховай мине въ лісі,
При зиленимъ при горісі;
Будутъ дівки горіхъ рвати,
Будутъ мине споминати.
Ой тутъ лижитъ тее тіло,
Що изъ дуба тай литило;
Ой тутъ лижатъ тіи кості,
Що литіли зъ високості.

35.

Прийди, прийди, чирвонястий,
Якъ ни прийдешъ, буду клясти,
Буду клясти, проклинати,
Чирвонястимъ називати.

36.

Коло млина криминина [2])
Зацвила зилена,
Збиралася въ садъ гуляти
Молода дівчина.
Дайжижъ [3]) міні, моя мати,
Вишиту сорочку,
Ой, бо грае сопілочка
Въ вишнёвимъ содочку.
Дайжижъ міні, моя мати,
Тей [4]) чирвоний поясъ,
Бо почула у садочку
Кавалерскій голосъ.
Дайжижъ міні, моя мати,
Тей чирвону бинду,
Ни зачиняй въ хаті двери,
Бо я заразъ прийду.
Ой у лузі при дорозі
Зацвила калина,
Ой е въ мени, пани брати,
Душа й ни дівчина
(Смыслъ послѣдняго стиха: душа—не дѣвушка).

37.

(Изъ самыхъ модныхъ пѣсенъ)

Ой, Маруся пшиниченьку жала,
Вона жъ съ того ажъ захорувала.
Ой, Маруся въ світлиці хоруе,
Козаченько ходить та сумуе.
Ой, маю я три коні на стàні (конюшнѣ):
Іденъ коникъ, якъ голубъ сивенькій,
Другій коникъ, якъ воронъ чорненькій,
Третій коникъ, якъ лебідь біленькій.
На першімъ конику до мора дойду,
На другімъ конику мори перейду,
На третімъ конику зіллячка достану.
Якъ ставъ козакъ зиллячко копати,
Стала ёму зозуля кувати:
Ой ни копай, козаченьку, зилля
Бо въ Марусі вже ниньки вісилля;
Хто Марусі зіллячка достани
То той зъ нею на рушничокъ стани.

38.

Ой на горі жито,
На долині сино.
Ой десь мое закоханя
Вичерати сило.
Нихай вичерàе,
Нихай обідаè,
Прийде така годиночка
За мене згадае.
Сивий коню, сивий,
А гриво біленька,
Заниси мня, завизи мня,
Де моя миленька.
Передъ воротами
Ударъ копитами,
Вийди, вийди чорнявая
Привитайся зъ нами.
Дівчинонька вийшла,
Білу ручку дала.
Привитаймось, козаченьку,
Давножъ тя видала.
Козаченьку милий,
Де ти пробуваешъ,
Що за мени молодую
Шось (что-то) ти забуваешъ.

---

[1]) Слобода—часть Деребчина, составляющая отдѣльный приходъ. По преданію мѣстному, Деребчинъ—слобода заселена значительно позже коренного Деребчина.
[2]) Растеніе кустарниковое.
[3]) Дай же.
[4]) Еще.

Дівчинонько моя,
Дé я забуваю,
Куди ходю, чи що роблю,
За теби думаю.

39.

Чорноморець, мамцю,
Черноморець,
Вивівъ мине, мамцю,
На морозець.
А я на морозі
Тай байдуже [1]),
Люблю чорноморця.
Люблю чорноморця,
Та щей дýже.
На щò ти ся доню,
Унадала,
Що ти чорноморця
Сподобала.
На жупаня, мамцю,
На жупаня (одежда верхняя)
Яжъ думала буду
За нимъ паня.
На орѝня, мамцю,
На орѝня (досчатый заборъ)
Яжъ думала буду
Господѝня.

40.

Посію я жита жменю,
А жменю ячменю,
Завязала лиха доля
Рукі безъ рименю.
Завязала, завязала,
Ніякъ розвязати,
Ой, прийдеця зъ лихой долей
Весь вікъ пропадати.
Повиду я лиху долю
Въ місто (городъ) продавати;
Бачатъ люди, що лидàщо
Ни хтятъ куповати.
Ой купуйте, люди добри,
Моя доля добра:
Въ коршми впьеця,
Зъ людьми бьеця,
Ни ночуе дома.
Привела я лиху долю
Зъ міста та до дому,
Посадила на ослоні [2])
Тай плещу въ долоні.
Піди, піди, лиха доли,
Въ кирниці втопися,
А за мною молодою
Тай ни волочися.
Ой, щожъ тобі, моя мила,
Якъ я утоплюся,
А ти прийдешъ води брати,
Я тибѐ вчиплюся.
А ти прийдешъ води брати
Зъ двома коновками,
А я тѝбе учиплюся
Обомà руками.

41.

Породила мати сына
Тимненькоі ночи.
Гей! Далажъ ёму станъ високій,
Щей чорніи очи.
Вонажъ ёго породила
Щей намалювала.
Гей! Тимъ жи ёго молодого
Въ рекрути вписала.
Буложъ мине, моя мати,
Тай ни малювати.
Гей! Буложъ мине молодого
Въ рекрутъ ни писати.
Ни я жъ тибе уписала,
Вписали тя люди.
Гей! Но (только) глянули, то сказали:
Добрій москаль буди.
Пішли, Пішли всі молодці
Йно шапочки видко.
Гей! Лишилися свинопаси (т. е. остались),
Дивѝтися гідко.

42.

Вари, мати, вичерати,
А я піду въ садъ гуляти
А я піду у садочокъ
Біли гуси загоняти.
Гиля, гиля, гуси біли,
Гиля, гиля, на ставокъ!
Завязала головоньку,
Яжъ думала на часокъ.
Гиля, гиля, біли гуси!
Гиля, гиля на ріку!
Завязала головоньку,
Ни розвяжу на віку.
Гиля, гиля, біли гуси!
Гиля, гиля, на пісокъ!
Завязала головоньку,
Яжъ думала на часокъ.
Гиля, гиля, біли гуси,
Гиля, гиля, на Дунай!
Завязала головоньку,
Типеръ сиди тай думай.
Гиля, гиля, біли гуси!

---

[1]) Не обращая вниманія.
[2]) Большая длинная скамейка.

Гиля, гиля, до води!
Прошу теби мій миленькій
До другоі ни ходи,
Чиризъ мій садъ
Садъ-садочокъ,
Дороженькі ни роби.

43.

Ой чумачи, чумачи! (2 раза)
Життя въ теби собачи.
Чомъ ни сіешъ, ни горешъ (2)
И ни рано съ Криму йдешъ.
Ой я сію и ору (2)
И щей (еще и) рано съ Криму йду.
И я рано съ Криму йду, (2)
Всіхъ чумаківъ виду!
Йно (только) нима іднного, (2)
Мого брата рідного.
Атамани, батьку нашъ! (2)
Порадь, порадь типеръ насъ.
Що ми будимъ робити, (2)
Ні чимъ воливъ кормити.
Косітъ, хлопці, ту траву, (2)
Кормітъ воливъ на славу.

44.

Ой, тай піду я
У вишневий садочокъ,
Ой, тай вирву я
Тай вишнёвий листочокъ.
Ой, тай спишу я
Всю досадоньку свою.
Перная досада —
Що чужая сторона;
Другая досада —
Що ни вірна дружинà[1]);
Третяя досада —
Що дитина малая.
Ой, тай пішлю я
Въ славний городъ у Москву,
Ой, а хто буди
Тіи листи читати,
Ой, то той буди,
Дрібни слёзонькі льляти.
Ой, тай піду я
До сосіди за вогнёмъ (огнемъ).
Сидитъ милий
У сосіди за столомъ,
Пье медъ-горівку
Кришталёвимъ стаканомъ.

[1]) *Мужъ* по отношенію къ женѣ и *жена* по отношенію къ мужу.

45.

Ни куй мине,
Мій пани, въ кайдани,
Прикуй мине
Въ шинькарки до лавки.
А въ шинькарки—
Медъ-горівку пити,
А въ садочку
Дівчину любити.
Я жъ думаю, що то місяць сходитъ,
А то козакъ по садочку ходитъ.
Я жъ думаю, що дубъ зелененькій,
А то козакъ, козакъ молоденькій.

46.

Ой у полі річка, черезъ річку клàдка[1]),
Ни покідай, козаченьку рідненького батька.
Якъ батька покінешъ, то самъ марне згінешъ,
Річенькою бистренькою въ чужий край заплинешъ.
Богдай тая річка очиретомъ заросла.
Ой, що мине молодого въ чужий край занесла.
Богдай тая річка риби ни сплодила;
Вона жъ мине молодого на віки втопила.

47.

Болитъ мине головочка,
Нічимъ завязати,
Відбиламся відъ родини,
Ні кимъ пириказати.
Завяжу я головочку
Шовковимъ платочкомъ,
Пирикажу до родини
Сивимъ соколочкомъ.
Шовковий платочокъ
Головки ни звяжи,
Сивий соколочко
Правдоньки ни скажи
Ой вирву я зъ рожі (розы) квитку,
Тай пущу на воду,
Плини, плини, зъ рожі квітко,
Ажъ до мого роду.
Плила, плила зъ рожі квітка
Тай на воді стала,
Прийшла мати води брати
Тай квитку пізнала.
Квітко жъ моя, ружовая,
На воді зивяла,

[1]) Такъ называется доска или кусокъ бревна, положенный черезъ узкую рѣчку для того, чтобы удобно было переходить.

Дòню жъ моя, люба-мила,
Чи ти рікъ лижала.
Ой, я, мамцю, ни лижала,
Ни рікъ, ни години,
Попаласямъ лихі доли—
Нивірні дружині [1]).

48.

Ой тихая вуличенька, тиха,
Нимажъ мого милого жинйха (2 раза).
Нихай вона тихенькая буди,
Якъ мій милый зъ дорогі прибуде (2).
Чи, синку, такъ вірни ii любишъ,
День біленькій—ти ii ни будишъ (2).
Чи ти, синку, такъ вірни кохаешъ,
День біленькій—ти ii вкриваешъ. (2)
Богдай, мати, такъ легко конàти [2]),
Ой, якъ міні ii укривати. (2)

49.

Ой добранічъ усімъ нанічъ,
Бо вжежъ бо тай иду спасти.
Підъ воротьми зиленъ явіръ,
Тамъ я буду тай тибе ждати.
Чи всі тіи сади цвітуть,
Що на весні розвиваюця,
Чи всі тіи вінчаюця,
Що любляця, тай кохаюця
Половина садівъ цвіте,
Половина розвиваеця;
Половина вінчаеця,
А ще більша розлучаеця.
Ой нà тобі, товàришко,
На рукавці полотèничка [3]).
Ни стій зъ милимъ, чорнобривимъ,
Та ни вялй мого сердичка.

50.

Світи, місяцю, хоть годиночку въ нічку,
Най (пусть) я пирийду до дівчиноньки річку.
Річку пирийшовъ,
Чобітка ни замочивъ.
Ни знае мати,
Що до дівчини хожу.
Ой піють (поютъ) куры,
А я въ дівчини сижу.
Прийшовъ до дому,
Самъ сибе винàвижу.
Що ти синочку ни тримаешься хати,
Якъ любишъ дівчину, позволяю ти (тебѣ) взяти.

Я і не люблю, і не хочу і взяти,
Йно я хочу зъ неі ся посміяти.
Ой грішно, а въ неділю снідати,
А ще гірший гріхъ зъ сироти ся сміяти.

Пасхальныя пѣсни, которыя поетъ хороводъ.

I.

А кривого таньця,
Та ни виводимъ кіньця;
Треба ёго виводити,
Кінець ёму находити.
Ой такъ ёго вести,
Якъ віночокъ плести.
Ой виплила я віночокъ,
Повішала на кілочокъ,
На шовковий шнурочокъ,
А матінка (мать) взяла,
Тай нилюбому дала.
Колижъ би я була знала,
Булабъ ёго пирирвала,
Съ кропивою замішала,
Ножевьками подобтала.

II.

Відна жъ моя головонько,
Нисчаслива годиноньжо,
Ой, щожъ бо я наробила,
Що коструба [1]) розгнівила.
Вирнись, вирнись, кострубоньку,
Стану съ тобой до шлюбоньку,
Слава жъ тобі, Боже-Цару,
Що мій кострубъ на цвинтàру (т. е. на кладбищѣ).
Я ніжкою тупъ-тупъ, тупъ-тупъ,
Лижй кострубъ туть-туть, туть-туть.
Лижй, кострубъ, въ божімъ раю,
Я молода погуляю.

III.

Зайчику, зайчику,
Ти мій братчику,
Ни скачи, ни скачи
По городчику (огороду)
Ни добчи, ни добчй,
Рутки—мятки,
Бо моя рутка,

---

[1]) Дружина—мужъ.
[2]) Конати—умирать.
[3]) Полотна (уменьшит.) т. е. холста.

[1]) Нарицательное имя жениха-некрасиваго, не привлекающаго къ себѣ симпатій.

Якъ баламутка,
Бо моя мятка,
Якъ пані-матка.
Прибігае зайчикъ,
Підіймае ніжку,
Чи вбита, чи ни вбита,
Ніжичка пирибйта.

IV.

Коло млина калина (2 раза)
Тамъ дівчина ходила, (2)
Романъ-зилля копала. (2)
Сама жъ ёго ни знала, (2)
Понесла го (его) до ради,
До чоловічої громади.
Чоловіки ни знали,
Въ рукі ёго ни брали.
Коло млина калина и т. д.
Понесла го до жіночої ради [1]).
А ти жінки ни знали,
У рученькі ни брали. (2)
. . . .
Понесла го до ради,
До дівочої громади.
А ти дівкі ни знали,
У рученькі узяли.
Ци се зилля барвінокъ,
Що дівчатамъ на вінокъ.

V.

1. Чиризъ наше село
Визутъ клень-дерево.
Припѣвъ: Ой дерево, клень-дерево,
Дрібне-зилененьке.
2. А сь того деревця
Построятъ церковцю.
Припѣвъ: Ой дерево и т. д.
3. А въ тиі церковці
При свічечкі яснихъ.
Ой дерево клень-дерево и т. д.

[1]) т. е. въ совѣтъ замужнихъ женщинъ.

4. Три свічечки яснихъ,
Три дівочкі краснихъ.
Ой дерево, кленъ-дерево и т. д.
5. Першая дівочка,
Апанасова (или какое-либо другое имя) дочка.
Ой дерево, кленъ-дерево и т. д.
6. Другая дівочка
NN-ова дочка.
Ой дерево и т. д.
7. Третяя дівочка
N-ова дочка.
Ой дерево и т. д.
8. А въ тиі церковці
Три звони голоснихъ.
Ой дерево и т. д.
9. Три звони голоснихъ,
Три парубки краснихъ.
Ой дерево и т. д
10. Перший парубокъ
Мосіівъ синочокъ.
Ой дерево и т. д.
11. Другій парубокъ
Иванивъ сыночокъ.
12 Третій парубокъ
N-въ сыночокъ.
Ой дерево и т. д.
13. А Ганусю (Анну) взяти—
Иванові дати.
Ой дерево и т. д.
14. А на Ганусі сине віночокъ,
А хто іі купивъ,
Иванивъ синочокъ.

VI.

А ну, зайчикъ скокомъ бокомъ,
Пиридъ моемъ чорнимъ окомъ.
А ну, зайчикъ, обирнися,
Котру любишъ обіймися.
Біло-біло—білодарчику,
Плини, плини по Дунайчику
Простри, простри
Чорни оченькі,
Та возьмися
По-підъ боченькі.
Зазуй, зазуй чиривичиньки,
Гляди собі молодичиньки.

Б. Пѣсни, записанныя въ селѣ Бырлинцахъ Могилевскаго уѣзда, Подольской губерніи.

1.

Въ славномъ городі я бувъ,
Много денегъ заробивъ.
Гей, да люляй,
Много денегъ заробивъ.
Новую колясочку купивъ,
Гей, да люляй новую колясочку купивъ
Осталося сто рублей
Найму тройку лошадей.
Гей, да люляй.
Найму тройку лошадей.
Кучеръ Ваня молодий,
Колокольчикъ золотий.
Гей, да люляй, колокольчикъ...
Колокольчикъ забражчавъ,
Кучеръ коний ни здиржавъ.
Гей, да люляй, кучеръ и т. д.
Кучеръ коний ни здиржавъ
Коренная рисью йдѐ.
Гей, да люляй, коренная и т. д.
А булана повертае,
Де шенькарка молодая.
Гей, да люля, де шенькарка и т. д.
Шенькарочка молода,
Подай пива щей вина.
Гей, да люляй,
Подай пива щей вина.

2.

Ни ходи, козачи,
Темними лугами,
Та ни вялй [1]) мого серця
Чорними бровами.
Чорні брови маю,
На нихъ ни дивлюся,
Ни хтять мине дівчата любити,
Піду утоплюся.
Ой, а ни дівчата,
А ни молодиці,
Піду жъ бо я утоплюся
Въ глібокі криниці.
Ни топись, козачи,
Марни душу згубишъ,
Скажи щиру правду,
Кого вірни любишъ.

[1]) Не печаль.

Ой, я тебе люблю,
Люби тебе, Боже,
Якъ я тебе занихаю,
Скарай [1]) мене, Боже.
Запрагайте коня,
Коня вороного,
Та поідемъ повінчаемсь
До попа чужого.
Приїхали до церковці,
Нима попа въ дома,
Ой чи моя, ой чи твоя,
Така лиха доля.
Йде козакъ горою,
Дівка долиною,
Зацвівъ козакъ
Повною рожою,
Дівка калиною.
Вітрець повівае,
Рожу оббивае,
А калина поспівае,
Дівка обломае.

3.

Ой коню мій, коню,
Коню вороненькій,
Ой чого ти, коню,
Повсіди [2]) сумненькій?
Чи я тобі тяжкий?
Чи я тобі важкий?
Чи салдацка зброя?
Чи дівчина моя?
И ти мні ни тяжкий,
И ти мні ни важкий,
Ни салдацка зброя,
Ни дівчина твоя.
Йно міні тяжко,
Ино міні важко,
Якъ підъ гору ідешъ,
Ти зъ мени ни злізешъ,
Зъ мени ни злізаешъ,
Нагаями краешъ [3]).
А якъ зъ гори ідешъ,
То щей захoвстаешъ [1]);

[1]) Накажи.
[2]) Всегда.
[3]) Сильно ударяешь нагайкой.
[4]) Надѣнешь узду.

Долиною ідешъ,
Та ни попасаешъ,
Кирницю минаешъ,
Та ни папуваешъ,
До дівчини ідешъ,
До стовпа впинаешъ.
А передъ тобою.
Стоитъ медъ-горівка,
А передо мною
Колибъ сіна жминька [1]).

4.

Ой приїхавъ мій милий зъ дороги,
Я молода впала ёму въ ноги (2 раза).
Сідай, милый, за стілъ, а я на порозі,
Та роскажи, що чути въ дорозі. (2).
Йди, мила, до комбри спати,
Та будемо всю нічъ розмовляти (2).
Входитъ мати изъ другої хати.
«Годі, синку, зъ нею розмовляти» (2).
— «Богдай тобі такъ легко конати,
Якъ я маю изъ кімъ розмовляти» (2).
А вже кури о північъ співають,
А вже милу на смерть обмивають.

5.

Ой нігде такъ ни добре,
Якъ въ рідноі мати.
Вічинила кватирочку,
Кличи вечерати.
А вжежъ міні докучили,
Вечері й обіди,
Бо я хожу виглядаю,
Вітки (откуда) милый прийде.
Ой прийшовъ жи мій миленькій,
Нагнівався на мени,
Ходитъ собі по світлоньці,
Ни говорить до мени.
Ходімъ, милий,
Въ вишневий садочокъ,
Та зловімо двое пташиночокъ.
А піймимо соловейка,
Буде щебетати,
А піймимо зозуленьку,
Буде намъ кувати.
Чи ти мини, моя мати,
Въ меду ни купала,
Що міні молодіи
Щастя ни вгадала.
Чи ти мини. моя мати,
Въ церкву ни носила,
Що ти міні молодіи
Щастя ни впросила.

6.

Я піду въ Москву,
Сімъ літь вислужу.
До дому прийду,
Возьму дѣвочку
Семилѣточку.
Посажу іі на криселочку,
Спишу личенько
На паперочку,
Чорні бровоньки
На бумаженьку.
Прибью на стіні,
Де спати міні,
Самъ ляжу въ кравать
Розмовляй міні,
Якъ я тиби бравъ,
Якъ макъ процвітавъ.
Теперъ ти стала,
Якъ рибка вяла
Навірно тиби
Свекруха била,
Пізно ложила,
Рано будила.
Устань, нивістко,
Богдай ни встала,
Подій (-подоить) корови,
Ті що ся пригнала.

7.

Сокілъ, мамцю сокілъ, любцю,
Високо літае,
А на мое подвірачко [1])
Та все заглядае.
Давай, доню, принадоньку,
Нихай привикае.
Насипъ пшінъця по колиньця,
Най ся наідае.
А вінъ пшінъця наклюеця,
Водиці напьеця,
Та полититъ въ чисти поли,
Тай пролітаеця.
Козакъ, мамцю, козакъ, любцю,
Сивимъ конемъ грае,
А на мое подвірачко
Та все повиртае.
Давай, доню, принадоньку,
Нихай привикае.
Вари рибу щей линйну,

[1]) Горсточка.

[1]) Подворье.

Нихай вечерае;
Клади на стілъ меду-вина,
Най ся напивае.
А вінъ рибки якъ наісця,
А меду напьецця,
Та пôйди на Вкраіну
Съ теби насміецця.

8.

Ой я вчера изъ вечіра
Тай пьяненька була,
Підъ сосною зиленою
Тамъ я спати лягла.
Ой ти, сосно, ти, зилена,
Ни глумися надо мною,
Ти мій, милий чорнобривий,
Ни сварися зо мною.
Якъ ти будешъ сваритися,
А буду журитися,
То стареньки буду.
Якъ ни будешъ сваритися,
Я не буду журитися,
Молоденька буду.

9.

Ой підъ мостомъ трава росте,
Та стелецця листомъ,
Ни хвалися, дівчинонько,
Чирвонимъ намистомъ.
Ой підъ мостомъ риба росте,
Бье по воді хвостомъ,
Люблю, мамо, козаченька,
Що высокій ростомъ.
Люблю ёго станъ високій
Тай ще любитъ мати,
Треба тому чорнявому
Вичерати дати.

10.

Ой у полю гребелечка,
Бистра річенька тече,
А безъ тую бистру-річку,
Хибка кладочка плене.
А мій милий чернобривий
Веде коня напувать.
Хибка кладка схибнулася,
А мій милий въ воду впавъ.
Ой упавъ, ой упавъ ажъ до самого дна,
Я молода, якъ ягода,
По-надъ воду біли ручкі ломлю.
Ой нати вамъ риболовці
Цілу купу грôший,
Впратуйти чорнобровця,
Бо дужи хороший.

11.

Чи ти сосно въ пьецу [1]) ни була?
Чи ти ясно ни горіла?
И я въ пьецу була,
И ясно горіла.
Свикруха лихая
Вогонь залила,
Щобъ я молодая
Ни вечерала,
Що бымъ молодая
Безъ вечері лягла.
Якъ заснула я сонъ,
Та вже місяць зайшовъ,
А заснула другій,
Та мій милий прийшовъ.
По подвіру ходить-прохожаецця,
Та шовковимъ платкомъ-обтираецця.
Чи ти, мила, спишъ?
Чи дрімаешъ?
Ой що ти міні
Тай ни відчиняешъ?
Я, милий, ни силю и ни дрімаю.
Йно я, милий, та думу думаю.
Що я молода ни вечерала,
Що я молода безъ вечери лягла.
Ой якъ я була въ батька дівкою,
То випивалася медъ-горівкою,
А теперичка молодицею,
То випиваюся кровавицею [2]).

12.

Три дні ни імъ, ни дивлюся,
Нима жъ мого козака.
Ой, Господи милосерный,
Якій типеръ світъ наставъ:
Свою милу покідае,
А зъ другою жить почавъ.
Ой піду я въ лісъ по дрова
Та назбіраю лому,
Занісъ мине дурний розумъ
На чужу сторону.
На чужин сторононьці,
А ні батька, ни неньки,
Но (-только) въ вишнёвомъ садочку
Співаютъ соловейкі.

---

[1]) Въ печкѣ.

[2]) Указываетъ на тяжелую жизнь, когда приходится проливать слёзы, вспоминая прежнее житье-бытье въ дѣвицахъ.

Ой піду я въ темний лісъ,
Нихай мине звіръ іззість (-съѣстъ).
Та кругомъ мине звірі грають,
Вонижъ мине ни займаютъ [1]).
Ой ви, звірі, ви лютии,
Розірвіти ви мине
Розірвіти, рознисіти
По зелененькі пущі,
Нихай тоді люди знаютъ,
Які наши любо́щи [2]).

13.

Ой дайжи, Божи,
Зъ вечіра погодоньку,
Возьму відерця,
Тай піду по водоньку.
Покладу відра
Підъ зеленою вѐрбою,
А сама стану зъ казакомъ на розмову.
Ой чи ти слабий,
Чи вмирати думаешь,
Що вже третій день
Ти въ мени ни буваешь.
Ой я ни слабий,
Вмирать ни думаю,
Чиризъ вороги
Въ тибе ни буваю.
Чиризъ вороги,
Чиризъ бистрі рікі,
Серци-дівчино,
Пропадемо навікі.
Чиризъ ворогі,
Чиризъ бистрі води,
Серци-дівчино,
Кохатися намъ годі [3]).

14.

Тамъ де Дунай розильлявся,
Тамъ я бувъ счастливий,
Тамъ край милий, тамъ край гарний,
Тамъ я перший разъ кохався,
Тамъ зобачивъ дівчиноньку—
На вікъ волю стра̂тивъ.
Тамъ зобачивъ дівчиноньку—красну ягідоньку,
Въ світі кращоіни знаю,
Краща всіхъ цвіточківъ гаю [4]);
Личко біли, чорні брови,
Косонькі шовкови.
Хоть я часомъ засміюся,
То гірко заплачу,
Цілий день на шляхъ [1]) дивлюся,
За сто миль сдаеця бачу,
Що голубка поробляе,
Що вона гадае.

15.

Вітиръ повівае, березку колиши,
А братъ до систриці
Дрібни листи пиши.
Ой пиши вінъ, пиши,
Та въ рівнии [2]) стрічки,
Та все відсилае
До свої систричкі.
Сестро моя, сестро,
Сестро дорогая,
Якъ ти поживаешъ
Безъ роду самая?
Ой я поживаю мижи ворогами,
Якъ тая кирниця мижи дорогами.
Вийду за ворота, стану якъ сирота,
Вийду за другіи—трава зеленіе.
Гори жъ міні, гори безъ роду самій,
Піду до коршомки, горівкі напьюся,
А зъ мени сироти ворогі (-враги) сміюця.
Піду у садочокъ, нарву ягідочокъ.
Ягідъ ни нарвала—грушокъ назбирала,
Назбирала грушокъ—та повний фартушокъ (-фартухъ).
Сіла тай думаю,
Що робити маю,
Чи іхъ самі істи,
Чи милому нести.
Миленькому нести,
Бистру річку плисти.
А якъ самі істи,
Въ холодочку сісти.
Ой плила я, плила,
Та замучилася,
А на миленького
Ни надивилася.

16.

Іхавъ козакъ съ косовиці [3]),
Стоітъ дівка на вулиці.
Ти дівчино, ти голубко,
Вийди на вулицю хоць ни хутко (-скоро).
— «Я ни вийду й ни помишлю,

---

[1]) Не трогаютъ.
[2]) Любовь.
[3]) Го̀ді—достаточно.
[4]) Гай—лѣсъ.

[1]) Шляхъ—большая трактовая дорога.
[2]) Ровный.
[3]) Это слово употребляется въ двоякомъ значеніи: 1) время, когда косятъ траву (русск. покосъ); 2) мѣсто, гдѣ косятъ (лугъ или лѣсъ).

Йно до тебе сестру вишлю.
Сестра такъ якъ я сама.
Якъ на папері вималёвана».
— «Таке личко, такі брови,
Та не така, якъ ти—серце, до розмдви».

17.

Ой у полю кирниченки – видно дно,
Десь поіхавъ мій миленькій—тай давно.
Я тую кирниченьку пригачу
Таки свого миленького побачу.
Ой приіхавъ мій миленькій у ночі,
Припявъ воронъ коня на дощі,
А самъ пішовъ шей до хати въ любощі.
Добрий вечіръ, моя мила! Чи чуешь?
Ой якъ же ти цюю нічку ночуешь?
Ой ночую, мій миленькій, изъ дітьми.
Ой якъ тая черешенька зъ ягідьми.
Скраявъ миленькій сорочечку до стану,
Ой що штире (четыре) неділеньки ни встану [1]).

18.

Ой Божи, Божи, коли той вечіръ буди,
Коли за мени наговораця люди.
Тоді за мени наговораця люди,
Ой якъ я складу біли ручки на груди.
Говоратъ старии, говоратъ малии,
И щей до того вороженькі тяжкии.

19.

Коли-бъ жи я була знала,
Ни йшла замужъ, тай гуляла,
Та було-бъ біли личко,
Та були-бъ чорні брови;
Попаламся лихі долі.
Якъ би ни доля лихая,
Та ни дитина малая
Отожъ (вотъ-то) бимъ гуляла,
Русу косу чисала
Дівчиною молодою.
Ніякъ на вулицю вийти,
А ні зъ милимъ говорити,
Ой бо сидить ни любъ край тисового стола
Та боюся буде бити.

[1]) Смыслъ этихъ словъ тотъ, что жена была сильно избита своимъ милымъ, оставившимъ её безъ дѣтей, когда онъ уѣзжалъ изъ дому.

20.

Ой у полю кирниця,
Та нима води до дна,
А я въ батька іднниця,
Та нима міні добра.
Нима міні добра,
Та богато лиха,
Ой вийду я на вулицю,
Тай вулиця тиха.
Пусти мати погуляти,
Я ни забаруся,
Треті півні заспівають,
До дому вирнуся.
А вжежъ півні проспівали,
Вжей курка кокочи,
Кличи мати вечерати,
А дочка ни хочи.
Вечерайти, моя мати,
Ту вечеру сàми,
Бо вжежъ міні докучило
Вечерати зъ вами.

21.

Ой литіла пава, на воротяхъ впала;
Тамъ дівчина для козака поясокъ сукала.
Поясокъ сукала въ двацять штири гузи (узелъ),
А вінъ й подарувавъ корець кукурузи.
Корець кукурузи а гелетку [1]) проса,
Продай—купи чиривички, та не ходи боса.

22.

Піе півинь на порозі,
А курка кокочи,
Кличи мати вичерати,
А Василь ни хочи.
Вичерайти, моя мати,
Вичерайти сами,
Бо вжежъ міні докучило
Вичерати зъ вами.
Вичерайти, моя мати,
Що ти наварила,
А я піду на той кутокъ,
Де дівчина мила.
А вжежъ міні, моя мати,
Вичера ни мила,
Ой бувъ жи я у дівчини
Тай ни говорила.

[1]) Гелетка—мошна для денегъ. Здѣсь иронія: гелетку проса—немного проса, за которое нельзя ничего выручить.

В. Пѣсни, записанныя въ селѣ Василевкѣ Винницкаго уѣзда, Подольской губерніи.

1.

Ой на горі жито,
На долині жито,
Підъ білою березою,
Козаченька вбито.
Ой убито, вбито,
Закиняно въ жито,
Чирвоною китайкою
Личенько накрито.
Ой вийшла дівчина
Съ чорними очима,
Тай підняла китаёчку,
Тай заголосила.
Ой вийшла другая,
Та вже ни такая,
Якъ підняла китаёчку,
Тай поцюлювала.
Ой вийшла третяя
Изъ нової хати,
Якъ підняла китаёчку,
Стала риготати.
Буложъ тобі, козаченьку,
Насъ трохъ ни кохати,
А зо мною молодою
На рушничокъ стати.

2.

Плине човенъ води повенъ,
Въ нёму вода хлюпъ — хлюпъ (3 раза).
Иде козакъ до дівчини
Підківками тупъ—тупъ. (3)
Плине човенъ води повенъ,
Обкладяний лўбомъ (3).
Иде козакъ до дівчини
Съ кучеравимъ чубомъ. (3)
Плине човенъ води повенъ,
Та покрився листомъ (3).
Иде козакъ до дівчини
Съ чирвонимъ намистомъ. (3)

3.

Чи я въ лузі ни калина була,
Чи я въ лузі ни чирвона була.
Взяли мине обломали
І въ пучечкі повязали,
Така доля моя. (2 раза)
Чи я въ полі ни пшениця була,
Чи я въ полі ни зилена була.
Взяли мине позжинали,
І въ снопикі повязали,
Така доля моя. (2)
Чи я въ батька ни дитина була,
Чи я въ батька ни кохана була.
Взяли мине тай віддали (т. е. замужъ)
І світъ міні завязали,
Така доля моя. (2)
Чи ни було річки утопитися,
Чи ни було кращого полюбитися.
Були ріки постікали,
Були кращі шлюбъ забрали,
Така доля моя. (2)

Г. Пѣсня, записанная въ с. Сапѣжанкѣ Ямпольскаго уѣзда.

Зиленая ліщинонько,
Чомъ ни горишъ?
Ой молодая, ой ти, дівчинонько,
Чого плачишъ, чого журися?
Ой якъ би я суха була,
Я бъ горіла—ни курилабся.
Ой якъ бимъ знала, що за нимъ буду,
Ни плакала-бъ, ни журилабся.
Коло броду биру воду,
А по той бікъ мої карі очи,
Тамъ козаченько коня напуває,
На сей берігъ поглядає.
Якъ бы міні новий човенъ,
Щей новее, тай виселичко (весло),
Сівъ бимъ поіхавъ на той беріженько
Та до теби, мое серденько.
Нащо тобі новий човенъ,
Щей новее тай виселичко,
Глянь, подивися на сей беріженько,
Розвисили мое сердечко.

Д. Пѣсни, записанныя въ с. Будкахъ Винницкаго уѣзда.

I.

Ой въ Кіові на риночку сидить дівокъ купка,
Межи ними бондаривна, якъ сива голубка.
Прийшовъ, прийшовъ панъ Конёвськiй всімъ «здоровья» дае,
Молодую бондаривну [1]) за ручку стискае.
Молодая бондаривна тихъ жартивъ не знала,
Відвирнула білу ручку, въ писокъ ему дала.
Ой давъ й панъ Конёвськiй ружовую квітку,
Вона ему відказала: «іди, старий дідьку».
Розізлився панъ Конёвськiй, пішовъ до кімнати,
Крикнувъ, гукнувъ, щобъ чагаи ладнувати.
Ой тікала бондаривна помежъ берегами,
А за нею панъ Конёвськiй зъ двума нагаями.
Ой тікала бондаривна по-межи крамниці
Въ неі стріливъ панъ Конёвськiй зи свеі рушниці.
Ой побігли добри люди, дали бондару знати:
«Іди, іди, старий бондаръ, дочку поховати».
Ой вдарився старий бондаръ объ стилъ головою:
«Дочко жъ моя люба-мила, пропавъ я зъ тобою»!

Пѣсня эта рисуетъ отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ во время господства крѣпостного права, память о которомъ здѣсь вообще изгладилась въ пѣсняхъ за нѣкоторыми весьма незначительными исключеніями.

II.

Ой іхавъ я по-підъ токомъ [2]),
Здибавъ дівку зъ іднимъ окомъ,
Тамъ то гарна, тамъ то гожа,
Побий іі сила Божа.
    Тамъ то гарна, тамъ то гожа,
    Побий іі сила Божа.
    Я на нюю задивився,
    Міні візъ поломився.
Ни жаль міні того воза,
Колибъ дівча була гожа.
А то руда, щей погана,
Воза міні поломала.
    Хоць я руда і погана,
    Та мій батько богачъ:
    Штири воли на обори [3]),
    Щей на шии дукачъ.
Чортъ тибе побери
Зъ твоімъ батькомъ богачомъ!
Твоі воли поздихають,
Ти лишися зъ дукачомъ.

III.

Ой умру я, умру,
Буду ся дивити,
Ой чи буди мій миленькій
За мною тужити.
Милий зажурився,
Пішовъ підголився,
Колибъ тіло зъ хати взяти,
Тобъ я ожепився.
Чи тіло ховати,
Чи коня сідлати,
Чи іхати на Вкраіну—
Милоі шукати.
Ой найшовъ я милу,
Найшовъ чорнобриву,
Колибъ не ти діти,
Були-бъ ми счасливи.

IV.

Ой посіявъ козакъ гречку
На дубочку на вершечку,
Зирвалася шура-бура,
Козакові гречку здула.

[1]) Дочь бондоря.
[2]) Гумно.
[3]) Загонъ для скота.

А ни гречкі, ни полови [1]),
Ни дівчини чорноброви:
Качкі гречку зжолопали [2]).
Що я бідний буду мавъ?
А всімъ хлопцямъ по дівчини,
Мині дідько бабу давъ.
Я на бабі ніцъ ни трачу:
Продамъ бабу, куплю клячу,
Кляча здохне, шкуру злуплю,
А за шкуру дівку куплю.

V.

Ой щожъ бо я той зробила?
Кострубонька полюбила.
«Іди, іди, кострубоньку [3]),
Змию тобі головоньку.
Змию тобі головоньку,
Бо въ неділю до шлюбоньку».

Сообщилъ *Вячеславъ Каминскій.*

---

[1]) Отруби.
[2]) Съѣли.
[3]) См. Пасхальныя пѣсни, записанныя въ с. Деребчинѣ.

«Бывальщины» минусинскихъ инородцевъ.

У сибирскихъ инородцевъ юга Енисейской губерніи рядомъ съ поэмами, составленными стихотворнымъ размѣромъ, имѣютъ мѣсто разсказы, дающіе характеристики историческихъ лицъ или описаніе случаевъ изъ ихъ жизни, такъ называемыя грамотными инородцами, въ отличіе отъ сказокъ и пѣсенъ,—бывальщины. Въ то время какъ пѣсни, преданія и сказки передаются изъ рода въ родъ съ стенографической точностью, причемъ буквально не выкидывается изъ пѣсни ни слова, бывальщины въ передачѣ инородческихъ разсказчиковъ далеко не отличаются подобнымъ пуризмомъ. То и дѣло вплетаются въ разсказъ новые мотивы, новые цвѣты выдумки и краснорѣчія. Фонъ древней были бываетъ почти сплошь затканъ новыми нитками и изъ-за рисунка современнаго письма лишь съ трудомъ разбираются изящно-простые контуры изображенія старины.

У качинцевъ Енисейской губерніи мнѣ пришлось слышать нѣсколько разсказовъ о такъ называемыхъ «осилгахъ», богатыряхъ времени прихода русскихъ въ Енисейскую губернію. Разсказчикъ, полушаманъ Капчоровъ велъ разсказъ по-русски прекрасной образной рѣчью. Краткость, пластичность разсказовъ, позволяющая съ наибольшей легкостью отдѣлить ядро историчнаго отъ шелухи выдумки и личнаго творчества рапсода, побудили меня точно записать эти разсказы. Разсказъ о Канзѣ мнѣ приходилось встрѣчать въ литературѣ, но онъ приводился въ нѣсколько иныхъ варіантахъ, отличающихся бо́льшей экзотичностью, меньшей простотой формы, въ ущербъ элементу историческому, который меня заинтересовалъ наиболѣе въ инородческихъ бывальщинахъ.

Жилъ на Качѣ [1]) богатырь Ирто́кшинъ, у него были два коня, оба — вороные. Такіе кони были, что онъ на Абаканъ и на Казыръ [2]) звѣровать ѣздилъ; и сейчасъ въ тайгѣ слѣды его ѣзды видны: завернутыя жгутомъ верхушкой внизъ березки.

Однажды былъ Иртокшинъ дома, всталъ утромъ, слышитъ — за Енисеемъ человѣкъ кричитъ, проситъ: переправь меня. Поѣхалъ на лодкѣ, переплылъ. Смотритъ,— сидитъ дѣвица съ арагой [3]); спросилъ её: «откуда, чья»?—„Переплавь меня, я тамъ скажу». Переплавилъ её, привелъ домой, сталъ потчивать, а она сама спервоначала потчуетъ арагой и мужа и жену. Сама тоже пьетъ, а потомъ и говоритъ: «у насъ, говоритъ, ходятъ звѣри — семь волковъ сѣрыхъ, восьмой черный, лысый; скота нашего похищаютъ. Я—дочь Моола. Шестьдесятъ—семьдесятъ лошадей загоняемъ, догнать не можемъ волковъ. Отецъ послалъ къ тебѣ, усердно просилъ, чтобъ уступилъ ты своего меньшого воронка́». Не даетъ. Дѣвица усердно кланяется, проситъ. Сталъ онъ давать потомъ старшаго воронка, нѣтъ, она все проситъ меньшого. Что сдѣлаешь, не могъ отказать, даетъ своего меньшого воронка. Жена ужъ ревновать стала: «ты, должно быть, эту дѣвку замужъ взять хочешь, разъ свово меньшого воронка даешь». Взялъ—все-таки отдалъ, она увела.

---

¹) Рѣка Кача—притокъ Енисея; качинцы ко времени прихода русскихъ въ нынѣшнюю Енис. губ. жили, по преданію, на Качѣ въ окрестностяхъ нынѣшняго г. Красноярска.
²) Абаканъ и Казыръ—притоки Енисея, южнѣе Качи.
³) Арага—спиртной напитокъ, выкуриваемый изъ молока.

Привела дѣвушка домой иртокшинова воронка, мооловъ сынъ сталъ на этомъ конѣ звѣрей гонять. Лошадь догоняетъ звѣря, онъ стрѣлитъ.... мимо. Проскакиваетъ звѣря, коня задержать не можетъ, коня по головѣ бьетъ. Шесть—семь разъ догоняетъ, 6—7 разъ лошадь по головѣ бьетъ. Такъ онъ стрѣлялъ и не могъ въ тотъ день убить ни одного звѣря. Воротился домой, воронка привязалъ къ столбу, у Моола былъ конь хорошій-каурый, вмѣстѣ ихъ къ столбу и привязали. У Моола сынъ говоритъ: однако, Иртокшина конь ночью уйдетъ, взялъ—надѣлъ ему на ноги пута желѣзныя въ 6 пудовъ: ну, теперь не уйдетъ. Была тутъ во дворѣ старуха какая-то, знала конскій языкъ; слышитъ, —на дворѣ кони разговариваютъ, отворила немного дверь и слушаетъ. Иртокшина воронко говоритъ каурому:—я, говоритъ, догонялъ въ 6—7 мѣстахъ, у него—какъ стрѣлитъ—стрѣла все въ землю, а меня по головѣ плетью деретъ; еслибы былъ мой Иртокшинъ, 8 звѣрей бы онъ въ 8 разъ стрѣлилъ. На завтра онъ, Мооловъ сынъ, опять погонитъ этихъ звѣрей и опять будетъ меня хлестать по глазамъ. Каурка, пойдемъ на мою землю! Тебя онъ билъ?—Билъ—говоритъ каурко.—Да онъ насъ до смерти изобьетъ.—Прослышалъ эти слова каурко и радъ сталъ идти.

Взяли они, чумбуръ отвязали, пошли А воронко думаетъ (старуха слышитъ): на звѣрей наткнемся, каурку съѣдятъ,—онъ жирный, а меня оставятъ,—я сухой.

Идутъ ночью. Долго-ли коротко шли, эти звѣри попались имъ навстрѣчу. Семь волковъ разбѣжались, бросились на каурку, черному, лысому волку говорятъ: каурко жирный, давай его съѣдимъ. Этотъ черный, лысый волкъ говоритъ: «эхъ, братья, не зарьтесь на жирнаго каурка, пущай онъ остается живой; даромъ одни кости да одна шкура у воронка, его съѣдимте. Его живого оставимъ, когда-нибудь Иртокшинъ насъ всѣхъ погубитъ на этомъ воронкѣ». Послушали семь братьевъ чернаго звѣря, разбѣжались, разорвали брюхо вороному; каурко побѣжалъ назадъ.

Иртокшинъ дома спалъ эту ночь, во снѣ приснилось ему: 8 волковъ младшему воронку брюхо разорвали. Не дождавшись свѣту, выскочилъ Иртокшинъ, на старшаго воронка сѣлъ, полетѣлъ. Добѣжалъ до Абакана, выскочилъ на Куню [1]), смотритъ: звѣри на этой степи, на свое мѣсто бѣгутъ. Пустился. Немного времени прошло, догналъ ихъ—7 сѣрыхъ звѣрей 7 разъ стрѣлилъ, всѣхъ убилъ стрѣлой. Смотритъ: черный звѣрь на той сторонѣ Абакана; онъ погнался за нимъ; не могъ убѣжать черный звѣрь, бросился въ степь вверхъ по Абакану. На Сырахъ [2]) онъ его стрѣлилъ: далеко было, стрѣла только шерсть захватила; тогда онъ говоритъ: пускай же эти рѣчки называются Сырами (сыра—скользнуть). Потомъ на Базѣ догналъ, хотѣлъ затоптать, конь не могъ. Звѣрь обратился назадъ, ударился на Енисей, до тайги добѣжалъ, тутъ Иртокшинъ догналъ его, надо бы ему стрѣлить, а ему—охота поймать руками да мучить. Только хотѣлъ онъ руками схватить за шею, обернулся звѣрь да коню и разорвалъ брюхо. А все таки онъ его поймалъ. Конь пропалъ (т. е. издохъ), а со звѣря онъ съ живого шкуру содралъ. Иртокшинъ остался безъ коней, домой пришелъ пѣшимъ.

Родились эти звѣри такъ. Были старикъ со старухой, у нихъ дѣтей не было. Полѣзъ онъ по камнямъ къ турпаньему [3]) гнѣзду доставать яйца. Глядитъ: яицъ нѣтъ, а лежитъ щененокъ маленькій, бѣлый. Взялъ старикъ этого щенчишку, привезъ домой, кормить сталъ, имя далъ ему Ат-полызы-Уайкосъ-Агадай, вырастилъ его вполнѣ. У этого старика стали давить скотъ два волка: волкъ и волчица. Кони у него хорошіе, а догнать онъ этихъ звѣрей никакъ не можетъ; куда бы ни угналъ ихъ, все къ нему возвращаются, скота давятъ. Однажды услышала его бѣлая собака, что ночью эти звѣри скота давятъ. Пустилась ихъ гнать; они—прочь. Эту ночь гнала ихъ собака, день насталъ, день гонитъ: они убѣжать не могутъ, а собака все приближается Цѣлый день еще гнала ихъ, вотъ ужъ близко, котораго нибудь схватить хочетъ. Волкъ и говоритъ ей: «не губи ты меня, силъ нѣтъ; вотъ возьми мою жёнку, только оставь живого».

---

[1]) Куня—остроконечный холмъ на берегу Енисея, недалеко отъ впаденія Абакана.
[2]) Большой, Средній и Малый Сыры, а также База—притоки Абакана.
[3]) Турпанъ—крупная порода утокъ (Anas), гнѣздящаяся въ скалахъ.

Думалъ бѣлый кобель, согласился: жену, если даешь, оставлю тебя живого. Остановился кобель, и звѣри остановились. Разговорились. Кобель взялъ волчицу, возвратился домой съ ней, а волкъ больше не возвращался, скота не давилъ. Возвратился къ хозяину бѣлый кобель, сталъ съ волчицей жить, и родились отъ нихъ эти 7 волковъ сѣрыхъ, восьмой черный, лысый.

Канза былъ сильный человѣкъ. Конь у него былъ мухортый. Онъ въ Кызыляхъ [1]) вмѣсто царя былъ. Не сталъ русскому царю подати платить: не стану. Государь приказалъ заковать его какимъ ни есть образомъ, привесть въ Краснояръ. Никакъ его взять нельзя было — ни войскомъ, ни чѣмъ. Русскіе члены ухитрились такъ сдѣлать: разоставили по улусамъ водку. «Пускай пріѣдетъ Канза, пьетъ, мы съ него дань не требуемъ». Натыкался на это вино Канза, начиналъ пить. День пьетъ, два пьетъ, три, 4—5—6—7 дней пьетъ, на восьмыя сутки свалился Канза—уснулъ. Русскіе члены пріѣхали, соннаго его взяли, увезли на Енисей. Плотъ у нихъ былъ приготовленъ, на плотъ его положили, растянули, скобками всего заковали. Отплыли они нѣсколько, проснулся Канза. Видитъ: —закованъ, руки и ноги пошевелить не можетъ. Смотритъ:—по надъ берегомъ ходитъ сохатый (лось). - «Вы, говоритъ, отпустите мнѣ правую руку, я вамъ этого сохатаго своей стрѣлой застрѣлю». Они взяли, правую руку ему ослобонили, стрѣлу-лукъ ему дали, онъ этой стрѣлой сохатаго убилъ. Пристали къ берегу. «Ступайте, говоритъ, снимайте шкуру, мясо сюда тащите». Весь народъ ушелъ. Тогда онъ всѣ скобки свободной рукой повыдергалъ, пришелъ къ нимъ, они только начинаютъ снимать шкуру со звѣря. Пособилъ снять, мясо-шкуру взялъ на плечо Канза, пошелъ на плотъ. Положилъ. —«Ну, ступайте—говоритъ—съ Богомъ; эта шкура пусть сойдетъ за подати, а мясо отдайте правителю на закуску!» Самъ отправился домой.

Черезъ годъ эти члены опять разоставили вино по улусамъ—пускай Канза пьетъ. Вино, понятно,—кабашное. Сами удалились. Натыкался на это вино Канза. «Буду—говоритъ—я пить, чего они со мной сдѣлаютъ». Пилъ до 7 сутокъ, опять свалился. Члены пріѣхали, взяли его вторительно, такимъ же родомъ приковали. Проснулся онъ черезъ нѣсколько времени, видитъ:—вторительно закованъ. Теперь ужь его не отпускаютъ, и самъ знаетъ, что закованъ крѣпко, не отпустятъ. Плылъ такъ Канза и пѣсни пѣлъ. Про своихъ младшихъ братьевъ—Кагдыгашъ и Тигдибешъ пѣлъ Канза.

«На свободѣ, по міру ходилъ Канза, всѣмъ хорошъ былъ. А теперь въ бѣдѣ я вмѣсто діавола. Ой, себя винить надо, Канза!

На привязаннаго коня кто не сядетъ, похмѣльнаго молодца кто не осилитъ! Съ сѣдломъ на коня кто не вскочитъ, пьянаго парня кто не поймаетъ!

Когда-то соберется мой Кагдыгашъ подтянуть ременную двойную подпругу, гдѣ ему пріѣхать! Съ желѣзнымъ стременемъ мой Тигдибешъ, когда онъ пріѣдетъ»!

Въ Краснояръ привезли, повѣсили Канзу. Померъ.

О Канзѣ же сохранился слѣдующій разсказъ.

У Канзы разъ отецъ-старикъ на дворѣ дрова рубилъ. Откуда ни явился молодой парень, подходитъ къ старику. Смотритъ,—старикъ ударитъ топоромъ, топоръ весь въ лѣсину уходитъ. Онъ старика похлопалъ ладонью. «О-о, старикъ—говоритъ—молодой видно былъ, была видно сила въ тебѣ. Дѣдушка, давай поборемся!» Старикъ не отказался, началъ бороться съ молодымъ парнемъ. Парень поднялъ старика, бросилъ, земля загремѣла. Смотритъ,—изъ юрты выходитъ человѣкъ—и смотрѣть на него страшно — (это самый этотъ Канза и былъ). «Кто это, говоритъ, старика, эдакого дряхлаго пня обижаетъ? Подходи-ка ко мнѣ, молодецъ». Молодой парень не знакомится, не подходитъ; спрашиваетъ: это ты—Канза.—«Я».—Я съ тобой не могу бороться; если сдѣ-

[1]) Кызыльцы—инородч. племя, обитающее и нынѣ въ Ачинскомъ уѣздѣ, Енисейской губерніи, смежно съ качинцами и сагайцами.

ладъ неладно, извини.—«Ну, ладно, извиняю; только найди борца со мной бороться, а не найдешь, я тебя не отпущу». Молодой парень говоритъ: есть человѣкъ на Абаканѣ съ саврасымъ конемъ, койбальскій, имя—Ирчинэкъ.

Побились объ закладъ Канза съ Ирчинэкомъ, биться отложили. Только разъ сошлись они на свадьбѣ на Усть-Биджѣ, народъ просилъ ихъ бороться, они и согласились. Вывели ихъ на лугъ, постлали подъ нихъ кошемъ, сшитыхъ въ три ряда. Но только кто-то изъ нихъ другого бросилъ, тотъ упалъ на бокъ, локтемъ въ землю ушелъ черезъ три кошмы на три четверти. Народъ испугался, разнялъ ихъ. Вторительно имъ о закладъ бороться не удалось,—Канзу увезли въ Красноярскъ.

Ирчинэкъ былъ койбальскій богатырь, конь у него—саврасый, жилъ на Усть-Камыштѣ [1]). Подати никуда не платилъ. Старшій братъ у него былъ—Изэрэкъ, такъ обыкновенный паренекъ, язышный такой (т. е. болтливый, пустомеля), безсильный. Была разъ свадьба. И пріѣхали какъ разъ въ это время монгольскіе, съ нихъ брать дань захотѣли. Этотъ Изэрэкъ на нихъ горячку поретъ, они ужь серчать стали, собираются отдуть этого Изэрэка. Вдругъ смотрятъ монголы, снизу народъ ѣдетъ, между имъ человѣкъ ѣдетъ на саврасомъ конѣ, видятъ: богатырь, и никогда они такого человѣка не видали. Изэрэкъ увидалъ народъ, еще пуще кричитъ; они ужь ничего не говорятъ. Доѣхалъ народъ, а мужики какъ разъ въ это время съ порозомъ мучатся: колоть надо, а приспособиться сдѣлать это не могутъ. Слѣзаетъ Ирчинэкъ съ коня, коня не привязываетъ, подошелъ къ мужикамъ, взялъ этого пороза за рога, голову пополамъ разорвалъ. Моолы эти испугались, сѣли на коней и уѣхали.

Ирчинэкъ этотъ изъ Красноярска захватитъ коня и угонитъ, и никто ничего подѣлать съ нимъ не можетъ; воръ былъ. Выхвалились два солдата, мы де Ирчинэка убьемъ, пускай онъ скота угонитъ побольше. Взяли они ружья—поѣхали; на тропѣ, гдѣ Ирчинэкъ гонитъ скота, обогнали они его въ тайгѣ и виду ему не дали. Въ тайгѣ была ручейка, два солдата тутъ дождались. Скотъ спустился на водопой, напился, прошелъ тропой дальше. Ирчинэкъ ѣдетъ раздѣвшись, нагой. Подъѣхалъ къ ручейкѣ, конь пьетъ воду, день былъ жаркій. Приготовились эти два солдата, въ одинъ голосъ его шоркнули: стрѣльцы были не плохіе. Тутъ онъ и свалился. Два солдата возвратились, говорятъ: мы убили Ирчинэка.—А чего вы съ него привезли?—Ничего не привезли.—Такъ врете вы, мошенники! Эти два солдата бросились назадъ, гдѣ свалился Ирчинэкъ, руку отрѣзали да привезли показать въ Красноярскъ. Смѣрили: рука была въ три аршина.

У Южена конь былъ мухортый, у сына (имя ему было Чанъ) конь былъ соловой, а у самого силы много меньше отцовскаго было. Высваталъ Юженъ за сына дочь у Моола, отправилъ отсюда, съ Абакана, сватовъ, свахъ, своего коня ѣхать далъ, самъ остался дома. У Моола въ то время конь рыжій былъ со звѣздой, чужого рода Кётшь Бозрогата. Поѣхали, свадьбу сыграли. Моолъ отправляетъ дочь, подаетъ рыжаго коня дочери; боится онъ Южена—страшенный, зловредный человѣкъ! Боится на худомъ конѣ отправлять, а рыжій конь въ славѣ. Народъ подъ Куней, у трехъ камней, остановился охолодить лошадей. Мужики разговорились:—у Южена мухортый въ славѣ, у Моола—рыжка въ славѣ, давайте мы ихъ испытаемъ!—Посадили сѣдоковъ въ Усть-Еси, взадъ и впередъ. Пустили, рыжій пошелъ впереди. Кони убѣжали изъ виду, народъ на гору вышелъ. Смотрятъ: черезъ нѣсколько времени бѣгутъ назадъ; съ Усть-Камышты поднялись, невѣста увидала—у рыжки лобъ свѣтитъ, передомъ идетъ. Сюда до мѣста добѣжали, мухортый надавилъ, догналъ близко, а обогнать не могъ. Затѣмъ собрались и поѣхали на Сухую Ербу, гдѣ жилъ Юженъ.

Пріѣхали, Юженъ сталъ свадьбу играть. Только черезъ двое сутокъ Юженъ

[1]) Камышта—притокъ Абакана.

говоритъ:—«да, у Моола рыжка — въ славѣ, здѣсь мухортый—въ славѣ, попробовать надо». А одинъ молодецъ и скажи: да мы ихъ пробовали: отъ Камышты до Усть-Еси рыжка передомъ шелъ, ну, мухортый надавилъ, обогнать только не смогъ. Услышалъ эти рѣчи Юженъ, ни слова не молвилъ, обернулся къ сундуку, сидитъ. Монгольскіе сваты: «ну, ребята, дѣло не ладно! Страшенный, худой человѣкъ! Зачѣмъ было сказывать, хватимъ горя». Скоро собрались, уѣхали.

Юженъ просидѣлъ двое сутокъ, всталъ, говоритъ сыну:—да, у твоего тестя рыжка силенъ, отъ моего мухортаго убѣжалъ. Ну-ка, сынокъ, собирайся, сами испытаемъ: у кого силы больше—у него или у насъ. — Охъ, отецъ, сейчасъ взяли мы дочь, какъ мы воевать съ нимъ станемъ?—Тебѣ тестя жалко, уѣзжай, садись на соловка, выѣзжай въ степь, биться будемъ.—Дѣваться некуда, надо сѣдлать, биться съ отцомъ.—Выѣхали въ поле, Юженъ пустилъ коня въ махъ, убѣжалъ вонъ изъ вида, а сынъ остался въ полѣ. Черезъ нѣсколько времени смотритъ сынъ: идетъ дымъ столбомъ, мухортый бѣжитъ, земля дрожитъ. Юженъ саблю поднялъ высоко, какъ добѣжалъ, ударилъ сына да мимо—землю разсѣкъ. Должно быть, пожалѣлъ. Домой воротился, собралъ войско, уѣхали съ сыномъ воевать съ Мооломъ. Пріѣхалъ Юженъ съ войскомъ въ страну Моолову, расположился на полѣ, не доѣзжая. Свата своего монгольскаго скота бьетъ, колетъ, ѣстъ. Сватъ посылаетъ посла, почему онъ на полѣ расположился; если куда ѣдетъ, пусть заѣдетъ съ войскомъ: я здѣсь напою, накормлю народъ его. Посолъ эти рѣчи говоритъ Южену, а ему не нравится. Посолъ возвращается. На другой день ѣдутъ два посла, кланяются. Онъ не глядитъ, ни слова, скота колетъ да ѣстъ со своимъ народомъ. До семи дней каждый день Моолъ посылалъ, потомъ по три человѣка: слова не могли добиться. Тогда Моолъ снарядилъ хорошихъ молодцевъ украсть ночью двухъ этихъ коней—мухортаго и рыжку. Хорошіе молодцы поѣхали ночью, увели коней. Моолу нечего дѣлать, смѣлѣй сталъ; надо, говоритъ, воеваться. Собралъ войско, вышелъ противъ Южена. Эти на конѣ, а Юженъ съ сыномъ пѣшкомъ, и начали биться. Бились, бились, Южену черепъ съ головы ссѣкли, съ головы мозгъ бѣгетъ на глаза, куда попало, а онъ утрется да бьется. Послѣ ужь свалился. Сынъ подбѣжалъ со слезами, сѣлъ на отца верхомъ, по изсѣченной головѣ бьетъ: не слушалъ отецъ моихъ словъ, ну, теперь каковъ! И ты пропалъ, и мнѣ тоже самое будетъ! Затѣмъ Моолъ велѣлъ Южену грудь разрѣзать. Разрѣзали ему грудь, посмотрѣли сердце, а оно шерстью обросло. Моолъ и говоритъ сыну Южена: «Юженъ—какой злодѣй, у него сердце въ шерсти, и ты такой же будешь, кобель!» Остервился Моолъ, зять воетъ--плачетъ:—я не такой, честный, ослобони.—Не уважили просьбу, убили и зятя.

Е. Яковлевъ.

ОТДѢЛЪ IV.

Вопросы и отвѣты.

Руководство для собиранія свѣдѣній о крестьянскихъ постройкахъ.

Въ виду того важнаго значенія, которое имѣетъ въ дѣлѣ изученія культурныхъ явленій народа изслѣдованіе жилищъ, Этнографическое Отдѣленіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества признаетъ необходимымъ собрать и обработать матеріалы по исторіи развитія крестьянскихъ построекъ въ Россіи (какъ коренного ея населенія, такъ и инородческаго), а равно въ другихъ земляхъ, заселенныхъ славянскимъ племенемъ. Съ этою цѣлью Этнографическое Отдѣленіе обращается съ просьбою ко всѣмъ интересующимся отечественнымъ и вообще славянскимъ народовѣдѣніемъ, не пожелаютъ ли они удѣлить часть своего досуга на составленіе подробнаго, по возможности, описанія деревенскихъ зданій, какъ служащихъ для жилья, такъ и для хозяйственныхъ надобностей *). Для облегченія труда при семъ прилагаются краткое руководство и тѣ вопросные пункты, по которымъ отвѣты особенно важны, принаровленные преимущественно къ изученію построекъ осѣдлаго населенія Россіи. Къ изложенному Этнографическое Отдѣленіе считаетъ нужнымъ присовокупить, что весьма желательнымъ представляется доставленіе вмѣстѣ съ отвѣтами на вопросные пункты или самостоятельнымъ подробнымъ описаніемъ построекъ—и фотографическихъ снимковъ послѣднихъ или рисунковъ отъ руки, а также плановъ расположенія отдѣльныхъ помѣщеній въ жилыхъ зданіяхъ.

*) Этнографическое Отдѣленіе проситъ не стѣсняться количествомъ матеріала и наблюденій, такъ какъ даже самое скромное описаніе построекъ данной мѣстности, при скудости наличнаго матеріала, является весьма цѣннымъ. Присылка въ Отдѣленіе описанія даже одной постройки будетъ принята съ полною признательностью.

Поставляемыми ниже вопросами не исчерпывается все то, что, въ видахъ полноты матеріаловъ, желательно знать о данныхъ постройкахъ. Напротивъ того, приводимыми ниже вопросами скорѣе имѣется въ виду лишь отмѣтить, въ какомъ направленіи должно идти наблюденіе надъ постройками осѣдлаго населенія и ихъ изученіе, подспорьемъ къ которому должно служить настоящее руководство. Поэтому всякаго рода подробности, въ вопросныхъ пунктахъ не отмѣченныя, могутъ быть приняты Отдѣленіемъ лишь съ полнымъ вниманіемъ и благодарностью.

Крестьянскія постройки обнаруживаютъ значительное разнообразіе по отдѣльнымъ мѣстностямъ въ связи съ особенностями почвы, климата, строительнаго матеріала, условій быта, благосостоянія и т. п. Поэтому необходимымъ является отмѣтить, въ какой губерніи (области), въ какомъ уѣздѣ (округѣ) и въ какомъ селѣ или деревнѣ сдѣлано данное наблюденіе. Важными представляются и свѣдѣнія о томъ, какой народности принадлежитъ та или иная постройка, въ виду того, что на характерѣ ея могутъ отпечатлѣться какъ народные вкусы, такъ и привычки, вынесенные изъ временъ, предшествовавшихъ новѣйшимъ культурнымъ воздѣйствіямъ.

Среди крестьянскихъ строеній Россіи встрѣчаются зданія, весьма разнообразныя въ отношеніи какъ архитектурныхъ достоинствъ, такъ и большей или меньшей сложности даннаго сооруженія. Въ усовершенствованныхъ хозяйствахъ жилыя постройки, соединенныя иногда съ постройками для хозяйственныхъ надобностей въ одно органическое цѣлое, представляются нерѣдко очень сложными. На ряду съ этимъ сохранились простѣйшаго типа избы или хозяйственныя строенія. Для изученія построекъ вообще наблюденія надъ всѣми ихъ родами: богатыми и бѣдными, старыми и новыми, сложными и первобытными представляются одинаково цѣнными.

Терминологія крестьянскихъ построекъ въ Россіи и ихъ отдѣльныхъ частей довольно сложна; при этомъ въ разныхъ мѣстностяхъ тѣ или другія помѣщенія (жилыя или для хозяйственныхъ цѣлей) или части ихъ носятъ разныя наименованія. Поэтому

для изученія исторіи развитія построекъ представляется очень важнымъ точно отмѣтить употребляемые въ данной мѣстности термины (названія). Въ мѣстностяхъ, заселенныхъ инородцами, названія должны быть записаны на ихъ языкѣ, а въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ—на мѣстныхъ разговорныхъ языкахъ.

Подойдя къ постройкѣ, имѣющей быть описанною, слѣдуетъ прежде всего опредѣлить, какъ она называется мѣстными крестьянами и для чего она служитъ: для жилья или въ качествѣ сооруженія хозяйственнаго или, наконецъ, для обѣихъ потребностей одновременно. Затѣмъ надлежитъ отмѣтить, изъ какого матеріала она сдѣлана. Въ отношеніи послѣдняго желательны подробныя записи, такъ, напр.: сложена ли постройка изъ неотесанныхъ или отесанныхъ бревенъ, обшита ли она тесомъ или нѣтъ, не обкладывается ли она на зиму соломой или другимъ матеріаломъ для тепла.

Обращаясь къ внѣшнему виду постройки и его особенностямъ, слѣдуетъ отмѣтить, имѣется ли завалинка, завалина, привалинка. Далѣе, подлежатъ описанію (если имѣются): крыльцо, терраса, балконъ, галлерея и тому подобныя сооруженія, съ указаніями мѣстныхъ терминовъ. Въ частности въ отношеніи крыльца надо отмѣтить: глухое оно или открытое, крытое или нѣтъ, высокое со ступенями или низкое, и какъ оно примыкаетъ къ постройкѣ: по длинѣ, подъ прямымъ угломъ или инымъ образомъ.

Постройка можетъ покоиться непосредственно на землѣ или же на фундаментѣ. Въ послѣднемъ случаѣ слѣдуетъ установить, изъ какого матеріала онъ сложенъ. Засимъ, надлежитъ обратить вниманіе на входную дверь и отмѣтить, гдѣ она находится: именно со стороны ли фронтона (щипца, щита, т. е. узкой стороны) или съ длинной стороны и куда она выходитъ: на улицу, дворъ, къ сосѣду или (если обычно) на югъ, сѣверъ и т. д.

Важнымъ представляется отмѣтить и число и расположеніе оконъ, а именно: сколько ихъ со стороны фронтоновъ (щипцовъ, щитовъ), сколько съ длинныхъ сторонъ и сколько въ частности справа и слѣва отъ входной двери. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ окна носятъ въ связи съ ихъ величиной, формой и отдѣлкой разныя названія, напримѣръ: красныя, узорчатыя, косящатыя, слуховыя, волоковыя и т. д. Далѣе,—окна могутъ быть задѣланы рѣшеткой или имѣть одностворчатыя или двустворчатыя ставни или запоры; онѣ могутъ имѣть рамы или быть лишен-

ными ихъ; могутъ открываться въ одинъ или два раствора или же рамы могутъ быть сдвижныя, въ частности: въ сторону или на верхъ; рамы могутъ состоять изъ нѣсколькихъ равныхъ или неравныхъ частей и т. д. и т. д. Эти особенности, какъ и связанные съ ними термины, подлежатъ равнымъ образомъ записи, какъ и величина оконъ и присутствіе или отсутствіе рѣзныхъ или иныхъ украшеній.

Въ отношеніи рѣзныхъ украшеній надо имѣть въ виду, что они во многихъ мѣстностяхъ Россіи очень развиты и распространены. Будучи наглядными выразителями художественныхъ чувствъ и понятій даннаго населенія, рѣзныя украшенія, какъ и украшенія всякаго другаго рода, хотя и не относятся собственно къ типамъ построекъ, но представляютъ свой особый интересъ. Поэтому подробное описаніе указанныхъ украшеній (на домѣ, крышѣ, воротахъ) съ воспроизведеніемъ ихъ въ рисункахъ представляетъ крупное значеніе и, при возможности, не должно быть упускаемо изъ вида, равно какъ и описаніе формы столбовъ, перилъ и другихъ частей зданія, носящихъ слѣды рѣзца.

Далѣе, въ отношеніи наружнаго вида постройки слѣдуетъ обратить вниманіе на крышу, отмѣтивъ, изъ какого матеріала она сдѣлана. По своей формѣ крыша можетъ быть круглой, многоугольной или въ одинъ или въ нѣсколько скатовъ. Въ послѣднемъ случаѣ: двускатной, трехскатной, четырехскатной. Если четырехскатная крыша состоитъ изъ равныхъ сторонъ, то она пирамидальна. Такая крыша свойственна зданіямъ съ квадратнымъ основаніемъ. Въ большинствѣ же случаевъ четырехскатная крыша образуетъ шатеръ съ ребромъ (конькомъ), при чемъ четырехугольныя части ея, спускающіяся къ длиннымъ сторонамъ постройки, значительно больше трехугольныхъ, спускающихся къ фронтонамъ и называющихся вальмами. Вальмы эти могутъ сохраняться въ видѣ бо̀льшихъ или меньшихъ рудиментовъ (т. е. зачаточныхъ частей) и въ двускатныхъ (щипцовыхъ) крышахъ. Наконецъ, крыша можетъ быть крутая или отлогая, можетъ въ бо̀льшей или въ меньшей степени выступать надъ зданіемъ, образуя такъ называемые отливъ и относъ. Всѣ эти особенности крыши подлежатъ записи съ указаніемъ мѣстныхъ терминовъ. Большой интересъ представляетъ и способъ установки стропилъ и ихъ крѣпленія. Поэтому мѣстные способы постройки крыши и ихъ покрытія, по возможности, подлежатъ записи.

Жилое зданіе, какъ и примыкающія къ нему хозяйственныя постройки, могутъ стоять свободно или же онѣ могутъ быть окруженными оградой, заборомъ, плетнемъ. При наличности этихъ сооруженій необходимо точнѣе описать ихъ: какъ примыкаютъ они къ зданіямъ, изъ какого матеріала сдѣланы, какой, приблизительно, высоты, гдѣ находятся ворота, имѣется ли калитка и т. д.

Обращаясь собственно къ жилой постройкѣ, слѣдуетъ имѣть въ виду, прилегаетъ ли она къ хозяйственному строенію или нѣтъ. Если къ жилому дому примыкаетъ послѣдняго рода постройка, то надлежитъ отмѣтить, какая именно: сѣноволъ, сарай, конюшня, гумно и т. п., а равно записать, какъ эта постройка примыкаетъ къ жилью: подъ угломъ, въ одну линію—по длинѣ или по ширинѣ дома и соединена ли она внутреннимъ ходомъ съ жильемъ.

Жилое зданіе бываетъ у нашихъ крестьянъ не рѣдко двухэтажнымъ. Въ этомъ случаѣ оно часто очень сложно. Кромѣ сѣней, клѣти или горницы и избы имѣются: подполье, подклѣть, мшаникъ, теремъ и т. п. пристройки. Точное описаніе ихъ съ занесеніемъ мѣстныхъ наименованій представляется необходимымъ. Не вдаваясь здѣсь во всѣ подробности и варіаціи, которыя могутъ обнаружиться въ двухэтажномъ домѣ (напримѣръ, выступаніе верхняго этажа надъ нижнимъ), слѣдуетъ отмѣтить, что и онъ, несмотря на явные признаки развитаго строительнаго искусства, несетъ весьма нерѣдко слѣды сѣдой старины и связанныхъ съ нею первобытныхъ особенностей.

Въ жилой постройкѣ чердачное помѣщеніе можетъ быть отдѣлено собственно отъ комнатъ потолкомъ или же оно можетъ свободно открываться, представляя съ комнатами одно пространство. Въ первомъ случаѣ чердачное помѣщеніе имѣетъ обыкновенно свое особое назначеніе, выяснить которое представляется интереснымъ, въ связи съ вопросами о томъ, какъ проникаютъ въ такое чердачное помѣщеніе и освѣщено ли оно особыми окнами, просвѣтцами, люками и т. п.

Одной изъ важной добавочной частью жилой постройки нерѣдко является подвалъ. Описаніе его не должно быть упускаемо изъ вида. Если онъ тѣсно связанъ съ жилымъ зданіемъ, то необходимо отмѣтить, какъ въ него проникаютъ: съ отдѣльнаго лц хода, и въ частности: съ улицы, со двора, съ сада, огорода и т. д.

или изъ сѣней, или изъ комнаты, кладовой; имѣетъ ли подвалъ съ наружнымъ ходомъ ограду, навѣсъ; помѣщается ли въ немъ ледникъ; для чего служитъ подвалъ вообще и, въ частности, ледникъ и какъ они называются мѣстными крестьянами.

Что касается внутренняго устройства жилой постройки, то въ этомъ отношеніи надлежитъ имѣть въ виду, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ или по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ лицъ данной мѣстности жилое зданіе можетъ состоять изъ одного помѣщенія. Оно одновременно служитъ и кухней, и комнатой для жилья. Въ другихъ случаяхъ собственно жилое помѣщеніе выдѣлено отъ кухни и вся постройка представляется двухкамерной или же кухня отдѣлена не доходящей до потолка перегородкой. Затѣмъ, можетъ идти дальнѣйшая дифференціація (развитіе, выдѣленіе) отдѣльныхъ помѣщеній, приспособленныхъ къ разнымъ потребностямъ семьи. Всѣ эти типы построекъ представляютъ свой особый интересъ и прослѣдить ихъ параллельно (на ряду другъ съ другомъ) въ одной мѣстности является особенно желательнымъ. Въ связи съ расположеніемъ отдѣльныхъ комнатъ стоитъ и расположеніе оконъ въ постройкѣ. Поэтому необходимо отмѣтить, сколькими окнами освѣщена та или другая комната, для чего она служитъ, какое носитъ наименованіе, какъ примыкаетъ къ сосѣднимъ и какъ соединяется съ ними при посредствѣ дверей.

При описаніи внутренняго устройства постройки не слѣдуетъ упускать изъ вида, какъ она отопляется. Простѣйшимъ способомъ отопленія является устройство очага, служащаго не только для согрѣванія помѣщенія, но и для изготовленія пищи. Наряду съ нимъ можетъ однако существовать и особая постоянная или временная (на зиму) печка, иногда совершенно замѣняющая очагъ. Затѣмъ, могутъ существовать двѣ или нѣсколько печей, при чемъ одна служитъ для приготовленія пищи, а другая или нѣсколько другихъ собственно для отопленія. Печка можетъ быть снабженная каменной трубой, выводящей дымъ непосредственно наружу, но труба можетъ и отсутствовать. Въ послѣднемъ случаѣ дымъ входитъ въ жилое помѣщеніе и выводится наружу при посредствѣ особаго отверстія или деревянной трубы (дымникъ), съ печкой не связанной. Такая топка (по черному) можетъ существовать параллельно съ болѣе усовершенствованной печью или на ряду съ очагомъ. Наконецъ, топка печи можетъ находиться въ другой комнатѣ, чѣмъ та, въ которой помѣщается печь; послѣдняя можетъ

замѣняться каминомъ. Отмѣтить всѣ эти особенности при описаніи внутренняго устройства постройки весьма желательно.

Равнымъ образомъ желательно подробное, по возможности, описаніе устройства потолка и пола, а именно: какъ сложенъ тотъ и другой, изъ какого матеріала, во всѣхъ ли помѣщеніяхъ даннаго жилья полъ и потолокъ одинаковы, не поддерживается ли потолокъ особой балкой, положенной горизонтально или стоящей вертикально и т. д.

При дифференціаціи отдѣльныхъ комнатъ можетъ существовать особое помѣщеніе для обѣденнаго стола. Однако столъ этотъ можетъ находиться въ комнатѣ, служащей и для другихъ надобностей. Во всякомъ случаѣ необходимо точно отмѣтить, гдѣ данная семья обѣдаетъ и гдѣ (на какой сторонѣ или въ какомъ углу) помѣщается обѣденный столъ и въ какомъ порядкѣ сидятъ за столомъ отдѣльные члены семьи. Надъ послѣднимъ могутъ размѣщаться образа. Однако, главныя иконы или большинство ихъ могутъ находиться, напримѣръ, въ сѣняхъ. Кромѣ того, образа могутъ быть во всѣхъ комнатахъ. Точныя и въ этомъ отношеніи записи представляются интересными.

Далѣе, дифференціація отдѣльныхъ помѣщеній приводитъ къ устройству особыхъ комнатъ въ качествѣ спаленъ. Ихъ, конечно, можетъ и не быть, и члены семьи могутъ спать въ той же комнатѣ, гдѣ обѣдаютъ или размѣщаться на ночлегъ въ разныхъ помѣщеніяхъ. Во всякомъ случаѣ нужно выяснить, гдѣ принято спать, и въ частности: въ лѣтнее и зимнее время. Важнымъ представляется отмѣтить и на чемъ спятъ члены семьи: на кроватяхъ, постилкахъ, лавкахъ, на нарахъ, на палатяхъ, на печи и т. д., и гдѣ помѣщаются эти предметы.

Засимъ, въ отношеніи внутренняго устройства жилья интереснымъ является выяснить весь инвентарь его. Въ случаѣ трудностей подробнаго описанія возможно ограничиться главнѣйшими указаніями размѣщенія шкафовъ, поставцевъ, полокъ, съ отмѣтками, для чего эти приспособленія служатъ. Далѣе, надлежитъ записать, гдѣ хранятся: кухонная утварь, нужнѣйшіе припасы, цѣнныя вещи, деньги, а равно, имѣется ли при жильѣ, въ немъ или около него, отдѣльное отхожее мѣсто или соотвѣтственное приспособленіе.

Что касается хозяйственныхъ построекъ, то было уже отмѣчено, что онѣ могутъ сливаться съ постройками для жилья

или тѣсно примыкать къ нимъ. Но хозяйственныя постройки, въ связи съ тѣмъ, чему онѣ служатъ, могутъ быть расположены вдали отъ жилья: напримѣръ, на полѣ, на лугу, въ лѣсу, на рѣкѣ, озерѣ или морѣ. Отмѣтить мѣсто нахожденія данныхъ построекъ необходимо, равно какъ и ихъ назначеніе: напримѣръ, для склада сѣна и зерна, или для копченія и сушенія рыбы, или въ качествѣ конюшни, хлѣва, гумна, или для выжимки винограда и т. п. Необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ прибавить, служитъ ли данная хозяйственная постройка въ извѣстныхъ случаяхъ и какихъ именно для жилья.

Кромѣ зданій для жилья и хозяйственныхъ нуждъ могутъ существовать постройки, служащія другимъ цѣлямъ. Одной изъ характернѣйшихъ построекъ въ этомъ отношеніи является баня, точное описаніе внѣшняго и внутренняго устройства которой представляется весьма желательнымъ.

Въ дополненіе къ сказанному не лишнимъ представляется отмѣтить, что въ крестьянскомъ быту наряду съ постоянными зданіями часто воздвигаются постройки временныя. Такія постройки, имѣющія всегда въ виду опредѣленныя цѣли, въ связи съ даннымъ временемъ года, или съ потребностью даннаго лица, или данной группы лицъ сооружаются нерѣдко наскоро, изъ матеріала, для постоянныхъ зданій не употребляемаго и отличающагося отъ обычныхъ зданій вида. Эти временныя сооруженія, какъ то: баракъ, шалашъ, землянка, сторожка, навѣсъ, балаганъ, домикъ для плугарей и т. п., служащія для жилья или для иныхъ надобностей, представляютъ свой особый и, притомъ, выдающійся интересъ. Онъ заключается въ томъ, что въ указаннаго рода сооруженіяхъ часто воспроизводятся, хотя и безсознательно, тѣ древнія формы построекъ, которыя нѣкогда были обычными, но съ теченіемъ времени вытѣснены новыми, болѣе цѣлесообразными (для постоянныхъ зданій) формами. Поэтому возможно подробное описаніе и временныхъ построекъ является весьма желательнымъ.

Далѣе, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что хозяйственныя цѣли иногда вынуждаютъ крестьянина прибѣгать къ сооруженіямъ, не подходящимъ, строго говоря, къ понятію о постройкахъ. Такъ, напримѣръ, просушка сноповъ, кормовыхъ травъ или иныхъ продуктовъ сельскохозяйственнаго труда производится на шестахъ (или въ стогахъ, скирдахъ), на рамахъ или тому подоб-

ныхъ, часто болѣе сложныхъ, приспособленіяхъ. Въ виду того, что послѣднія служатъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ переходными формами къ своеобразнымъ сооруженіямъ, переходящимъ въ свою очередь въ хозяйственныя постройки или части ихъ, то и помянутыя приспособленія, равно какъ и способъ укладки сноповъ (крестцы, боровки, обноса), подлежатъ, въ виду указаннаго ихъ интереса, точному, по возможности, описанію, съ отмѣтками о мѣстныхъ наименованіяхъ.

Описаніе всѣхъ указанныхъ формъ сооруженій не можетъ представляться достаточно яснымъ безъ рисунковъ или фотографическихъ снимковъ (хотя бы и не вполнѣ удачныхъ) и плановъ *) устройства (хотя бы наведенныхъ и въ общихъ чертахъ). Особый планъ желателенъ и въ томъ случаѣ, когда всѣ постройки или часть ихъ составляютъ отдѣльный дворъ. Интереснымъ, равнымъ образомъ, является знать, расположены ли дворы особнякомъ или они группируются въ деревню, село, поселокъ и тянется ли данное селеніе вдоль дороги или разбросано безъ видимаго порядка, образуя рядъ улицъ и переулковъ. Затѣмъ, далеко не безъинтереснымъ представляется отмѣтить, считается ли селеніе стариннымъ или нѣтъ и, въ частности, не сохранилось ли воспоминаній о происхожденіи его вслѣдствіе выселенія изъ той или другой губерніи, области, страны и т. п. Общій планъ данной мѣстности представляется тоже желательнымъ. Въ случаѣ неудобствъ, его можетъ замѣнить общее описаніе: находится ли селеніе на берегу рѣки, на сліяніи двухъ рѣкъ, на главномъ трактѣ; имѣется ли по близости городище, курганы, древнія могилы; мѣстность лѣсистая ли, гористая, холмистая, степная. Наконецъ, не лишнимъ представляется присовокупить, какое обычное занятіе крестьянъ: хлѣбопашество, скотоводство, садоводство, огородничество, рыболовство и т. п.; развиты ли отхожіе промыслы и кустарныя издѣлія, извозъ и торговля; владѣніе общинное или подворное и т. д.

Въ соотвѣтствіи съ изложеннымъ, ниже приведены главнѣйшіе вопросы для облегченія собиранія матеріала.

1) Какъ называется на мѣстѣ данная постройка?

---

*) Фотографическіе снимки и рисунки желательны преимущественно двоякаго рода: со стороны фронтона (щипца) и съ длинной стороны, а именно съ той, гдѣ находится входная дверь. Что касается плана, то на немъ необходимо отмѣтить: всѣ комнаты и другія помѣщенія, двери, окна, очагъ, печи, обѣденный столъ и т. п.

2) Для чего она служитъ?

3) Изъ какого матеріала сдѣлана: а) постройка и б) ея крыша?

4) Имѣется ли заборъ, ограда, плетень?

5) Имѣется ли крыльцо (глухое, закрытое, открытое, съ навѣсомъ, съ крышею), балконъ, терраса, галлерея, завалинка, привалинка, и какъ называются эти пристройки?

6) Имѣется ли отдѣльный фундаментъ, изъ какого матеріала и какъ онъ (фундаментъ) называется?

7) Находится ли входная (наружная) дверь со стороны фронтона (щипца) или съ длинной стороны?

8) Куда выходитъ входная дверь: на улицу, на дворъ, къ сосѣду и т. д.?

9) Сколько оконъ: а) съ фронтона и съ длинныхъ сторонъ и б) справа и слѣва отъ входной двери; какъ они открываются и имѣютъ ли ставни, запоры, рамы?

10) О сколькихъ скатахъ крыша и, если двускатная, имѣются ли со стороны фронтоновъ вальмы?

11) Примыкаетъ ли жилое помѣщеніе къ хозяйственной постройкѣ (или банѣ), а именно: а) къ сѣновалу, гумну, сараю, конюшнѣ и т. п., и б) подъ угломъ, въ одну линію—по длинѣ или ширинѣ?

12) Сообщается ли жилое помѣщеніе внутреннимъ ходомъ съ хозяйственной постройкой (или банею) и съ какой именно, имѣется ли подвалъ?

13) Одноэтажная постройка или двухэтажная?

14) Для чего служитъ чердачное помѣщеніе, какъ входятъ въ него и имѣетъ ли оно окна, балконъ?

15) Какъ называется комната, въ которую ведетъ входная (наружная) дверь?

16) Имѣются ли другія комнаты въ постройкѣ, какъ онѣ называются и для чего служатъ?

17) Имѣется ли очагъ и гдѣ онъ помѣщается?

18) Имѣется ли печка (или каминъ), гдѣ помѣщается она и ея топка: топится ли она по черному или нѣтъ?

19) Въ какой комнатѣ обѣдаютъ, спятъ (на чемъ), работаютъ?

20) Гдѣ помѣщаются иконы?

21) Гдѣ помѣщается обѣденный столъ?

22) Гдѣ хранятся припасы, цѣнныя вещи и деньги?

23) Имѣются ли вдоль стѣны прикрѣпленныя скамьи?

24) Имѣются ли нары и пологи?

25) Гдѣ и какъ размѣщаются шкафы, поставцы, полки и для чего они служатъ?

26) Имѣется ли мебель, какая, гдѣ и какъ размѣщается?

27) Какъ размѣщается кухонная утварь?

Отвѣты просятъ адресовать: въ Императорское Русское Географическое Общество. С.-Петербургъ, Чернышевская площадь, 2.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Памяти географа Гевонда Алишана *).

Прежде всего я считаю пріятнымъ долгомъ выразить признательность Императорскому Русскому Географическому Обществу за то, что оно дало мнѣ возможность познакомить членовъ Географическаго Общества и тѣмъ самымъ и русское Общество съ научною и литературною дѣятельностью ученаго, такъ много способствующаго расширенію круга нашихъ знаній объ Арменіи, а главнымъ образомъ о тѣхъ областяхъ, которыя составляютъ нынѣшній Закавказскій край. Дѣятельность этого ученаго, особенно въ области географіи, этнографіи и археологіи, къ сожалѣнію, мало извѣстна русскому интеллигентному обществу, тѣмъ болѣе должна быть цѣнная для насъ, членовъ Географическаго Общества, что Общество, въ теченіе почти полувѣка, какъ выражено и въ Высочайшихъ Манифестахъ 22 декабря 1894 г. и 21 января 1896 г., «съ честью трудилось надъ изученіемъ Россіи до самыхъ отдаленныхъ ея окраинъ и странъ съ нею сопредѣльныхъ и способствовало познанію родной земли и населяющихъ ее племенъ». Однако, послѣдняя задача, т. е. изученіе и изслѣдованіе географіи, статистики и этнографіи входящихъ въ составъ Россіи окраинъ и быта населяющихъ ее племенъ до того широкая и разнообразная, по причинѣ необъятности Россійской державы и разнообразности племенъ, что неудивительно, если, несмотря на полувѣковую, столь плодотворную дѣятельность Географическаго Общества и Кавказскаго Отдѣла его, даже такая окраина, какъ Кавказъ, и такія историческія народности, какъ армянская и грузинская, недостаточно основательно изслѣдованы и извѣстны русскому обществу. Именно, я говорю о научномъ изученіи, основанномъ на вѣрномъ пониманіи прошлаго этихъ народностей; я говорю объ изученіи исторіи, литературы, прошлой культурной жизни ихъ и памятниковъ этой культуры. Русское общество только тогда будетъ въ состояніи составить вѣрное понятіе объ этихъ народностяхъ и дать настоящую оцѣнку ихъ качествамъ, когда народности эти будутъ изучены всесторонне, съ точки зрѣнія ихъ прошлой исторіи, литературы, языка и вообще культуры. А въ этомъ отношеніи очень и очень мало сдѣлано у насъ въ Россіи.

«Грустно мириться съ тѣмъ—какъ весьма справедливо замѣчаетъ профессоръ Н. Марръ—что древности Грузіи и Арменіи не находятъ серьезныхъ изслѣдователей въ Россіи, что почти за цѣлое столѣтіе, истекшее по присоединеніи Грузіи и значительной части коренной Арменіи, на Кавказѣ, сплошь покрытомъ обломками различныхъ культуръ различныхъ эпохъ, не основалось прочно ни одного научнаго общества. Совсѣмъ неутѣшительно, что лучшіе труды по Кавказской археологіи принадлежатъ французскимъ и нѣмецкимъ ученымъ, наиболѣе цѣнныя работы по армянской лингвистикѣ изданы нѣмецкими и французскими профессорами, исторія и литература Арменіи нашли авторитетныхъ цѣнителей

*) Читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 3 Мая 1902 г.

не только въ классической странѣ филологіи, но и во Франціи, Англіи и Италіи. Нужно ли доказывать, что для русскаго государства не можетъ быть безразличнымъ пониманіе прошлаго народностей, какъ бы малы эти народности ни были, разъ онѣ входятъ въ его составъ или силою обстоятельствъ къ нему тяготѣютъ.... Наконецъ, часть русскаго востоковѣдѣнія требуетъ, чтобы ему принадлежала руководящая роль въ изученіи по крайней мѣрѣ тѣхъ областей Востока, которыя составляютъ часть самой Россіи».

Къ этимъ словамъ почтеннаго профессора я могъ бы прибавить, что и изученіе современной литературы армянской и грузинской представило бы большой интересъ, ибо, помимо обще-литературнаго значенія, въ нихъ иногда заключаются довольно цѣнные труды, касающіеся Россіи, ея исторіи и литературы. Такъ напр., вѣроятно, очень немногимъ русскимъ историкамъ и литераторамъ извѣстно, что на современномъ армянскомъ языкѣ имѣется полный переводъ всѣхъ басенъ Крылова, выполненный покойнымъ армянскимъ архіепископомъ Гавріиломъ Айвазовскимъ, братомъ знаменитаго художника Айвазовскаго, и что переводъ этотъ такъ удачно выполненъ, что, по мнѣнію одного французскаго ученаго, армянскимъ переводомъ можно было бы возстановить русскій текстъ во всей его красотѣ въ случаѣ его потери. У этого же архіепископа Айвазовскаго имѣется весьма цѣнное сочиненіе на древне-армянскомъ языкѣ, напечатанное въ 1836 году, а именно: «Исторія Россіи и преобразовательной дѣятельности Петра Великаго». «Исторія Оттоманской Имперіи» напечатана имъ въ 1841 году.

Точно также многіе другіе труды армянскихъ ученыхъ остаются неизвѣстными русскому ученому міру.

Исходя изъ этой основной точки зрѣнія, я полагаю, что будетъ небезъинтересно для членовъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества познакомиться поближе съ біографіею и научною дѣятельностью ученаго, такъ много способствующаго своими капитальными сочиненіями расширенію круга знаній нашихъ по географіи, этнографіи и археологіи Закавказскаго края и сопредѣльныхъ съ нимъ странъ. Я говорю объ отцѣ Гевондѣ Алишанѣ, членѣ Венеціанской Мхитаристской армяно-католической конгрегаціи, скончавшемся 9—22 ноября прошлаго 1901 года на 82-мъ году жизни. Онъ считался однимъ изъ лучшихъ армянскихъ поэтовъ и пользовался вмѣстѣ съ тѣмъ большою славою среди европейскаго ученаго міра, какъ армяновѣдъ, археологъ, историкъ и географъ.

Но позвольте мнѣ сказать прежде нѣсколько словъ объ Армянской конгрегаціи отцовъ Мхитаристовъ, въ виду того, что конгрегація эта играла и играетъ еще выдающуюся роль въ армянской исторіи и литературѣ и издала немало трудовъ по этнографіи и географіи Востока. Армяно-католическая конгрегація Мхитаристовъ основана 200 лѣтъ тому назадъ, а именно 8 сентября 1701 г. однимъ армянскимъ вардапетомъ (архимандритомъ), по имени Мхитаръ, родившимся въ г. Себастіи, въ Малой Азіи, 7 февраля 1676 года. Онъ принадлежалъ, значитъ, къ армянской ортодоксальной или эчміадзинской церкви Онъ былъ талантливый, недюженнаго ума человѣкъ, искренній патріотъ, воодушевленный сильнымъ желаніемъ просвѣтить армянскій народъ, погруженный тогда во мракъ невѣжества. Для достиженія этой цѣли онъ задумалъ основать научно-литературный духовный орденъ, который исключительно предался бы литературно-научной и просвѣтительно-педагогической дѣятельности, но осуществить такую идею въ то время въ Арменіи, служившей ареною разныхъ политическихъ переворотовъ, междуусобій, смутъ, хищническихъ нападеній, войнъ между Персіею и Турціею, не было никакой возможности. Мхитаръ объѣзжалъ почти всѣ главные центры Арменіи и главные монастыри, между прочимъ и Севонскій монастырь на Геокчайскомъ озерѣ, гдѣ онъ думалъ основать орденъ, но нигдѣ не могъ найти спокойнаго уголка, тихой пристани. Наконецъ, онъ выбралъ Константинополь, гдѣ и положилъ 8 сентября 1701 г. основаніе своему ордену, собравъ нѣсколько учениковъ и послѣдователей. Впрочемъ, онъ скоро пришелъ къ печальному заключенію, что существованіе и дальнѣйшая правильная дѣятельность ордена можетъ быть обезпечена лишь въ Европѣ. Онъ поселился въ 1703 г. вмѣстѣ съ членами новаго ордена въ Греціи, въ Мореѣ, находившейся тогда подъ властью Венеціи. Тутъ онъ основалъ монастырь, но чрезъ 12 лѣтъ, когда Морея опять попала подъ власть турокъ, онъ убѣжалъ въ 1715 г. въ Венецію и перенесъ туда окончательно орденъ, подъ эгидою Венеціанской республики. Выборъ Мхитара былъ не случайный. Венеція съ давнихъ

поръ славилась на Востокѣ какъ центръ наукъ, художествъ, промышленности и всемiрной торговли; въ ней еще гораздо раньше жила богатая армянская колонiя; въ ней еще въ 1512 году, т. е. спустя 62 года по изобрѣтенiи книгопечатанiя Гуттенбергомъ, была напечатана первая армянская книга; словомъ, Венецiя играла значительную роль въ умственной жизни армянъ.

Венецiанскiй сенатъ, хотя и рѣшилъ было не дозволять больше основанiя новыхъ духовныхъ конгрегацiй, убѣдившись изъ объясненiй, представленныхъ Мхитаромъ, что дѣятельность Мхитаристской конгрегацiи будетъ преимущественно научно-литературная, не только разрѣшилъ Мхитару перенести орденъ въ Венецiю, но и подарилъ ему для этой цѣли необитаемый тогда островъ по имени св. Лазаря, гдѣ 8 сентября 1717 г. Мхитаръ окончательно поселился съ членами ордена и началъ осуществлять давно задуманную цѣль. Съ этого момента и начинается плодотворная дѣятельность Мхитаристской конгрегацiи, непрерывно продолжающаяся и по сiе время. Нѣтъ сомнѣнiя, Мхитару никогда не удалось бы осуществить свою идею, еслибы онъ не задумалъ заранѣе прiобрѣсти санкцiю и разрѣшенiе римской курiи. Еще въ 1705 году онъ отправилъ двухъ членовъ своего ордена въ Римъ къ папѣ Клименту XI и представилъ на его утвержденiе уставъ основаннаго имъ ордена, который, отдѣлившись отъ армянской ортодоксальной или эчмiадзинской церкви, примкнулъ къ римско-католической на правахъ унiи, т. е. съ признанiемъ главенства римскаго папы, вмѣсто эчмiадзинскаго католикоса, но съ сохраненiемъ всего ритуала древне-армянской церкви, съ сохраненiемъ древне-армянскаго языка, церковнаго пѣнiя и вообще всей обрядовой стороны этой церкви. Въ этомъ отношенiи, то есть въ сохраненiи нацiональныхъ чертъ древне-армянской церкви, Мхитаристскiй орденъ оказался болѣе консервативнымъ, чѣмъ Эчмiадзинъ, такъ какъ въ настоящее время мотивы древне-армянскаго церковнаго пѣнiя сохранены во всей своей чистотѣ только у мхитаристовъ, да еще въ Севонскомъ монастырѣ, откуда Мхитаръ и перенялъ ихъ.

Уставъ новаго ордена былъ утвержденъ папою лишь въ 1712 году и первымъ же генеральнымъ аббатомъ ордена былъ выбранъ основатель его Мхитаръ. Конечно, римская курiя, согласившись на утвержденiе армянскаго ордена, принявшаго унiю, стремилась къ завѣтной цѣли—перехода армянской нацiи въ лоно католической церкви и надѣялась обратить орденъ въ орудiе для реализацiи этой цѣли. Нужно отдать справедливость отцамъ мхитаристамъ: хотя все время они оставались лояльными католиками и вѣрными унiи, но ихъ дѣятельность по отношенiю къ армянскому народу была главнымъ образомъ просвѣтительная и литературно-научная. И, дѣйствительно, въ теченiе цѣлаго столѣтiя, до первой четверти XIX, монастырь св. Лазаря въ Венецiи являлся единственнымъ источникомъ, откуда армяне преимущественно черпали свѣтъ науки и запасались книгами, учебниками. Въ этомъ отношенiи заслуги ордена мхитаристовъ предъ армянскимъ народомъ велики. Первымъ дѣломъ Мхитара и его преемниковъ было изданiе академическаго армянскаго словаря, армянской иллюстрированной библiи и исторiи армянскаго народа; затѣмъ они стали постепенно издавать памятники древней армянской литературы, начиная съ V столѣтiя, именуемаго золотымъ. Памятники эти заключались въ рукописяхъ, хранившихся въ монастыряхъ и мало доступныхъ. Собирая эти рукописи, разсѣянныя въ различныхъ мѣстахъ Азiи и Европы, обитаемыхъ армянами, и издавая ихъ, отцы мхитаристы возродили, такъ сказать, всю классическую армянскую литературу, дали сильный толчекъ развитiю современнаго армянскаго языка, познакомили съ одной стороны армянъ съ культурою Европы, съ произведенiями классическаго мiра, переводя сочиненiя выдающихся латинскихъ и греческихъ писателей, а съ другой стороны познакомили европейскiй ученый мiръ съ армянской литературой.

Благодаря трудамъ отцевъ мхитаристовъ и присутствiю ихъ ордена въ центрѣ Европы, непосредственное изученiе армянскаго языка и литературы стало доступнымъ европейцамъ, интересующимся армяновѣдѣнiемъ. Справедливость требуетъ замѣтить, что еще до Мхитара въ Европѣ, главнымъ образомъ въ Голландiи, Италiи, во Францiи и Польшѣ, появлялись единичныя свѣтлыя личности, которыя какъ пiонеры работали для возрожденiя отечественной литературы и положили основанiе той широко обдуманной просвѣтительной дѣятельности, которую такъ блистательно и прочно органи-

послѣдствіи Мхитаръ. Венеціанскій орденъ мхитаристовъ вмѣстѣ съ образовавшимся въ 1828 г. отдѣленіемъ своимъ въ Вѣнѣ далъ много литераторовъ, поэтовъ, переводчиковъ, ученыхъ, пользующихся солидною репутаціею и среди европейскаго ученаго міра. какъ, напр., историка Чамчана, географа-археолога Индисиджана, лингвистовъ Айденяна, Арсена Багратуни, критиковъ и изслѣдователей литературы и исторіи — Катрджяна и Дашяна и преподавателя армянскаго языка извѣстнаго поэта Байрона Авгера, знатока латинскаго языка, познакомившаго европейскій ученый міръ съ переводами съ армянскаго языка на латинскій: хроники Евсевія, толкованія Ефрема Сирина къ 15-ти посланіямъ апостола Павла и творенія Филона еврейскаго—трудовъ, сохранившихся только на армянскомъ языкѣ, такъ какъ оригиналы ихъ утрачены.

Орденъ же мхитаристовъ далъ намъ и такого ученаго, какъ недавно скончавшагося Гевонда Алишана, прозваннаго нахапетомъ (патріархомъ).

Внѣшняя сторона біографіи Алишана весьма проста и скромна. Алишанъ родился 18 іюля 1820 г. въ Константинополѣ, получилъ образованіе въ монастырѣ св. Лазаря въ Венеціи, принялъ духовный санъ 7 іюня 1840 г. 20-лѣтнимъ юношею, былъ назначенъ учителемъ и затѣмъ инспекторомъ училища Мурадянъ, основаннаго сначала въ Парижѣ, а затѣмъ переведеннаго въ Венецію, исполнялъ разныя монастырскія должности по долгу, и хотя неоднократно, при выборахъ генеральнаго аббата ордена мхитаристовъ, кандидатура его была выдвигаема, онъ всегда отказывался, оставаясь простымъ монахомъ. Онъ совсѣмъ не гнался за славою, за внѣшнимъ блескомъ, и часто случалось, что, когда изъ разныхъ странъ пріѣзжали путешественники на островъ св. Лазаря съ цѣлью посѣтить великаго ученаго мужа, то ихъ встѣчалъ скромный монахъ-старикъ, одѣтый въ длинную холщевую рясу, показывалъ имъ, какъ путеводитель, всѣ достопримѣчательности монастыря: библіотеку, музей, кабинетъ Байрона, садъ, столовую и даже коровникъ; когда же посѣтители обращались къ нему, говоря: «отецъ монахъ, поведите насъ теперь къ Алишану»,—онъ вводилъ ихъ въ скромную большую келью, заставленную кругомъ книгами, рукописями, географическими картами, и ласково привѣтствовалъ ихъ, говоря: «очень радъ, что пожелали посѣтить и меня старика».

Здѣсь, кстати, я долженъ поправить ошибку, допущенную нѣкоторыми петербургскими иллюстрированными журналами, помѣстившими недавно портретъ и біографію Алишана: по словамъ этихъ біографовъ, знаменитый англійскій поэтъ Байронъ былъ другомъ Алишана и долго гостилъ у него. Это невѣрно: мы знаемъ, что Алишанъ родился въ 1820 году, а Байронъ скончался въ 1824 году. Байронъ, дѣйствительно, долго гостилъ у мхитаристовъ въ 1816 году, занимаясь изученіемъ армянскаго языка и переводами древнихъ армянскихъ рукописей. Къ удачнымъ переводамъ его принадлежитъ переводъ посланія апостола Павла къ коринѳянамъ. До сихъ поръ посѣтителямъ показываютъ комнату, гдѣ Байронъ жилъ и занимался, со всей тогдашней обстановкою. Алишанъ перевелъ лишь на армянскій языкъ поэму Байрона «Чайльдъ-Гарольдъ».

И вотъ въ этой скромной кельѣ труженикъ науки провелъ шестьдесятъ лѣтъ своей жизни непрерывно, неустанно въ литературныхъ и научныхъ работахъ. Цѣлыхъ шестьдесятъ лѣтъ онъ съ рвеніемъ настоящаго фанатика предавался литературѣ и наукѣ. И онъ создалъ по-истинѣ колоссальный трудъ, и мы не находимъ сколько-нибудь преувеличеннымъ, когда нѣкоторые біографы называютъ Алишана корифеемъ армянской литературы. Только литературные корифеи могутъ создать такой грандіозный литературный памятникъ, какой воздвигъ Гевондъ Алишанъ. Мы не будемъ говорить о массѣ его оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій какъ поэтическихъ, такъ и прозаическихъ, о множествѣ его трудовъ историческаго, духовнаго содержанія,—мы укажемъ лишь на труды его по географіи, топографіи, этнографіи и археологіи, особенно на труды его, касающіеся Закавказья. Изъ послѣднихъ особенно выдѣляются: 1) обширная политическая географія, изданная въ 1854 г., съ иллюстраціями и 12 картами; 2) армянская ботаника, то есть номенклатура всѣхъ растеній, упомянутыхъ у разныхъ армянскихъ писателей, числомъ до 3400; изд. въ 1895 г.; 3) составляющее шедевръ его историко-географическихъ трудовъ описаніе

двадцати провинцій древней Арменіи, состоящее изъ 20 большихъ томовъ, изъ которыхъ онъ успѣлъ издать лишь три тома, а именно: I) Сисуанъ, описаніе древней Киликіи, страны, гдѣ царствовали Рубиняны и Лузиняны, или описаніе нынѣшнихъ двухъ вилайетовъ Турціи—Аданы и Алеппо; оно издано въ 1885 г.; II) Айраратъ, описаніе Араратской провинціи древней Арменіи или нынѣшней Елизаветпольской губерніи и Карсской области; издано въ 1890 году; III) Сисаканъ, топографія древней армянской области Сюникъ или нынѣшней Елизаветпольской губерніи и части Эриванской губерніи; издано въ 1893 году.

Каждый изъ этихъ трехъ томовъ состоитъ изъ 550—600 большого in 4° формата двухколонныхъ страницъ, съ 55 строками въ каждой колоннѣ, и снабженъ весьма тщательно обработанной картой описываемой страны и множествомъ рисунковъ, изъ которыхъ нѣкоторые въ краскахъ.

Даже бѣглое обозрѣніе этихъ книгъ убѣждаетъ каждаго, какой цѣнный вкладъ въ историческо-географическо-археологическую науку составляютъ онѣ, и насколько важнымъ источникомъ являются два тома — «Айраратъ» и «Сисаканъ» — для изученія нынѣшняго Закавказскаго края въ археологическомъ, историческомъ, географическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ.

Все, что написано съ самыхъ древнѣйшихъ временъ по настоящее время разными европейскими, арабскими, армянскими, русскими путешественниками, историками и учеными о нашемъ краѣ и о Киликіи, здѣсь подробно приведено. Природа и люди этихъ странъ подробно описаны, то есть «Айраратъ» и «Сисаканъ» заключаютъ въ себѣ подробное описаніе Эриванской, Елизаветпольской губерній и Карсской области, а именно ихъ географическаго положенія, пространства, климатическихъ и почвенныхъ условій, рѣкъ, озеръ, минеральнаго, растительнаго и животнаго царствъ, — словомъ, всего, что касается природы этихъ странъ. Наряду съ физическимъ описаніемъ идетъ описаніе народовъ, населяющихъ эти губерніи, ихъ политической, духовной, умственной и культурной жизни, историческаго прошлаго, политическихъ переворотовъ, исторіи владычества разныхъ династій, исторіи завоеванія края русскими, знаменитыхъ духовныхъ, военныхъ дѣятелей, монастырей, церквей, литературнаго движенія, торговли, художествъ, искусствъ—словомъ, всего, что касается людей.

А многочисленные рисунки числомъ 644 въ трехъ томахъ, изъ которыхъ 41 въ краскахъ, рельефно иллюстрируютъ все то, что передается Алишаномъ словомъ: уцѣлѣвшіе отъ разрушительнаго вліянія времени памятники древности, развалины и остатки ихъ, древнія монеты, портреты древнихъ и новыхъ знаменитыхъ полководцевъ, ученыхъ, путешественниковъ (между прочимъ, портреты графа Паскевича, персидскаго принца Аббасъ-Мирзы, католикоса Нерсеса V, дѣятелей послѣдней русско-турецкой войны, Шардена, Турнефора, Абиха и др.), клинообразныя, іероглифическія и другія надписи, образцы знаменитыхъ рукописей и документовъ (особенно обращаютъ на себя вниманіе картина, изображающая мученичество св. Рипсиміи, и портретъ св. Григорія, просвѣтителя Арменіи, взятые изъ Четьихъ-Миней византійскаго императора Василія II, изъ рукописи X столѣтія, хранящейся въ Ватиканѣ), пейзажи, растенія, минералы, барельефы и т. д.

Къ каждому тому приложены прекрасно исполненныя географическія карты и топографія описываемыхъ странъ. Особенно «Сисуанъ» заключаетъ множество важныхъ древностей Киликіи и памятниковъ, относящихся ко времени царствованія династій Рубинянъ и Лузинянъ, крестовыхъ походовъ и завоеванія этой страны сельджуками и монголами. Нумизматическая часть тоже не осталась безъ детальнаго описанія. На страницѣ 434-ой «Сисуанъ» можно видѣть портретъ армянскаго царя Левона I (1187—1219 г.), автотипная его рукопись (факсимиле) и портреты современныхъ ему европейскихъ и азіатскихъ вѣнценосцевъ, съ которыми ему пришлось сталкиваться или на полѣ битвы, или въ мирныхъ дружественныхъ сношеніяхъ, или какъ съ союзниками крестовыхъ походовъ, предпринятыхъ Европою для освобожденія Гроба Господня. Тутъ рядомъ съ нимъ мы видимъ Оттона IV, Генриха VI, Фридериха I Барбаруссы, французскаго короля Филиппа-Августа, англійскаго короля Ричарда I Львиное сердце, Султана Салахъ-Эдина, папу Иннокентія III и Энрикко-Дандолло, герцога шампан-

скаго. Портреты эти воспроизведены съ древнихъ армянскихъ рукописей. Вообще «Сисуанъ» заключаетъ драгоцѣнный матеріалъ по исторіи крестовыхъ походовъ и сношеній армянъ съ Европою въ средніе вѣка. Въ высшей степени интересно и описаніе той универсальной торговли, которую армяне Киликіи, Малой Азіи, нынѣшняго Закавказскаго края и Персіи вели съ Венеціею, Генуею, Индіею, Египтомъ, Крымомъ и Россіею въ средніе вѣка; интересно также описаніе главныхъ торговыхъ армянскихъ портовъ и пунктовъ, какъ, напр., порта Аяса — «Portus Ayacii Domini Regis Ermenie», — процвѣтавшаго, какъ универсальный торговый портъ, въ XII, XIII, XIV столѣтіяхъ, Кафи или Ѳеодосіи и Джульфы на берегу Аракса, представляющей нынѣ жалкую деревню. Описанія эти бросаютъ яркій свѣтъ на исторію всемірной торговли вообще вплоть до конца XIV столѣтія.

И вотъ надъ этимъ-то трудомъ Алишанъ работалъ цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ, начиная съ сороковыхъ годовъ, онъ тщательно собиралъ матеріалы, читалъ тысячи книгъ и рукописей армянскихъ, европейскихъ, древне-греческихъ, латинскихъ, арабскихъ (а съ этими языками онъ хорошо былъ знакомъ), читалъ газеты, журналы, путешествія, отмѣчалъ всѣ свѣдѣнія, найденныя имъ въ этихъ книгахъ и рукописяхъ. Но онъ не только собиралъ ихъ: онъ ихъ классифицировалъ, сравнивалъ, провѣрялъ, вселялъ въ эти сухіе матеріалы духъ, жизнь — и, такимъ образомъ, составилъ двадцать томовъ описанія всѣхъ областей древней Арменіи, изъ которыхъ онъ успѣлъ издать лишь три вышеупомянутые тома. Эти три тома доказываютъ, съ какою тщательностью и изумительною точностью онъ исполнилъ свою задачу.

И нынѣ «Айраратъ» и «Сисаканъ» могутъ служить неизсякаемымъ источникомъ для тѣхъ, кто интересуется и занимается исторіею, географіею, этнографіею, археологіею, флорою, фауною и минералами Закавказскаго края. Съ изданіемъ же остальныхъ семнадцати томовъ, заключающихъ описаніе Малой Азіи, Азербайджанской провинціи, Бакинской губерніи, выяснится, какое колоссальное литературное и научное богатство оставилъ намъ Гевондъ Алишанъ. Колоссальный трудъ составляетъ и его посмертное сочиненіе «Айапатумъ» — собраніе всѣхъ армянскихъ историковъ, къ изданію котораго уже приступили мхитаристы.

Трудъ Алишана и заслуги его предъ наукою давно оцѣнены компетентными людьми и учеными учрежденіями: онъ состоялъ почетнымъ членомъ Вѣнской Академіи Наукъ, Итальянскаго Королевскаго Азіатскаго Общества, Императорскаго Археологическаго Общества въ Петербургѣ, Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и нѣкоторыхъ другихъ европейскихъ ученыхъ обществъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что если смерть Алишана составляетъ громадную потерю для армянской литературы, то она является тяжелой потерею и для науки и должна вызвать грустное чувство у лицъ, интересующихся успѣхами географіи вообще и въ частности географіи и описанія Закавказскаго края и сопредѣльныхъ ему странъ.

А. Аракелянъ.

О литовцахъ Сувалкской губерніи *).

Пишущему настоящія строки случилось прогостить Пасху нынѣшняго года въ гор. Маріамполѣ Сувалкской губерніи. Мѣстность эта, хотя обозначена на картѣ въ границахъ Царства Польскаго, — по своему населенію можетъ считаться чисто литовской. Поляки и прежде составляли здѣсь незначительное меньшинство, а теперь вмѣстѣ съ сильно укрѣпившимся русскимъ вліяніемъ совершенно стушевались. Польскій разговорный языкъ извѣстенъ среди литовскаго народа только старикамъ не моложе 60-ти лѣтъ. Что же касается молодежи и людей средняго возраста, то для нихъ онъ почти также чуждъ, какъ татарскій. Бродя по ярмаркѣ въ Маріамполѣ, я пытался заговорить съ крестьянами по-польски, но въ отвѣтъ получалъ только покачиванія головой и пожиманія плечами, тогда какъ по-русски все-таки можно было объясниться съ грѣхомъ пополамъ. Спрашиваешь какого-нибудь крестьянина-литовца объ его товарѣ: «что̀ это стоитъ?» или: «почемъ это?» Онъ что-то отвѣчаетъ по-литовски. Я не понимаю его и выражаю недоумѣніе, но тотчасъ же въ толпѣ, стоящей рядомъ, находится кто-нибудь знающій русскій языкъ и добровольно принимаетъ на себя роль переводчика. Такимъ образомъ каждый изъ русскихъ, придя на базаръ или ярмарку и вовсе не владѣя литовскимъ языкомъ, не возвращается оттуда съ пустыми руками и въ состояніи узнать и найти все, что ему нужно.

Въ Маріамполѣ мнѣ случилось познакомиться съ интеллигентными литовцами и побывать въ гостяхъ у литовцевъ - крестьянъ въ окрестныхъ деревняхъ. Эти послѣдніе охотно показывали мнѣ въ мельчайшихъ деталяхъ свое хозяйство, разсказывали о своихъ бѣдахъ и горяхъ и радушно угощали, чѣмъ Богъ послалъ.

Какъ во всякой провинціи, и здѣсь есть свои мѣстные насущные вопросы общаго характера, интересующіе всѣхъ и каждаго и составляющіе для туземца больное мѣсто. Изъ числа такихъ вопросовъ на первомъ планѣ нужно поставить вопросъ объ алфавитѣ. Дѣло въ томъ, что съ очень давнихъ временъ для литовскаго языка были приняты латинскія буквы, съ которыми народъ успѣлъ сродниться настолько, что считаетъ ихъ чѣмъ-то нераздѣльнымъ отъ своего языка. Но съ 60-хъ или 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ латинскихъ буквахъ было усмотрѣно одно изъ средствъ нежелательнаго общенія между литовцами и поляками и рѣшено было замѣнить ихъ русскими. А потому на литовскія книги, написанныя латинскимъ шрифтомъ, былъ наложенъ запретъ, продолжающійся и до настоящаго времени. Кому принадлежала иниціатива такого мѣропріятія въ точности неизвѣстно, но интеллигентные литовцы приписываютъ ее Гильфердингу. Относясь къ этому ученому съ большой симпатіей, какъ къ человѣку, хорошо знавшему литовскій языкъ, выяснившему его значеніе въ семьѣ другихъ европейскихъ языковъ и много потрудившемуся для его разработки, литовскіе интеллигенты прибавляютъ, что этотъ ученый проектировалъ такую, нежелательную имъ, мѣру безъ всякаго злого умысла, руководясь единственнымъ желаніемъ сохранить литовскій языкъ въ чистотѣ, предохранивъ его отъ польскаго вліянія, которое въ его время было еще довольно сильно.

Допустимъ, что въ свое время мѣра эта была нужна и даже необходима, но въ настоящую минуту она устарѣла и потому не можетъ быть признана полезной. Благодаря всеобщему движенію впередъ, охватившему Россію, а также и тому, что литовцы — народъ живой, склонный къ цивилизаціи, жаждущій просвѣщенія и ищущій

---

*) Читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи Имп. Р. Географич. Общ., 3 мая 1902 года.

его, всѣ мѣстныя правительственныя школы переполнены учащимися. Но ихъ слишкомъ мало сравнительно съ той потребностью знанія, которую ощущаетъ литовскій народъ. Притомъ же, крестьяне живутъ здѣсь не въ большихъ селахъ, какъ на Руси, а маленькими колоніями по одной, по двѣ хаты, разбросанными на огромномъ пространствѣ. Это обстоятельство дѣлаетъ для крестьянскихъ дѣтей не совсѣмъ удобнымъ посѣщеніе сельскихъ школъ нашего обыкновеннаго типа. Гораздо удобнѣе были бы здѣсь такъ называемыя передвижныя школы, не разъ рекомендованныя въ нашей литературѣ. Но ихъ здѣсь нѣтъ, и потому большинство литовскаго простонародья довольствуется при обученіи своихъ дѣтей грамотѣ обыкновеннымъ домашнимъ способомъ и ведетъ его по литовскимъ молитвенникамъ, написаннымъ латинскими буквами. Такимъ образомъ грамотность помимо школъ дѣлаетъ между литовцами огромные успѣхи. Но научившійся литовской грамотѣ хочетъ прочесть что-нибудь кромѣ молитвенника и ничего не находитъ. Русскаго языка эта масса не знаетъ и не понимаетъ. Литовскія книги, написанныя латинскими буквами, вновь не издаются, а старыя разошлись и составляютъ теперь большую рѣдкость. Книгъ, написанныхъ русскими буквами, издано было немного и онѣ также давно уже разошлись по рукамъ, а печатать ихъ вновь не находится охотниковъ. Что же при такихъ условіяхъ остается читать массѣ народа, жаждущей чтенія и знанія? И вотъ къ ея услугамъ является закордонная литовская печать, весьма обильная въ сосѣдней Пруссіи. Контрабанда доставляетъ много запрещенныхъ литовскихъ книгъ, въ числѣ которыхъ, какъ сѣтуютъ совершенно справедливо благомыслящіе литовскіе интеллигенты, привозится множество всякой дряни и распространяются въ народѣ вовсе нежелательныя политическія и противонравственныя идеи. Мѣстныя власти усердно борются съ этимъ зломъ, но онѣ почти безсильны, когда въ дѣлѣ заинтересованы не отдѣльныя личности, а вся народная масса. Отсюда частыя столкновенія народа съ мѣстными властями.

— Чѣмъ мы провинились?—спрашивалъ меня одинъ богатый крестьянинъ-литовецъ.—Подати мы платимъ исправно, всѣ повинности отбываемъ Но мы оказываемся какъ будто хуже всѣхъ народовъ, хуже поляковъ, хуже нѣмцевъ, евреевъ, латышей и эстовъ. Всѣ эти народы имѣютъ свою азбуку, свои книги. А мы этого лишены. И за что? Какая наша вина? Вотъ напримѣръ, продолжалъ онъ, мнѣ, какъ порядочному христіанину, нужно знать, когда бываютъ какіе праздники и посты, нужно имѣть календарь. Русскій календарь для насъ не годится: во-первыхъ, онъ составленъ по старому стилю, а во-вторыхъ, праздники—православные, а не католическіе. Купилъ было я себѣ польскій календарь, но ничего въ немъ не понимаю.—И онъ началъ читать свой польскій календарь, ужасно перевирая каждое его слово.—Ну вотъ, заключилъ крестьянинъ, и сидимъ мы, да ждемъ съ нетерпѣніемъ, не придетъ ли къ намъ человѣкъ съ мѣшкомъ (т. е. тайный продавецъ контрабандныхъ книгъ).

Ко всему этому присоединяются религіозные взгляды литовцевъ. Они, напримѣръ, не вѣрятъ въ правильность молитвъ въ молитвенникѣ, напечатанномъ русскими буквами, думаютъ, что онъ составленъ иновѣрцами и считаютъ грѣхомъ молиться по такому молитвеннику.

Литовцы ждутъ желанной реформы въ алфавитѣ, какъ евреи мессіи, вѣрятъ въ ея близость и—первый вопросъ, съ которымъ обращаются другъ къ другу при встрѣчѣ: «не слыхать ли чего новаго объ алфавитѣ?» Особенно возрастаетъ интересъ къ этому дѣлу каждый новый годъ, съ которымъ почему-то соединяется особенно много надеждъ.

Ко всему сказанному нужно добавить, что, оставляя въ сторонѣ интеллигенцію литовскаго народа и сравнивая громадное его большинство, т. е. простолюдиновъ съ простонародьемъ другихъ мѣстностей Западной Руси, мы видимъ, что литовцы достойны лучшей участи потому, что это народъ способный и въ отношеніи умственной силы и энергіи занимающій одно изъ первыхъ мѣстъ на нашей Западной окраинѣ.

Что касается способностей литовскаго народа, то его можно поставить наравнѣ только съ латышами, его ближайшими сородичами, съ бывшими уніатами уѣздовъ Радзинскаго, Константиновскаго и Бѣльскаго Сѣдлецкой губерніи и съ чехами-колонистами Волынской губерніи. Всѣ остальные простолюдины нашей Западной окраины, какъ бѣ-

лоруссы, полѣшуки, волыняне и даже огромное большинство поляковъ, во многихъ отношеніяхъ уступаютъ литовцамъ.

Уже самый бѣглый, поверхностный взглядъ на жизнь и обстановку литовскаго крестьянина убѣждаетъ посторонняго наблюдателя, знакомаго съ простонародьемъ нашей Западной окраины, что передъ нимъ не жалкіе «забитые», какъ у насъ принято выражаться, полудикари, а люди самостоятельные, знающіе себѣ цѣну, съ привычками и потребностями почти культурнаго человѣка. Дальнѣйшія же наблюденія не разсѣиваютъ этого перваго впечатлѣнія, а, напротивъ, все больше и больше его укрѣпляютъ. Домъ, и обстановка здѣшняго средняго крестьянина мало напоминаютъ хаты крестьянъ польскихъ, бѣлорусскихъ и малороссійскихъ, которыя строятся по одному типу во всей Западной Россіи. Кромѣ обычныхъ сѣней и кухни вы найдете здѣсь гостиную съ мягкой мебелью, съ изразцовыми печами, съ пирамидой комнатныхъ цвѣтовъ въ горшкахъ и съ дешевенькими картинами въ рамкахъ, развѣшанными по стѣнамъ, найдете спальную съ кроватями и со множествомъ пуховиковъ, столовую и рабочую комнату. О деревянномъ полѣ, который отсутствуетъ въ огромномъ большинствѣ хатъ Западной Россіи, уже и говорить нечего. Словомъ, обстановка чисто городская.

Провести полную паралель между всѣми вышеупомянутыми народами мнѣ не позволяетъ мѣсто въ настоящей замѣткѣ, но привести кое-какіе факты будетъ не лишне.

Въ Маріампольской мужской гимназіи болѣе половины учениковъ —дѣти литовскихъ крестьянъ, тогда какъ въ собственной Польшѣ даже единичный фактъ поступленія крестьянскаго ребенка въ гимназію нужно считать величайшей рѣдкостью. За 15 лѣтъ жизни въ Варшавѣ мнѣ ни разу не удавалось слышать ни объ одномъ такомъ случаѣ.

Далѣе извѣстно, что занятіе торговлей требуетъ отъ человѣка немало умственной силы и энергіи; извѣстно также, что польскій крестьянинъ въ этомъ отношеніи безусловно пасуетъ передъ евреемъ. А въ Маріамполѣ вамъ всякій укажетъ 4—5 лавокъ, содержимыхъ литовцами-крестьянами, разскажетъ, что хозяевамъ ихъ въ началѣ пришлось выдержать жестокую войну съ торговцами-евреями, изъ которой въ концѣ-концовъ они вышли побѣдителями.

Высоко развитая кустарная промышленность является также однимъ изъ точныхъ показателей если не крупной умственной силы, то во всякомъ случаѣ недюжинной энергіи народа. Изъ различныхъ отраслей этой промышленности мнѣ пришлось особенно близко познакомиться съ ткацкимъ дѣломъ, собирая образцы матерій домашняго производства для музея Императорской Академіи Наукъ. И вотъ оказывается, что польскій крестьянинъ вовсе не умѣетъ ткать болѣе, чѣмъ на 4 ничельницы (по польски: «на 4 цѣпа»), да и то ткачи-крестьяне, владѣющіе 4-мя цѣпами, встрѣчаются какъ рѣдкость, тогда какъ у литовцевъ Маріампольскаго уѣзда тканье на 10 ничельницъ вещь самая обыкновенная и вовсе не рѣдкость встрѣтить издѣлія на 25 ничельницъ [1]). При этомъ необходимо добавить, что ткацкія издѣлія литовскихъ кустарей, изъ рода кортовъ (въ родѣ трико), оказываются настолько прочными и изящными, что мѣстные помѣщики предпочитаютъ ихъ фабричнымъ и покупаютъ себѣ на платья. Фактъ неслыханный въ собственной Польшѣ [2]).

Далѣе польская крестьянка можетъ сшить для себя и своего мужа только ниж-

---

[1]) Ничельницей или «цѣпомъ» называется рамка, состоящая изъ двухъ длинныхъ горизонтальныхъ и параллельныхъ между собою палокъ, соединенныхъ между собою рядомъ веревочныхъ петель, въ ушки которыхъ продѣваются нити—основы черезъ одну, черезъ двѣ, черезъ три и т. д., смотря по числу ничельницъ. Ничельницы подвѣшены на блокахъ и приводятся въ движеніе подножками станка. Поднимая и опуская внизъ нити—основы, онѣ образуютъ такъ-называемый «зевъ», сквозь который проскакиваетъ челнокъ. Числомъ ничельницъ и различными комбинаціями въ ихъ управленіи достигается возможность получать всѣ узоры и рисунки на ткани, начиная съ самыхъ простѣйшихъ цвѣтныхъ полосокъ и клѣтокъ и кончая самыми разнообразными рисунками, изображающими листья, цвѣты, фигуры животныхъ и пр. Само собою понятно, что искусство ткача-кустаря измѣряется числомъ ничельницъ, съ которыми онъ можетъ управиться.

[2]) Къ сожалѣнію, издѣлія Маріампольскихъ ткачей, кустарей вовсе не попали на послѣднюю кустарную выставку, вѣроятно потому, что здѣсь не нашлось людей, интересующихся этимъ дѣломъ.

нее бѣлье, а все верхнее платье для мужчинъ и женщинъ шьется исключительно портными евреями, и въ каждомъ польскомъ мѣстечкѣ вы найдете цѣлый рядъ еврейскихъ мастерскихъ съ вывѣской: «кравецъ вейски» (деревенскій портной). Въ Литвѣ этимъ дѣломъ занимаются хотя тоже спеціалисты — портные, но исключительно изъ литовскихъ же кресгьянъ. Эти послѣдніе въ своемъ дѣлѣ достигаютъ такого совершенства, что многіе изъ нихъ, начавъ съ работы въ деревнѣ, понемногу перебираются въ маленькіе города, а отгуда въ Варшаву. И вотъ вы видите удивительный фактъ, что хорошими, модными портными г. Варшавы, обшивающими польскую интеллигенцію, которая извѣстна своимъ изящнымъ вкусомъ, оказываются литовцы, бывшіе сельскіе портные.

Къ числу особенностей Маріампольскихъ литовцевъ-крестьянъ, также рекомендующихъ ихъ съ хорошей стороны въ смыслѣ энергіи, нужно отнести любовь ихъ къ коневодству. Достаточно побывать въ одной изъ Маріампольскихъ ярмарокъ, чтобы видѣть, какими роскошными лошадьми, выводимыми на продажу, щеголяетъ литовскій крестьянинъ. Нѣкоторые изъ богатыхъ крестьянъ, любителей коневодства, какъ мнѣ доводилось слышать въ Маріамполѣ, не останавливаются передъ покупкою для своихъ конюшенъ даже арабскихъ производителей.

Всѣ приведенные здѣсь мною и многіе другіе факты указываютъ на очевидное стремленіе литовскаго простонародья стать культурнымъ и на то, что оно имѣетъ для этого много шансовъ.

Маріамполь.

Членъ-сотрудникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества

В. Мошковъ.

Сказка о Негрѣ *).

Жилъ царь. У него былъ слуга Негра; онъ былъ хорошій охотникъ. Однажды Негра поѣхалъ на охоту и увидѣлъ трехъ голубокъ; очень низко летали по землѣ. Негра хотѣлъ убить ихъ, но онѣ упали на землю и превратились красными дѣвицами и предложили ему изъ трехъ одну выбрать себѣ въ невѣсты; ему нравилась меньшая. Онъ ее взялъ, привезъ въ городъ и оставилъ на квартирѣ, а когда онъ сталъ прощаться съ невѣстой, то она дала ему перо изъ голубиной одежды. Перо было необыкновенное: на немъ были алмазы, оно блестѣло солнечными лучами. Негра завернулъ осторожно и спряталъ его у себя. Когда Негра вернулся къ царю и сталъ просить позволенія жениться и показалъ перо, которое дала ему невѣста, царь былъ удивленъ и послалъ слугъ посмотрѣть невѣсту Негры. Слуги отправились. Когда стали подходить къ ней, она окружила себя необыкновеннымъ свѣтомъ и ослѣпила ихъ яркимъ блескомъ. Слуги вернулись и доложили царю, что они не могли видѣть невѣсту Негры. Царь поѣхалъ самъ и такъ же былъ ослѣпленъ необыкновеннымъ свѣтомъ. Царь вернулся домой и не позволилъ Негрѣ жениться на его невѣстѣ; онъ отозвалъ «твоя невѣста—чародѣйка», и велѣлъ выслать ее изъ города. Негра сказалъ: «царь, прикажи меня казнить, какъ угодно, но только не дѣлай ей никакого зла». А царь хотѣлъ помѣшать его женитьбѣ, но не зналъ, какое придумать ему наказаніе. Да и наказывать Негру царю было жалко; онъ его очень любилъ. Царь былъ обиженъ его невѣстой и не хотѣлъ, чтобы Негра женился на ней. По совѣту вельможъ, царь послалъ въ лѣсъ за ягой ягинешной. Онъ часто къ ней обращался за совѣтомъ, когда и кого наказать. Она пріѣхала на мялкѣ. Мялка—доска, которою ленъ мнутъ. Она спросила: «какое дѣло у тебя есть до меня?» Царь молвилъ:—«у меня слуга хочетъ жениться на чародѣйкѣ; не придумаешь ли ты, какъ мнѣ помѣшать этой свадьбѣ»? Яга ягинешна сказала: «Царь! вотъ тебѣ мой совѣтъ: пошли его за девять морей и за девять степей, гдѣ два нечистыхъ духа водятъ семиглаваго змѣя на двѣнадцати цѣпяхъ и прикажи ему привести къ тебѣ, а змѣй не допуститъ, онъ разорветъ его». Царю было жалко слуги, но нельзя было не послушаться яги ягинешны. Царь призвалъ Негру и сказалъ: «вотъ тебѣ мой приказъ: если хочешь жениться, то иди за девять морей и за девять степей, тамъ два нечистыхъ духа водятъ семиглаваго змѣя на двѣнадцати цѣпяхъ привези его ко мнѣ, тогда я позволю тебѣ жениться. Негра поклонился царю и пошелъ къ невѣстѣ, чтобы проститься съ ней. Невѣста замѣтила что Негру, печаленъ, и спросила, о чемъ онъ задумался. Негра разсказалъ ей, что ему велѣлъ сдѣлать царь, чтобы жениться на ней. А она присовѣтовала: «Ну что же, иди, если любишь меня». Негра высказалъ описаніе: «да вотъ меня духи не допустятъ и змѣй то разорветъ».Ну, этому-—то горю еще помочь можно. Вотъ тебѣ клубокъ; когда выйдешь изъ города, пусти его; куда онъ покатится, туда и ты иди.— Онъ простился съ невѣстой и пошелъ. Клубокъ катится, нитка тянется. И Негра туда идетъ. Сколько онъ шелъ времени, мы этого не знаемъ. Увидалъ Негра нечистыхъ духовъ, испугался. А духи кричатъ: «скорѣй иди и возьми змѣя! онъ насъ измучалъ! вотъ нѣсколько лѣтъ такъ его водимъ». Негра подошелъ къ

*) Записана слѣпой дѣвицей брайтовскимъ шрифтомъ; дѣвица Домна живетъ въ г. Самарѣ; родители ея переселились въ Самару изъ дер. Опальковой, Курской губ. и уѣзда, Долговской волости.

цѣпямъ, одинацать цѣпей упали, а на двѣнадцатой цѣпи повелъ Негра змѣя. Доложили царю, что Негра привелъ змѣя, и царь не зналъ, что ему дѣлать, а позволить жениться онъ не хотѣлъ. Приказалъ убить змѣя. Но никто не могъ извести змѣя кромѣ Негры. Царь отозвался: «да и онъ самъ колдунъ, что ему и духи, и змѣи повинуются». И царь сталъ собирать всѣхъ вельможъ, чтобы посовѣтовали ему, что дѣлать съ Негрой и какъ помѣшать его свадьбѣ. Но вельможи не могли присовѣтовать. Только посовѣтовали послать въ лѣсъ за ягой ягинешной. Царь послалъ въ лѣсъ карету. А яга ягинешна прѣхала на своей мялкѣ. И спросила царя: «что ты прислалъ за мной»? Царь отвѣтилъ: «придумай мнѣ, куда послать Негру, чтобы помѣшать его женитьбѣ. Онъ исполнилъ то, что ты велѣла». Яга ягинешна: «пошли его туда, не знаю куда, привелъ бы онъ то, невидимо что». Царь поблагодарилъ ягу ягинешну за добрый совѣтъ. А самъ позвалъ Негру и молвилъ: «хорошо, ты привелъ змѣя, вотъ если еще исполнишь мое желанье, тогда женись. Поди туда, не знай куда, привелъ бы то, невидимо что». Негра пуще прежняго опечалился, пришелъ къ невѣстѣ; она спросила: «что ты не веселый?» Негра разскалъ ей. Она вздохнула: «вотъ такъ горя»! Дала ему клубокъ и кольцо и сказала: «клубокъ покати, когда выйдешь изъ города. А кольцо надѣ нина палецъ, и когда будешь ложиться спать, то клади руку на грудь. Негра простился съ невѣстой и пошелъ. Бросилъ клубокъ. Клубокъ катится, нитка тянется и онъ идетъ за нимъ. Вдругъ увидалъ онъ передъ собой мѣдный дворецъ, онъ вошелъ въ него; комнаты были пустыя, никого изъ жителей не было видно. Въ одной комнатѣ былъ накрытъ столъ и стояли разныя кушанья и напитки, а въ другой комнатѣ стояла богато убранная постель. Сѣлъ Негра за столъ и пообѣдалъ, а потомъ легъ на богатую убранную постель, а руку положилъ на грудь и уснулъ крѣпкимъ сномъ. Вдругъ прилетаетъ голубка, вдарилась дѣвицей. И закричала: «это что за невѣжа? какъ смѣлъ лечь на мою постель?» Сняла съ стѣны саблю и хотѣла ударить его, но тутъ увидала на рукѣ кольцо ея сестры. И бросилась къ нему. Это была сестра его невѣсты. Она стала будить Негру, обняла его и начала спрашивать, какъ онъ къ ней попалъ. Негра разсказалъ ей, какъ и зачѣмъ явился сюда и что послалъ его царь за невидимкой. Она сказала: «я можетъ быть помогу тебѣ; ложись спать; утро вечера мудренѣе А сама заиграла въ мѣдный рожокъ; къ ней слетѣлись воробьи, соловьи и всякая мелкая птица. Она спросила: «всѣ ли вы тутъ? Онѣ отвѣчали: «всѣ». Она спросила: «не видали ли вы то, невидимо что»? Птицы отвѣтили: «не видали и не слыхали такого чуда». Она крикнула имъ: «летите, куда хотите: Негрѣ на второй день предложила: «Иди, милый зять, дальше, а я не могу тебѣ помочь». Негра простился съ ней. И пошелъ дальше за клубкомъ; онъ увидалъ передъ собой серебрянный дворецъ. Клубокъ остановился, а Негра вошелъ въ него. Въ дворцѣ не оказалось никого. А столъ такъ же былъ накрытъ, точно его ждали. Негра сѣлъ за столъ, пообѣдалъ, вошелъ въ другую комнату; тамъ стояла богато убранная постель; онъ легъ руку положилъ на грудь и уснулъ богатырскимъ сномъ. Вдругъ прилетаетъ такая же голубка, вдарилась объ землю и стала красной дѣвицей. Увидала на постели Негру и закричала: это что за невѣжа, какъ смѣлъ ложиться на мою постель»! Вынула кинжалъ и хотѣла воткнуть ему въ грудь, вдругъ увидала на рукѣ кольцо. И бросилась къ нему и стала будить. Это была вторая сестра его невѣсты. Она стала его спрашивать, какъ онъ попалъ сюда. Негра разсказалъ ей, что царь не велитъ ему жениться на ея сестрѣ, а велитъ достать ему невидимку. Она сказала: «ну я, можетъ быть, помогу тебѣ. Ложись, утро вечера мудренѣе». Онъ легъ. А она заиграла въ серебряный рожокъ; къ ней слетелась всякая крупная птица, орлы, соколы и прочіе. Она спросила: «всѣ ли вы тутъ»? Птицы отвѣчали: «всѣ».—«Я спрошу васъ, не видали вы гдѣ невидимки»? «Вездѣ мы летали, все видали, а невидимки не видали и не слыхали». Она на прощанье имъ: «летите, куда хотите»! Она Негрѣ сказала: «дорогой зятюшка, я не могу помочь тебѣ, иди дальше». Онъ поклонился ей и пошелъ дальше опять за клубкомъ. И Негра увидалъ третій дворецъ весь золотой. Онъ вошелъ въ него, въ дворцѣ также, какъ въ первыхъ двухъ, никого не было изъ жителей. Онъ прошелъ всѣ комнаты, и не было никого, только въ одной комнатѣ стоялъ столъ со всякими кушаньями и напитками. Онъ сѣлъ за столъ, пообѣдалъ, а потомъ легъ на богато убранную постель и заснулъ крѣпкимъ богатырскимъ

сномъ. Прилетаетъ громадная ворона, вдрилась объ землю и обратилась въ пожилую женщину. Она увидала, что у ней былъ съѣдинъ обѣдъ, и закричала: «это что былъ за невѣжа»? и пошла искать виновнаго. Вдругъ увидала на постели Негру. Она закричала, вынула саблю и хотѣла ударить его. Но тутъ увидала на рукѣ кольцо ея дочери. Это была мать его невѣсты. Она бросилась къ нему, стала обнимать и угощать его. Онъ проговорилъ: «матушка, я не въ гости пришелъ къ тебѣ, а меня царь послалъ за Невидимкой, а если не найду ему Невидимку, то онъ не позволитъ жениться на твоей дочери». Она предложила: «ну, ложишь спать, утра вечера мудренѣе». А сама вышла на крыльцо и заиграла въ золотой рожокъ. Къ ней слетѣлись и сползлись всякія гады и насѣкомыя. Она спросила: «всѣ ли вы здѣсь?» Они отвѣчали: «нѣтъ сороколѣтней лягушки, да она и не доползетъ!»—«Такъ тащите ее сюда»! Поползли за ней нѣсколько лягушекъ. А она была величиною съ сороковую бочку. Приползла. Тогда спросила: «ну, гадкое царство! вездѣ вы бываете и много знаете. А невидали ли вы, не слыхали ли гдѣ Невидимки». Всѣ отвѣчали: «не видали и не слыхали»! А лягушка сказала: «я слыхала, за морями есть островъ: тамъ живетъ Обжора и у него есть Невидимка». Теща приказала Негрѣ: «садись на лягушку! она тебя довезетъ до Обжоры»! А лягушка говоритъ ей: «Я довезу до острова, а сама не пойду къ нему; онъ меня съѣстъ; скажетъ, что я жирная». Негра сѣлъ на лягушку; она потрясла его къ берегу морскому. Лягушка и даетъ совѣтъ: «намъ теперь нужно переплывать черезъ мóря; ну, запускай руки въ мое тѣло и держись крѣпче за меня». А сама нырнула въ мóря и вынырнула на другомъ берегу моря, гдѣ жилъ Обжора. Лягушка увидала тропинку и приказываетъ Негрѣ: «иди по этой тропинкѣ; тамъ увидишь домъ и, войди въ него и спрячься. Когда прилетитъ Обжора и скажетъ, что это русскимъ духомъ пахнетъ, ты тогда выходи, кланяйся и скажи, что ты пришелъ отъ царя за Невидимкой». Негра покланился лягушкѣ пошелъ и увидалъ передъ собой не домъ, какъ ему лягушка говорила, а какой-то грамадная лабазъ; вмѣсто окошекъ какія-то двери, а двери точно ворота. Негра вошелъ въ этотъ необыкновенный домъ. Въ домѣ никакой души живой не было. Негра увидалъ, вмѣсто всякой мебели какіе-то обрубки замѣняли стулья, а столъ походилъ на большую площадку, чѣмъ на столъ. Негра спрятался въ одной изъ комнатовъ. Вотъ прелетаетъ какой - то не звѣрь, не птица и не человѣкъ, и громаднаго роста и какъ ни были велики двери, а все-таки едва прошелъ онъ въ нихъ и закричалъ: «фу, это что русскимъ духомъ пахнетъ»? Ему какой-то голосъ отвѣчаетъ: «ты много по свѣту леталъ и всякого духу слыхалъ». Тутъ выходитъ Негра и низко кланяется. Обжора закричалъ, точно левъ зарычалъ: «Чего тебѣ нужно»? Негра оправился отъ страху и отвѣчалъ: «я пришелъ отъ русскаго царя за Невидимкой». Обжора и говоритъ: «я дамъ тебѣ Невидимку, давай со мной пообѣдаемъ. И закричалъ: «Невидимка»! Чей-то голосъ отозвался: «Чего»?—«Давай намъ обѣдать!». Подаетъ цѣлаго жаренаго быка, а невидимо какъ-то. Негра взялъ кусокъ мяса, а Обжора взялъ всего быка за ноги и съѣлъ всего быка. Потомъ спросилъ пить; невидимо кто-то несетъ ушатъ пива; Обжора взялъ ушатъ, въ который входило пять ведеръ. Обжора въ одинъ мигъ выпилъ, а потомъ приказываетъ: «Невидимка, иди съ этимъ человѣкомъ и служи ему, какъ мнѣ служила, — я тебя вездѣ найду». Негра поклонился Обжорѣ. И пошли къ лягушкѣ. Негра, чтобы узнать, идетъ ли съ нимъ Невидимка, зоветъ ее, она отзывается. А лягушка завопила: «я двоихъ не донесу». Тутъ Негра опечалился и не знаетъ, какъ съ этаго острова переѣхать. А Невидимка нашла два бревна, стащила къ морю и приказала Негрѣ: «становись на бревна и пойдемъ». Негра согласился и пошелъ по бревнамъ; когда станетъ доходить до конца, Невидимка передвинетъ бревно. Такъ шелъ онъ по морю. Шелъ иноземскій корабль съ войскомъ. Съ корабля увидали Негру и удивились, какъ плетъ человѣкъ по водѣ. Король приказалъ принять его на корабль. А Невидимка замолвила Негрѣ: «если король будетъ покупать меня, ты продай; я уйду». Корабль остановился и Негру король спросилъ: «какую ты силу имѣешь, что идешь по морю, какъ по суху»? Негра отвѣчалъ: «меня Невидимка ведетъ».—«Какая твоя Невидимка? покажи намъ ее». Негра позвалъ: «Невидимка»! Она отозвалась. Король спросилъ: «что же еще она можетъ»? Негра отвѣтилъ: «что прикажете». Король приказалъ накормить войско его. Начались накрываться

столы и обѣдъ былъ на славу, всѣ войска были сыты. Король сталъ просить, чтобы Негра продалъ ему Невидимку за его мѣдный рожокъ, въ которомъ помѣщается пятьсотъ человѣкъ. Негра согласился. Король ссадилъ Негру на берегъ и уѣхалъ. Позвалъ король Невидимку, а ея нѣтъ. Тогда король понялъ, что его Негра обманулъ, пошелъ съ войскомъ на русскаго царя. А въ это время пришелъ Негра къ царю. А у царя былъ балъ; царь спросилъ Негру: «а гдѣ же твоя Невидимка? покажи намъ, что принесъ». Негра кликнулъ: «ну-ка, Невидимка, покажи себя». Невидимка начала всѣхъ гостей хлыстать по лицу такъ, что кровь забрызгала. Царь закричалъ: «уйми ты Невидимку. За это ты будешь наказанъ, что такъ поступилъ. Ты отстоишь мое государство отъ иноземскаго короля. Тогда женись». Негра пошелъ. Какъ увидали войска, что къ нимъ идетъ человѣкъ, подумали, это—посланный отъ царя. Негра подошелъ къ войску и заигралъ въ рожокъ; изъ него вышли пятьсотъ человѣкъ и побѣдили короля. Тогда Негра велѣлъ солдатамъ убраться въ рожокъ, а самъ пошелъ къ царю. Царь позволилъ ему жениться на его невѣстѣ. Негра женился, а Невидимка служила имъ. Онѣ жили въ томъ государствѣ.

Прозвища крестьянъ южной части Череповецкаго уѣзда, Новгородской губ. *).

Ассàнъ. Ачкàсъ. А́нтушъ. Анòха. А́нда.

Будры̀къ. Бѣлокòнъ. Бердяй. Базѐнокъ. Башу̀ръ. Бòкта. Богаѣ̀дъ. Баку̀шъ. Бу̀ля. Бàйша. Бàча. Бакàй. Булу̀ча. Бадàкъ. Бутóра. Божàнъ. Башàра. Бухàлецъ. Бухàчъ. Буры̀къ. Бѣлѝза. Базгàль. Бѣлокòмша. Барàй. Базу̀ля. Басалàй. Баты̀ла. Брàмба. Базы̀га. Буры̀га. Брѝка. Бѣлѝха. Бѣлёста. Бѣлокòсокъ. Бѣлу̀нъ. Бату̀ра. Бурѐня. Бау̀тя. Бòдя. Брѐдя. Бадя̀й. Бу̀йко. Буту̀зъ. Базàнъ. Бочàкъ. Бу̀рышъ. Бòлтухъ. Батàнъ Бухàнъ. Баля̀къ. Буру̀къ. Бушѐнокъ. Бурнàшъ. Бу̀рло. Бòбышъ.

Вагу̀ла. Вахлàкъ. Вашу̀къ. Вàхорь. Васенѐцъ. Влачѐнокъ. Веню̀къ.

Гàлаадъ. Гану̀за. Галàша. Гòга. Гузàнъ. Гузàниха. Головàнецъ. Голы̀шъ. Грибàнчикъ. Гашѝдо. Гараню̀къ.

Дрòбышъ. Дій Дермя(е)нѝпа. Дохàта. Дорòня. Деревя̀га. Дурàнко. Дòкусъ. Дырàнъ. Дугàрь. Другàнъ.

Енàньча. Ерѐня. Евòхъ. Еру̀ха. Елѐпъ.

Жàня. Жàрникъ.

Зѐфа. Зòня. Захвàй. Завиту̀ха. Замару̀ха. Завàра. Захватко. Зю̀зя. Зѝмень.

Инголòвъ.

Кру̀ндышъ. Калевòй. Катары̀шъ. Кирбàсъ. Колмàкъ. Ковàрдай. Карабу̀ля. Кàдикъ. Кошу̀ля. Кочу̀ра. Кутю̀гъ. Куфтàрь. Курманлѐй. Карташъ. Кріу̀ля. Кàрышъ. Крохомя̀тка. Кàнышъ. Кадòбень. Ковря̀къ. Кулепѐтъ. Кòкля. Калабàнъ. Ку̀рта. Ку̀рмакъ. Кошлàмъ. Коны̀ло. Кокову̀ля. Кукля̀къ. Ку̀кличъ. Карабàнъ. Кукàра. Кочешиха. Кòма. Кàва. Кѐга. Ку̀дя. Кѝча. Корѐха. Кòмша. Кау̀ля. Ковы̀гя. Ку̀рло. Курàпко. Коптя̀й. Каштàй. Коротя̀й. Косты̀лъ. Кунишъ. Каю̀къ. Курдю̀мъ. Кàтень. Кахàнъ. Ковàль. Козя̀къ. Караганъ. Кòбышъ. Казень. Ксеню̀къ.

Ля̀бко. Лòхичъ. Лабардà. Ля̀та. Ляòджа. Лепѝло. Лàшко. Лепестѝха. Ложкомòй. Левшѐнокъ. Легàнъ. Лàчышъ. Лàвникъ. Ласкáрь.

Мингàлъ. Му̀рца Мидàкъ. Мизя̀къ. Мелу̀за. Меля̀й. Мукозòбъ. Мачу̀ра. Муры̀ня. Мятовикъ. Матóръ. Малы̀ла. Мося̀га. Макшаниха. Мичàга. Меньшу̀та. Маурá. Марашѝха. Малѐй. Мнтору̀й. Мàловецъ. Маръ. Малàхъ. Муры̀шъ. Макшàнъ. Мокря̀къ. Мохолòй. Маля̀къ. Мàричъ

Незлòба. Недочу̀й. Нòха. Ну̀жа.

Окоёмъ. Отя̀й. Отя̀па. Осташка. Ося̀га.

---

*) Смотри «Живая Старина». Годъ 8-й, выпускъ III и IV, стр. 392.

Пашкей. Поздей. Полусай. Прихотяй. Перхуръ. Папукъ. Пурышъ. Пойга. Панлишъ Позема. Попанъ. Пушменъ. Похомжа. Петоша. Папышиха. Пазгаль. Посоха. Пося. Полуня. Пачейко. Перевезенецъ. Проскурякъ. Подбойникъ. Партанъ. Покудышъ. Прилулко. Паланъ. Палита.

Распопа. Рустикъ. Ратай. Реатъ. Ропакъ. Рупасъ. Раля. Ролька.

Серманъ. Сарандакъ. Смердякъ. Сауня. Соутя. Самутя. Сотяла. Сапуръ. Секлютъ. Столупа. Семчикъ. Сезяй. Синяй. Селя. Себя. Сися. Соша Синява. Сирка. Солка. Серунко. Сущейко. Соваленя. Сакрыня. Совалко. Сухачко. Сайна. Старникъ.

Толовикъ. Толбуга. Тюсъ. Толома. Тестерь. Таврунъ. Тарыня. Третуха. Торя. Тювалко. Тюля. Торочокъ. Тялунъ Турпалъ. Тутуръ. Тестевь. Трунко. Туганъ. Ташкуль. Таборь. Тюфяй. Таничъ.

Уханъ.

Фуртя. Фатько. Филихъ. Фифля. Фиримчъ. Фуренко. Фарута.

Ханыкъ. Харда. Хлема. Хухарь. Халда. Хозъ. Хезя. Хаборъ. Харій. Харюкъ. Храбачъ. Хрепчикъ. Хамонко. Харпунъ.

Цыкура. Цывуля. Цыпа Целикъ.

Чемодуръ. Чемляй. Чечюля. Чаплыла. Чоглокъ. Чучевака. Чеперя. Чаба. Чекало. Чинникъ. Черноголовокъ. Чусъ. Чирута.

Шаруха. Шкора. Шаматило. Шуляга. Шурыла. Шабырь. Штарь. Шараша. Шабалка. Шоничъ. Широгоръ. Шухалъ. Шепило. Шолохъ. Шига. Шамуръ. Шульга. Шадровка. Шова. Шабура. Шиша. Шаня. Шибай. Шемайко. Шаталко. Шарокъ. Шадрикъ. Шарапъ. Шелнецъ. Шмоня. Штрыкъ.

Юмалъ. Юра. Юланъ.

Ялгосоръ. Янгалъ. Яргомъ. Яшкуръ. Янсокъ. Яганко.

Народныя прозвища, записанныя на Сысертскомъ заводѣ, Екатеринбург. у. Перм. губ.

Записанныя мною прозвища на Сысертскомъ заводѣ, какъ и во многихъ селеніяхъ Уральскаго края, настолько употребляемы въ обыденной жизни крестьянъ, что прозвище составляетъ въ этомъ отношеніи, пожалуй, второе имя, или, въ крайнемъ случаѣ, замѣняетъ собою оффиціальную фамилію. Такъ, многіе обыватели неизвѣстны по фамиліи, а популярны по прозвищу.

Что касается происхожденія ихъ, то условія, ихъ породившія, весьма сложны. Во первыхъ—различныя обстоятельства въ жизни даютъ прекрасный поводъ къ тому, чтобы народное остроуміе дало прозвище. Такъ, прозвище «удавленикъ» существуетъ все еще въ 7 поколѣніи. Затѣмъ, въ видѣ насмѣшки надъ фигурой человѣка: «тюлень, головань, коса - бароня и др.; надъ образомъ его дѣйствій: «вертуша, мартышка и пр.

Однимъ словомъ, народъ не пропускаетъ ни одного случая въ жизни, чтобы за какой-нибудь проступокъ не заклеймить не только провинившагося лица на всю жизнь, но даже все его потомство. Съ этой стороны прозвища имѣютъ нравственное значеніе, и потому играютъ въ крестьянской жизни большую роль.

Тараканъ,— Татарка,— Косоголовикъ,— Карнаусъ,— Рѣдька, — Монко,— Куча,— Тюлень,—Катушка, — Ныряло, — Духъ, — Пѣтушокъ,— Шефъ,—Лапа,—Кулага,—Рыжой,—Голованъ,—Золотой,—Скворчикъ,—Баранба,—Сочень,—Губа,—Баранъ,—Жеребчикъ,— Ненуна,— Море,— Карепокъ,— Мѣнухъ, — Бетя,— Вароня,— Барсукъ,—Повозка,—Горшокъ,—Лапша,—Карась,—Кантора,—Зюзя,—Удавленикъ, —Кошечка,—Сорока,—Барокъ,—Гусь,—Масличко,—Вертуша,—Чечетка,—Пыхта,—Циба,—Обабокъ,—Ангелушка,—Коса-бароня,—Краснобай,— Росатка,—Сычъ,— Заглядены,—Долина,—Калина,—Ераско,— Хрѣнъ,— Перша,— Чеканъ,—Сысой, - Пельмѣнъ,—Пузырь,—Чертушко,—Конда—Богатырь,—Свекла,—Еланъ,—Хоря,—Зима,—Корова, — Вѣричъ,—Калябокъ,— Зоря,—Кисель,—Гнида,—Харуля,—Пчела,—Червякъ,—Забота.— Попикъ,—

Драга̀нъ, —Ко̀робъ,— Бо̀тко, — Рябина,—Мамо̀нъ,—Егутко̀,— Лѐтухъ,—Гузня̀, — Клюква,—Бала̀нда, — Ба̀чуръ,—Ба̀ря,—Ва̀рошка,—Мартышка,—Царица.

А. Яркова.

Екатеринбургъ. 4 ноября 1900.

Въ сборникѣ «Россiи» изд. Деврiена о происхожденiи названiя Каргополь (407 стр. III-го т.) напечатано: «свое названiе Каргополь получилъ отъ слова карга—ворона, которыхъ здѣсь было очень много»... Мнѣ думается, что названiе Каргополь исключительно можно производить отъ финско-корельскаго корня (какъ и всѣ названiя городовъ Олонецкой губ., за исключенiемъ Петрозаводскъ и Лодейное поле)—karhun-puoli или karhun-maa—медвѣжья сторона, страна или karhula—медвѣжино, отсюда и русское карголомъ.

Н. Лѣсковъ.

Каргополь.
